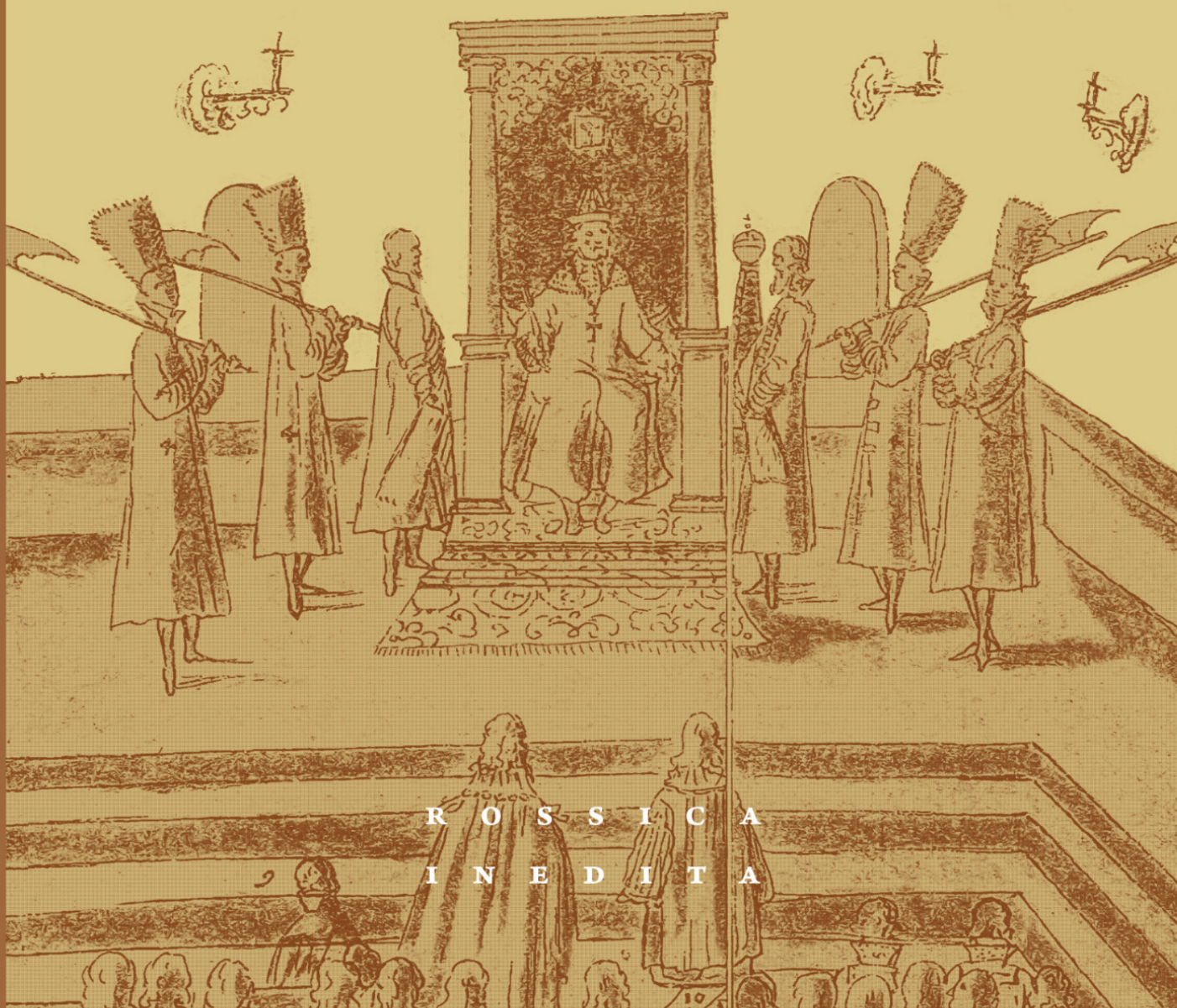

Н О В Ы Е   И С Т О Ч Н И К И   П О   И С Т О Р И И   Р О С С И И

ДНЕВНИК ПЕРЕВОДЧИКА ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА КРИСТОФА БОУША

(1654–1664)

ПЕРЕВОД, КОММЕНТАРИИ,
НЕМЕЦКИЙ ОРИГИНАЛ

R O S S I C A
I N E D I T A

Новые источники по истории России. Rossica Inedita

**Дневник переводчика
Посольского приказа Кристофа
Боуша (1654-1664). Перевод,
комментарии, немецкий оригинал**

УДК 929:94(47)
ББК 63.2+63.3(2)51

Дневник переводчика Посольского приказа Кристофа Боуша
(1654-1664). Перевод, комментарии, немецкий оригинал /
— (Новые источники по истории России. Rossica Inedita)

ISBN 978-5-7598-4018-3

Издание предлагает вниманию читателей комментированный перевод и оригинал дневниковых записей, которые переводчик на русской службе Кристоф (в православии – Василий) Боуш тайно вел на немецком языке в 1654–1664 гг. Автор рассказывает о боевых действиях в ходе русско-польской войны 1654–1667 гг., поведении русских войск на завоеванных территориях, судьбе польских пленных в России, о событиях при царском дворе, порче монеты, восстаниях и политической борьбе в России и польско-литовском государстве, о пожарах, вспышках чумы и прочих бедствиях. Подробно описываются приемы иностранных послов в Кремле и переговоры русских дипломатов на съездах с польскими и шведскими представителями. Хотя большая часть сообщений, несомненно, отражает взгляд из Москвы, автор «Дневника», сам прошедший русский плен, не скрывал ни своих сложных чувств к «московитам», которым принужден был служить, ни сочувствия к «полякам». «Дневник» содержит ценные сведения по истории Восточной Европы XVII в., а также является уникальным свидетельством того, как иноземец на царской службе воспринимал политические и культурные реалии русского государства и его внешней политики. Книга адресована историкам, культурологам, филологам.

УДК 929:94(47)
ББК 63.2+63.3(2)51

ISBN 978-5-7598-4018-3

Содержание

От научного редактора	8
Список сокращений	10
Дневник переводчика Посольского приказа: автор, контекст, жанр	11
Безгласные переводчики	11
Все начинается с рукописи	14
В стенах Академии	16
«Дневник» в поисках автора	19
Кристоф Боуш: имя, язык, происхождение	22
Из пленников в переводчики	26
Дела финансовые и дела семейные	30
Смерть в Митаве	33
Свой среди чужих, чужой среди своих	36
В мастерской историка	39
«Дневник» в поисках читателя	42
Дневник войны русских и поляков (1654–1664)	44
Год 1654	44
Дополнение к 1654 году	45
Год 1655	48
Дополнение к 1655 году	54
1656 год	58
Дополнение к 1656 году	71
Год 1657	73
Дополнение к 1657 году	75
Год 1658	77
Дополнение к 1658 году	86
1659 год	88
Дополнение к 1659 году	93
Конец ознакомительного фрагмента.	97

**Дневник переводчика Посольского
приказа Кристофа Боуша (1654-1664).
Перевод, комментарии, немецкий оригинал
*Сост., вступ. ст., пер. с нем., науч.
ред. и коммент. О. В. Русаковского***

© Составление, перевод с немецкого языка, вступительная статья, составление указателей. Русаковский О.В., 2024

* * *

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

ЦЕНТР ИСТОРИИ РОССИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ ШКОЛЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ДНЕВНИК
ПЕРЕВОДЧИКА
ПОСОЛЬСКОГО
ПРИКАЗА
КРИСТОФА БОУША
(1654–1664)

ПЕРЕВОД, КОММЕНТАРИИ,
НЕМЕЦКИЙ ОРИГИНАЛ

Составитель и научный редактор
Олег Русаковский

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ
МОСКВА, 2024

От научного редактора

Представляемый в данном издании источник – ранее не публиковавшийся дневник за 1654–1664 гг., атрибутируемый переводчику Посольского приказа Кристофу (Василию) Боушу. Текст «Дневника» публикуется в русском переводе с немецкого, а также на языке оригинала по рукописи из собрания Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге¹.

При передаче в переводе имен, географических названий и специальных терминов публикатор руководствовался некоторыми общими соображениями.

Русские, украинские и белорусские личные имена и топонимы воспроизводятся в их общепринятой русской форме или, если идентификация невозможна, в наиболее вероятной с фонетической точки зрения реконструкции. В соответствии с авторским написанием в оригинале одно и то же лицо может быть обозначено различными вариантами имени («Долгоруков» и «Долгорукий», «Юрий Хмельницкий» и «Юрась Хмельницкий» и т. п.).

Иноязычные личные имена и топонимы воспроизводятся в их общепринятой в историографии русской форме или, если таковая отсутствует, по установленным правилам транскрипции. При наличии нескольких употребляемых в русском языке норм предпочтение отдается той, которая наиболее близка написанию в «Дневнике» («Гонсевский» вместо «Госевский», «Дроммонд» вместо «Драммонд» и т. п.).

Топонимы и названия историко-географических областей воспроизводятся в принятой в отечественной историографии форме («Данциг» вместо «Гданьск», «Ревель» вместо «Таллинн» или «Колывань» и т. п.; исключение сделано в единственном случае: «Львов» вместо «Лемберг»). Топонимы, которые приводятся в самом «Дневнике» одновременно в русском и иноязычном варианте, воспроизводятся в переводе в соответствии с написанием, избранным в источнике («Корела» и «Кексгольм», «Орешек» и «Нотебург» и т. п.).

Русские термины, записанные в «Дневнике» латиницей, полностью воспроизводятся в переводе с устранением, если это необходимо, фонетических неточностей или погрешностей переписчика (*Wojewod* как «воевода», *Diak* как «дьяк» и т. п.).

Термины, приведенные в «Дневнике» на польском языке, или латинские термины, вошедшие в политический обиход в Речи Посполитой, даются в переводе в соответствии с существующей в русской историографии традицией (*Podkomorzy* как «подкоморий», *Palatinus* как «палатин» и т. п.).

Немецкие термины, описывающие политические, административные и военные реалии, воспроизводятся в виде их общепринятых эквивалентов в современном русском языке. Так, *General* везде передается как «генерал», хотя из контекста очевидно, что в русских реалиях это слово чаще всего соответствует термину «воевода», а в польских или украинских – слову «гетман»; аналогичным образом «канцлер» (*Cantzler*) может обозначать и польско-литовского «канцлера», и русского «думного дьяка». В некоторых случаях, когда речь идет о России или Речи Посполитой, немецкие термины могут передаваться бесспорно соответствующими им понятиями, принятыми в русских источниках (*Hofrat* как «думный дворянин», *Hofjuncker* как «дворянин» и т. п.).

При комментировании «Дневника» особое внимание уделяется расхождениям между содержащимися в нем сведениями и данными иных источников, а также трактовками, распространенными в исследовательской литературе. Датировки отдельных событий оговариваются в комментариях только в тех случаях, когда «Дневник» явно расходится с датами, указанными в иных источниках или принятыми в исследовательской литературе. Для «Дополнений»,

---

¹ НИОР БАН. Собрание иностранных рукописей. F 15. В дальнейшем ссылки на эту рукопись приводятся в основном тексте в круглых скобках без указания источника.

лишенных дат, датировки отдельных событий приводятся лишь в случаях, когда хронология нарушена или изложение нуждается в такого рода пояснениях. Комментарии к именам и географическим названиям опущены, за исключением ситуаций, в которых сведения «Дневника» существенно отличаются от принятых в историографии или являются очевидно ошибочными. Краткие сведения об упомянутых в тексте лицах и их деятельности в 1654–1664 гг. приводятся в аннотированном указателе имен. Комментарием снабжены упомянутые впервые меры длины и веса, наименования монет и термины, понимание которых может вызвать трудности у читателя.

Издание немецкого текста в целом следует правилам, принятым для публикации немецких текстов раннего Нового времени² и предполагающим соблюдение некоторых общих принципов.

Сокращения раскрываются в квадратных скобках, за исключением наиболее употребительных, список которых дан в приложениях. Регулярные сокращения в окончаниях глаголов и прилагательных, а также в суффиксах наречий раскрываются полностью (bringen вместо bring., langen вместо lang., neulich вместо neul. и т. п.) без дальнейших оговорок.

Орфографические особенности рукописи по возможности воспроизводятся. Различение согласных и гласных букв (i/j и v/u) следует фактической фонетике. Лигатуры раскрываются полностью (ae вместо æ и т. п.).

Написание строчных и прописных букв и разделение на слова соответствуют современной орфографии; собственные и нарицательные имена существительные, в том числе заимствованные, пишутся с большой буквы.

Пунктуация принадлежит публикатору и следует современным нормам. Скобки, обозначенные в рукописи знаками |: и:|, переданы круглыми скобками. После порядковых числительных проставлена точка. Для удобства читателя в числительных от 1.000 для отделения последних трех знаков проставлена точка (10.000 и т. п.).

Пометы и исправления, сделанные в рукописи, не воспроизводятся, поскольку, вероятно, отражают не текст Боуша, а его последующую интерпретацию сотрудниками Академии наук XVIII в. Отдельные случаи, в которых представляется оправданным учитывать пометы, оговариваются в комментариях.

* * *

Неоценимую помощь и поддержку в работе над этой книгой оказали мне коллеги и друзья, щедро делившиеся своими знаниями и временем: Н.Е. Асламов, А.Д. Власова, М.А. Волков, И.В. Герасимова, А.Г. Гуськов, И.В. Дубровский, К.Ф. Ерназаров, И.И. Кожурина, А.М. Лобанов, Ингрид Майер, Т.А. Опарина, П.И. Прудовский, О.С. Сапожникова, М.А. Сорокина, Артем Усачев, Искра Шварц, Штефан Шнек. Разумеется, вся ответственность за ошибки и неточности в настоящем издании лежит на его научном редакторе.

Олег Русаковский

---

² См., например: Empfehlungen zur Edition frühneuzeitlicher Texte // Arbeitskreis "Editionsprobleme der Frühen Neuzeit". 2013. URL: https://www.heimatforschung-regensburg.de/280/1/E-Forum_AHF-Empfehlungen.pdf (date of access: 01.09.2022).

Список сокращений

НИОР БАН – Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук (Санкт-Петербург)

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)

ПДС – Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 1–10. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1851–1871

Leben und Taten – Versuch von einer Beschreibung des Lebens und der Taten Alexei Michailowitz // НИОР БАН. Собрание иностранных рукописей. F 16

Дневник переводчика Посольского приказа: автор, контекст, жанр *Олег Русаковский*

Безгласные переводчики

На обложке этой книги – одно из самых известных изображений царского двора XVII в. Оно принадлежит перу Иоганна Рудольфа Сторна, который посетил Москву в составе посольства императора Священной Римской империи германской нации Леопольда I в 1661–1662 гг. Рисовальщик изобразил торжественный прием послов Августина фон Мейерберга и Гуильельмо Кальвуччи царем Алексеем Михайловичем в Золотой палате Московского Кремля 18 мая 1661 г.³ Мы видим русского государя, его ближайших советников и телохранителей, русских придворных и самих императорских послов. По левую руку от них, спиной, вполоборота к зрителю, стоит человек. Различить черты его лица невозможно. Угадываются лишь очертания профиля – рисунок столь небрежен, что, кажется, Сторн наскоро добавил эту фигуру поверх уже расчерченных ступеней, ведущих к царскому трону. Подпись к рисунку называет этого человека «московитским переводчиком» (*der moscowitische Translator*). Благодаря русским документам и запискам императорских послов⁴ мы можем предполагать, что перед нами единственное сохранившееся изображение (едва ли его можно назвать портретом) переводчика Василия Боуша.

«Портрет со спины» оказывается невольной метафорой того, как историки в большинстве случаев смотрят на Боуша и его коллег. Благодаря исследованиям последних десятилетий мы многое знаем о переводчиках Посольского приказа, начиная от конкретных биографий и заканчивая обобщенным образом этой социальной и профессиональной группы⁵. Нам известно, что большинство этих людей не были русскими по рождению, а происходили в первом или втором поколении либо из числа иноземцев, оказавшихся, часто не по своей воле, в Москве, либо, как это часто случалось с переводчиками восточных языков, из покоренных народов Поволжья или Великой степи. Благодаря знанию одного, а чаще нескольких иностранных языков, а также собственному таланту, незаурядному жизненному опыту, эрудиции и удаче они были незаменимы для русского правительства и могли рассчитывать на успешную карьеру. Эти немногие люди работали над переводами посольской переписки, европейских новостных изданий, художественных, научных и технических книг. Их повседневный труд во многом обеспечил политические успехи России, ставшей в XVII в. ведущей державой

---

³ Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII в.: Объяснительные примечания к рисункам / сост. Ф. Адельунг, А.М. Ловягин. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1903. Рис. 54. Здесь и далее, если отсутствует специальный комментарий, даты приводятся по юлианскому календарю, который используется в тексте «Дневника».

⁴ Ср. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом / пер. А.Н. Шемякина. М.: Университетская типография, 1874. С. 72; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1851–1871 (далее – ПДС). Т. 4. Стб. 132, 154–154.

⁵ Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: Материалы к словарю. М.: Индрик, 2021 (с обширной библиографией); Беляков А.В. Служащие Посольского приказа, 1645–1682. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 93–141; Оборнева З.Е. Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). М.: Изд. дом ЯСК, 2019. Попытку социологического анализа см.: Шамин С.М., Янссон О. «Контактные группы» Московского государства // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия. Материалы междунар. науч. конф. Москва, 29–30 сентября 2021 г. Вып. 2. М.: Институт российской истории РАН, 2021. С. 223–229.

Восточной Европы. Без их усилий была бы невозможна постепенная вестернизация русской культуры времен первых Романовых, которая подготовила в культурном и практическом отношении реформы петровского царствования.

Наш взгляд на переводчиков Посольского приказа остается, однако, во многом взглядом со стороны. За переведенными ими текстами и формализованным языком челобитных мы не слышим живых людей, зачастую так и не ставших своими в чужой стране. Немногочисленные свидетельства иностранцев, подавляющее большинство которых не были подданными царя и находились в России лишь временно, помогают реконструировать поведение московских переводчиков в отдельных эпизодах, но остаются фрагментарными и почти всегда нуждаются в дополнительной проверке. При этом до настоящего дня нам не были известны какие-либо объемные источники личного происхождения, в которых русские переводчики XVII в. рассказывали бы о своей деятельности или о том, как они воспринимали перипетии большой политики, с которыми сталкивались ежедневно.

Немецкая рукопись, найденная недавно в собрании Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге, позволяет хотя бы отчасти заполнить эту лауну. В библиотечной описи рукопись обозначена как «Дневник войны о войне (*sic!*) русских и поляков с 1654 по 1664 год». Действительно, содержащийся в ней текст представляет собой дневниковые записи за период с августа 1654 г. по конец 1664 г., снабженные краткими погодными «Дополнениями» (*Supplementa*). Речь, однако, не идет о личном дневнике в прямом смысле слова. Перед нами – история внешней политики России, и прежде всего ее войны с Речью Посполитой (1654–1667), ставшей ключевым событием в истории Восточной Европы XVII в.

В первые годы войны царь Алексей Михайлович, поддержав восставших против Речи Посполитой запорожских казаков, захватил почти всю территорию Великого княжества Литовского и часть украинских земель и добился в 1656 г. выгодного Виленского перемирия. В 1656–1658 гг. Россия вела в Прибалтике боевые действия против Швеции, также претендовавшей на часть польско-литовского государства, но не смогла добиться успеха и вынуждена была в 1658 г. заключить компромиссное Валиесарское перемирие, а в 1661 г. – Кардисский мирный договор. В 1658–1660 гг. русские войска, возобновив боевые действия, потерпели ряд поражений и были вынуждены перейти к обороне, а литовская шляхта и часть запорожского казачества встали на польскую сторону. По завершившему войну Андрусовскому перемирию Россия вернула потерянные в Смутное время Смоленск и Северскую землю, а также присоединила Левобережную Украину и Киев на правом берегу Днепра. За тринадцать лет, прошедших с начала войны, конфликт вышел далеко за пределы польско-литовских земель, а его прямыми или косвенными участниками оказались все ключевые державы Восточной, Южной и Центральной Европы: Швеция, Дания, Бранденбург, австрийские Габсбурги, Османская империя и Крымское ханство⁶.

«Дневник» отразил множество граней этого сложнейшего конфликта. Его автор рассказывает о боевых действиях, поведении русских войск на оккупированных территориях, судьбе польских пленных в России, событиях при царском дворе, порче монеты, восстаниях и политической борьбе в России, Запорожской Сечи и на территории польско-литовского государства, пожарах, вспышках чумы и прочих бедствиях. Многочисленные и подробные сообщения, записанные, как кажется, очевидцем, относятся к приемам иностранных послов в Кремле и переговорам русских дипломатов на посольских съездах с польскими и шведскими пред-

---

⁶ О военной истории этих конфликтов см.: Курбатов О.А. Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Руниверс, 2019; Курбатов О.А. Русско-шведская война 1656–1658 гг. М.: Руниверс, 2018; о международных отношениях в Восточной Европе в 1650–1660-х годах см.: Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М.: Индрик, 2010; Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М.: Индрик, 2013; Кобзарева Е.Н. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 гг. М.: ИРИ РАН, 1998; Wójcik Z. Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1959.

ставителями. Хотя большая часть сообщений, несомненно, отражает взгляд из Москвы, автор «Дневника» не скрывает своей неприязни к «московитам» и сочувствия к тем, кого он именует «поляками».

Рассказчик не называет своего имени и избегает любых упоминаний о себе и своей семье. Его знания о российской дипломатии, однако, столь обширны, приводимые сведения точны, а владение несколькими языками – немецким, русским и польским – несомненно, что предположение о службе автора в Посольском приказе напрашивается само собой. Последующие сопоставления данных «Дневника» и приказной документации всецело подтверждают эту догадку. Их совокупность почти неопровержимо свидетельствует о том, что автором «Дневника» был Василий (или, вернее, Кристоф, если использовать его немецкое имя) Боуш, которого Сторн запечатлел за работой в 1661 г. Сочинение Боуша не только содержит уникальные свидетельства об истории России середины XVII в., но и позволяет разглядеть в ее авторе человека, охваченного сильной политической эмоцией и ищущего способы и жанровые рамки ее выражения. Настоящая публикация впервые представляет современному читателю этот своеобразный текст в комментированном русском переводе и (в приложениях к электронному изданию) немецком оригинале⁷.

---

⁷ Некоторые положения данной вступительной статьи изложены в сокращенном виде в работе: *Русаковский О.В.* Дневник переводчика Посольского приказа 1654–1664 гг. Новый источник о международных отношениях середины XVII в. // *Российская история*. 2022. № 5. С. 32–44.

Все начинается с рукописи

Хранящаяся в БАН рукопись представляет собой, насколько нам известно, единственный сохранившийся список «Дневника». Это поздняя беловая копия, выполненная профессиональными писцами. Манускрипт *in folio* занимает 189 листов. Для него характерны широкие внешнее, верхнее и нижнее поля, в то время как поля с внутренней, примыкающей к переплету стороны листов отсутствуют совершенно, что в редких случаях затрудняет чтение. Используемая бумага может быть с большой долей вероятности датирована периодом между 1710 и 1740 гг.⁸ Рукопись заключена в переплет из плотного картона, выполненный, вероятно, в конце XVIII – первой четверти XIX в. На внешней стороне его верхней крышки вытеснен императорский герб в виде двуглавого орла, а на первом листе – штамп Академии наук того же времени с аналогичным гербом.

Пагинация в рукописи непрерывна и, вероятно, выполнена некоторое время спустя после ее написания. Очевидно, что конец списка (одна или несколько тетрадок) утрачен. Текст обрывается на середине предложения внизу последнего, 189-го листа. Один из листов, а именно лист 115, не имеет отношения к основному содержанию и, вероятно, был подшит по ошибке во второй половине XVIII в. На его обороте помещается список книг, переданных в библиотеку Академии из собраний различных учреждений по распоряжению княгини Екатерины Романовны Дашковой, директора Академии в 1783–1794 гг.

Основной текст написан двумя четкими почерками, очевидно, принадлежащими профессиональным писцам первой половины XVIII в. Объем выполненной ими работы неравен. На долю первого переписчика пришлось более 90 процентов текста, в то время как второму принадлежит лишь относительно короткий фрагмент на листах с 47-го по 54-й (записи с 11 января 1657 г. по 22 апреля 1658 г. и «Дополнение» к 1657 г.). Текст на написанных им листах, за исключением двух последних, заключен в прямоугольную рамку, а поля сокращены. Кроме того, в пометах можно выделить еще по меньшей мере два почерка, значительно более небрежных. Одним из них сделан латинский подзаголовок *Res gestae Cz[aren] Alexii Mich[ailowicz] ab Anno 1654 usque 1664* – «Деяния царя Алексея Михайловича с 1654 по 1664 г.» в начале текста, вторым – рубрикация на полях рукописи. Вероятно, первым из этих почерков сделаны также частые пометы и исправления внутри текста рукописи, касающиеся орфографии, замены или объяснения отдельных слов, фразеологических и грамматических конструкций.

Немецкий язык, на котором написан текст, был, несомненно, родным для автора, привычного к написанию сложных текстов на этом языке. Синтаксис «Дневника» подчас весьма запутан за счет большого количества сложноподчиненных предложений и оборотов, заключенных один в другой, что в целом характерно для немецких барочных текстов. Некоторые синтаксические конструкции не завершены, возможно вследствие ошибок переписчиков, и представляют определенные сложности для понимания. Ошибкам переписчиков, быть может, следует приписать и нерегулярность падежных и глагольных форм. Некоторые формы сильных глаголов (претеритум *begunte*, *fund*; причастия *abgesand*, *vermuchtet*; инфинитивы *begaben*, *gelangen* и т. п.) весьма необычны. При этом в «Дневнике» довольно мало диалектных слов и выражений, заимствованных из нижненемецкого языка, которые могли бы указать на возможное происхождение автора (*Kante*, *Tolk*, *Skute*, *vertrokken* и некоторые другие).

Будучи носителем немецкого языка, автор «Дневника» продемонстрировал также владение русским и польским языками. Он уверенно и свободно употребляет русские термины,

---

⁸ В рукописи идентифицированы филигранные «герб Амстердама» двух типов, близкие к приведенным в работе Т.В. Диановой «Филигранные XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама»» (М., 1998) под № 405, 406, 412.

относящиеся к придворным, государственным и военным чинам, и приводит для них корректные немецкие соответствия. Его транслитерации русских личных имен и топонимов в большинстве своем оправданны и последовательны, а допущенные в них отдельные ошибки (например, *Almar* вместо *Almaz* в имени думного дьяка Алмаза Иванова и т. п.) следует, вероятно, приписать небрежности переписчиков. Велико в «Дневнике» также число слов и выражений, заимствованных из латинского и французского языков, что, впрочем, типично для немецких текстов XVII в.

Отмечая в целом довольно большую аккуратность переписчиков «Дневника», нельзя исключать, что некоторые фрагменты текста не вошли в копию, которой мы располагаем сегодня. Отдельные предложения в тексте заканчиваются сокращением *etc.* («и т. д.»). Остается неясным, следовали ли переписчики имевшемуся у них протографу или же подходили к тексту с некоторой долей избирательности. Вместе с тем достаточная степень откровенности дошедшего текста, автор которого не скрывал своей неприязни ко многим действиям русских, в особенности к их политике на оккупированной территории Великого княжества Литовского, исключает, как кажется, возможность последовательной цензуры по политическим мотивам со стороны переписчиков.

В стенах Академии

Все сведения об истории рукописи, которыми мы располагаем, относятся к одному эпизоду из истории Санкт-Петербургской Академии наук. В феврале 1735 г. правительство императрицы Анны Иоанновны приняло решение о переиздании «Уложения» царя Алексея Михайловича с параллельным немецким текстом. В качестве своеобразного развернутого предисловия к этому изданию сотруднику Академии Иоганну Георгу Лоттеру было поручено подготовить биографию царя на немецком языке с последующим переводом на русский⁹. Уроженец Аугсбурга, учившийся в Галле и окончивший университет в Лейпциге, Лоттер получил известность как автор работ по античной и средневековой истории и в 1734 г. принял должность профессора риторики и греческих и римских древностей при Петербургской Академии наук. Помощь Лоттеру, в частности, в составлении генеалогических таблиц по русской истории, оказывал его более известный соотечественник, историк и филолог Готтлиб Зигфрид Байер¹⁰. Он же взял на себя завершение жизнеописания после смерти коллеги в апреле 1737 г.

Труд Лоттера и Байера, озаглавленный «Опыт описания жизни и деяний царя Алексея Михайловича», сохранился в полной белой копии в Библиотеке Академии наук. Знакомство с этим объемным текстом, занимающим 339 листов *in folio*, не оставляет сомнений в том, что главным камнем преткновения для его авторов стала языковая проблема. Оба немецких историка прожили в России недолго и не овладели в должной степени русским языком. В своей работе они отчасти опирались на выписки из русских нарративных источников, которые были по заказу Лоттера переведены на латынь кем-то из русских сотрудников Академии. В рукописи «Жизни и деяний» эти латинские выписки, с краткими и не всегда понятными указаниями на их происхождение, приведены параллельно основному тексту. Помимо этих фрагментарных записей, Лоттер и Байер использовали иноязычные свидетельства. Описывая ход войн Швеции с Речью Посполитой и русским государством, они широко ссылаются на «Историю Карла Густава» Самуэля фон Пуфендорфа, а для описания русско-польской войны используют латинские сочинения польских авторов. Кроме того, в рукописи приведен в пересказе один объемный фрагмент из знаменитого дневника шотландского наемного офицера Патрика Гордона за 1661 г.¹¹ Рассказ о казацком мятеже на Украине в 1668–1669 гг. и восстании Степана Разина в 1670–1671 гг. опирается на не дошедший до нас дневник некоего немецкого офицера, служившего в одном из русских солдатских или рейтарских полков¹².

Рукопись «Дневника» оказалась для Лоттера и Байера поистине бесценной находкой. Описывая вступление царских армий в пределы Великого княжества Литовского в 1654 г., они впервые дают ссылку на «рукопись пленного поляка, который затем остался на русской службе в качестве переводчика (*Translateur*) (Григория Колерцкого (*Gregori Kolerckzy*)) и описал события 1654–1664 гг. и которому мы, за недостатком многих известий, будем большей частью следовать, исключая те случаи, когда я (*sic!*) обращаюсь к польским писаниям»¹³. Это откровенное признание совершенно справедливо. В дальнейшем наши авторы более трид-

---

⁹ О Лоттере см.: *Franck J. Lotter, Johann Georg // Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 19. Leipzig, 1884. S. 272; Veith F.A. Bibliotheca Augustana. Bd. 11. Augustae Vindelicarum, 1795. P. 120–136. Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. С. 535–538; Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 6. СПб., 1890. С. 381–383.*

¹⁰ О Байере см.: *Fück J.W. Bayer, Gottlieb Siegfried // Neue Deutsche Biographie. Bd. 1. Leipzig, 1875. S. 678; Пекарский П.П. История Императорской Академии наук... С. 180–196.*

¹¹ *Leben und Taten... Л. 203.* См. современную публикацию дневника Гордона в изд.: *Гордон П. Дневник // пер., ст. и примеч. Д.Г. Федосова. Т. 1–6. М.: Наука, 2000–2018.*

¹² *Leben und Taten... Л. 309–328 об.*

¹³ *Ibid. Л. 86 об. – 87.* Имя *Gregori Kolerckzy* вписано иной рукой и чернилами, нежели сама сноска и основной текст.

цати раз прямо упоминают сочинение «Колерцкого» как свой основной, а в подавляющем большинстве случаев и единственный, источник. Фактически же «Жизнь и деяния» превращаются в подробный, иногда почти дословный пересказ «Дневника». Когда сведения «Колерцкого» вступают в противоречие с сообщениями Пуфендорфа, академики, не утруждая себя аргументами, принимают на веру записи «Дневника»¹⁴. Говоря о скандальном приеме английского посольства в Кремле в ноябре 1663 г., они замечают: «Все последующее взято из журнала (*Journal*) Г. Колерцкого; напротив, можно воздержаться от чтения напечатанных путевых заметок, которые совершенно пристрастны (*voller Partheylichkeit ist*)»¹⁵, имея в виду, вероятно, записки секретаря английского посольства Ги Мьежа¹⁶.

Дойдя в своем изложении до начала 1665 г., один из немецких историков с сожалением отмечает: «До сей поры журнал Колерцкого служил мне верную службу. Здесь, однако, он кончается, и я не нахожу никаких известий, кроме тех, которые я могу почерпнуть из другого журнала одного немецкого офицера, начинающегося, однако, лишь с 1667 г. Поэтому я не могу ничего сказать в особенности об Андрусовском мире и вообще о 1665 и 1666 годах»¹⁷. Таким образом, Лоттер и Байер пользовались тем текстом «Дневника», которым сегодня располагаем мы и который открывается описанием событий лета 1654 г. и обрывается концом 1664 г.

Опубликованные протоколы заседаний Конференции – центрального управляющего органа Академии наук – позволяют реконструировать процесс работы Лоттера и Байера и сделать предположения о происхождении использованных ими источников. 12 декабря 1735 г. копиист Академии Юберкампф получил приказ «являться к барону Гюйсену и со всем тщанием подготавливать отрывки (*excerpta*), относящиеся к русской истории, в особенности касающиеся жизни Великого Князя Алексея Михайловича, [из сочинений], которые принадлежат барону Гюйсену»¹⁸. В то же время нет никаких свидетельств, ни подтверждающих нахождение интересующей нас рукописи у дипломата русской службы Генриха фон Гюйссена или по крайней мере его знакомство с ней, ни отрицающих такую возможность. В исторических сочинениях самого Гюйссена материал «Дневника» использован не был; впрочем, экскурсы в царствование Алексея Михайловича в них были весьма кратки и не требовали специального отбора источников¹⁹. По сведениям, которые приводит, хотя и без дальнейших ссылок, историк Академии П.П. Пекарский, выданные Лоттеру манускрипты могли происходить из библиотеки покойного сподвижника Петра I Якова Брюса²⁰. Брюс действительно умер в апреле 1735 г., но опубликованные описи его собрания не содержат никаких упоминаний о рукописи, содержание которой было бы сходно с «Дневником»²¹.

Первую часть своего труда, занявшую в чистовой копии 48 листов, Лоттер завершил в конце октября 1736 г.²² К этому тексту прилагались родословные древа последних Рюриковичей и первых Романовых, выполненные Байером и включенные впоследствии в беловую рукопись²³. Зимой 1736/37 г. в ход работ, однако, вмешалась болезнь историографа, вызванная, по официальной версии, скверным петербургским климатом, а по отзывам современни-

¹⁴ Ibid. Л. 112 об.

¹⁵ Ibid. Л. 297.

¹⁶ Miège G. A Relation of Three Embassies from His Sacred Majestie Charles II to the great Duke of Muscovie, the King of Sweden, and the King of Denmark. L.: John Starkey, 1669.

¹⁷ Leben und Taten... Л. 306.

¹⁸ Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 годы. Т. 1. 1725–1743. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1897. С. 230.

¹⁹ О Гюйссене как историке см.: Korzun S. Heinrich von Huyssen (1666–1739). Prinzenenerzieher, Diplomat und Publizist in den Diensten Zar Peters I., des Großen. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. S. 169–190.

²⁰ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук... С. 538.

²¹ Ср.: Библиотека Я.В. Брюса. Каталог / сост. Е.А. Савельева. Л.: БАН СССР, 1989.

²² Протоколы заседаний... С. 325.

²³ Leben und Taten... Л. 4–7 об.

ков, невоздержанностью по части женского пола²⁴. 8 февраля 1737 г. врачи еще обнадеживали Лоттера в том, что весной он сможет вернуться к работе²⁵, но уже 1 апреля 1737 г. историк скончался²⁶.

Еще при жизни Лоттера, в феврале-марте 1737 г., его черновики и подготовительные материалы, включая «шесть письменных известий о России (*sechs Stück schriftliche Nachrichten von Russland*)», передали Байеру как продолжателю труда умирающего историка²⁷. Байер, хотя и жаловался на недостаток источников, завершил свою работу к осени 1737 г., представив Академии 4 ноября беловую рукопись «Жизни и деяний...» – вероятно, ту самую, которой мы располагаем сегодня²⁸. Она, однако, так и не была опубликована. Возможно, одной из причин этого стала скоропостижная кончина Байера 10 февраля 1738 г.²⁹ Продолжателей у историка не нашлось. Сложно сказать, осталось ли руководство Академии недовольно результатами изысканий Лоттера и Байера, или же в правительстве вовсе потеряли интерес к этому историческому сюжету.

«Жизнь и деяния...» оказались прочно забыты и за последующие без малого три столетия удостоились разве что кратких упоминаний в общих работах по истории Академии. Столь же незавидной была и судьба использованных Лоттером и Байером материалов. Списки, сделанные по заказу Академии, в том числе сохранившаяся до сегодняшнего дня рукопись «Дневника», оказались в академическом архиве. Оригиналы же возвратили владельцам или, если последние не высказывали заинтересованности в них, выставили на продажу³⁰. Вероятно, именно тогда стены Академии покинул и был навсегда утрачен протограф «Дневника».

---

²⁴ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук... С. 538.

²⁵ Протоколы заседаний... С. 354.

²⁶ Там же. С. 378.

²⁷ Там же. С. 371, 353–354.

²⁸ Там же. С. 439.

²⁹ Там же. С. 458.

³⁰ Там же. С. 469. См. также: С. 380, 392, 408.

«Дневник» в поисках автора

Кто же был автором «Дневника»? В самом источнике нет прямых указаний на его создателя. Более того, очевидным кажется желание автора скрыть собственное имя. Как уже говорилось, он полностью сконцентрирован на политических событиях и не сообщает никаких подробностей о себе лично. Местоимение «я» употреблено в тексте лишь два раза – в исполненном драматического накала повествовании о голоде в Белоруссии в 1657 г. (л. 49) и в совершенно нейтральном по тону описании въезда английского посла в Москву в 1664 г. (л. 137 об.). Два этих случая столь несхожи и по предмету, и по тону рассказа, что объяснить эти неожиданные переходы к повествованию от первого лица чем-либо, кроме случайных оговорок, едва ли возможно.

Примечательно и использование в «Дневнике» местоимения «мы». Хотя неприязнь автора к «москвитам» очевидна, во всех случаях выражения «мы», «наши» или «наша сторона» употребляются в тексте в отношении московских дипломатов и, реже, подданных русского государя вообще. Вместе с тем, много говоря об иноземцах на русской службе, автор почти никогда не причисляет себя к ним. Единственное исключение вновь приходится на одно из самых эмоционально насыщенных мест «Дневника» – рассказ об избавлении от тягот русского плена некоей польской девицы Полянской, которой помогали «мы», т. е. иноземцы, к коим автор, очевидно, причисляет себя (л. 79–79 об.).

Учитывая скудость подобных примеров, а также принимая во внимание видимое нежелание автора раскрывать свое инкогнито, исследователю приходится полагаться на косвенные соображения. Соединение в «Дневнике» глубоких знаний о русском государстве и его повседневной дипломатической практике с неприязнью к его жителям и симпатией к полякам заставляет подозревать в авторе подданного Польской короны, волею обстоятельств оказавшегося на службе в Москве. Владение, причем, вероятно, письменное, несколькими иностранными языками указывает на переводчика Посольского приказа, тем более что многие из них попадали на службу путем плена и, вероятно, питали сложные чувства к своей новой родине. Установить среди них автора «Дневника» помогает то, что мы можем с известной долей уверенности проследить его итинерарий. При внимательном чтении «Дневника» бросается в глаза, что в те месяцы, когда внимание автора концентрируется на ходе отдельных посольских съездов с поляками и шведами, проходивших вдали от столицы, сведения о приемах и переговорах в Москве пропадают из текста, а замечания общеполитического характера становятся отрывочными и касаются только самых значимых событий. Естественно предположить, что автор сам ездил на описанные им переговоры, покидая на это время Москву. Набор подобных поездок для каждого из приказных переводчиков хорошо известен, и простое сопоставление их послужных списков с «Дневником» может с большой долей вероятности указать на его создателя.

Первые читатели «Дневника», познакомившиеся с ним в 1730-х годах, не могли пойти предложенным путем, поскольку документы Посольского приказа оставались тогда неразобранными. Академики справедливо искали автора текста среди немногих переводчиков Посольского приказа, упомянутых в тексте в третьем лице. Наиболее подходящей кандидатурой им казался некий «Григорий Колерцкий», названный в «Дневнике» среди членов русской делегации на посольском съезде под Вильной в 1656 г. (л. 23). В маргиналиях к «Жизни и деяниям» он упоминается как автор «Дневника» несколько раз. Скорее всего, выбор Лоттера и Байера остановился на «Колерцком», поскольку два других фигурирующих в тексте переводчика с польскими или западнорусскими фамилиями – Людвиг (Степан) Ширецкий и Ян (Иван)

Булак – были, по сообщению самого источника, сосланы в январе 1664 г. в Казань и не могли стать свидетелями событий, описанных на последних страницах «Дневника» (л. 136)³¹.

Даже поверхностного знакомства со списками переводчиков, служивших в Посольском приказе в 1650–1660-х годах, достаточно, однако, чтобы убедиться в отсутствии среди них человека по имени Григорий Колерцкий. Само это имя в использованном в «Дневнике» написании звучит неестественно и на польском, и на русском языках. Как уже говорилось, ошибки в написании русских и польских имен, фамилий и названий иногда встречаются в тексте, вероятно, по вине переписчиков. Казалось разумным отождествить Колерцкого с Григорием Колчицким, который действительно служил в Посольском приказе переводчиком польского, латинского и белорусского языков с 1655 г. и принимал участие в подробно описанном в «Дневнике» Виленском съезде 1656 г.³² Уже П.П. Пекарский, основываясь на заметках величайшего из академических историков XVIII в. Герхарда Фридриха Миллера, прямо именовал «Дневник» «рукописью Колчицкого»³³.

Слишком многое, однако, не позволяет считать Колчицкого автором «Дневника». Во-первых, он происходил из Киева и был, очевидно, православным по рождению. «Дневник» же не обнаруживает особенного интереса к малороссийским делам, а православие оставалось для его автора чужой верой. Во-вторых, Колчицкий оказался в Москве уже в 1651/52 гг. по приглашению своего брата Степана, также переводчика Посольского приказа³⁴. Его решение о переезде в Россию носило, насколько можно судить, добровольный характер и не было связано с пленом и иными трагическими обстоятельствами, наложившими отпечаток на автора «Дневника». Наконец, ничто не указывает на то, что Колчицкий знал немецкий язык, переводил с него и тем более мог вести на нем тайный дневник.

Хотя Колчицкий участвовал в двух посольских съездах, описанных в «Дневнике», – под Вильной в 1656 г. и в Борисове в 1660 г. – в остальном его предполагаемый итинерарий не слишком хорошо согласуется с текстом. Так, вскоре после съезда в Борисове он отправился в качестве переводчика в полки князя Юрия Алексеевича Долгорукого и был ранен в битве на Басе 28 сентября 1660 г.³⁵ В «Дневнике» это сражение коротко упомянуто (л. 81), но об иных подробностях похода не сообщается. Летом и осенью 1663 г. Колчицкий ездил к запорожским казакам³⁶, в то время как «Дневник» за это время полон сообщениями из Москвы. Сведений об участии Колчицкого в посольских съездах с поляками в 1658, 1662 и 1664 гг. и тем более в пограничных переговорах со шведами в 1659 г. обнаружить не удалось. Между тем «Дневник», подробно освещающий эти съезды, почти не оставляет сомнений в том, что автор был их непосредственным участником.

Выход из этого противоречия легко найти. Можно предположить, что сотрудники Академии ошиблись, идентифицировав «Колерцкого» (Колчицкого) как автора «Дневника» из-за его польской фамилии. В том же перечислении участников Виленского съезда 1656 г. назван и другой переводчик Посольского приказа – Кристоф Боуш³⁷. Именно он, как уже говорилось, видится идеальным претендентом на роль автора нашего источника. Биография Боуша, которую можно проследить, во всяком случае для периода после 1654 г., обнаруживает большое количество совпадений с предполагаемым жизненным путем автора «Дневника». К рекон-

³¹ О Ширецком и Булаке см.: *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... С. 75, 225.

³² См.: Там же. С. 125–126; *Беляков А.В.* Служащие... С. 307.

³³ *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук... С. 537.

³⁴ О нем см.: *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... С. 126–127.

³⁵ Там же. С. 125. См. также: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1662 г. Д. 10. Л. 73.

³⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 10, 32; Д. 2.

³⁷ Краткие биографические справки о нем см. в изд.: *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... С. 71–72; *Беляков А.В.* Служащие... С. 287.

струкции этой биографии – в чем-то исключительной, а в чем-то, напротив, вполне типичной – нам и предстоит обратиться.

Кристоф Боуш: имя, язык, происхождение

Немецкое имя Боуша – Кристоф – известно исключительно из «Дневника». В документации Посольского приказа он упоминается под своим православным именем Василий, иногда также как «Василий Якимов сын Боуш»³⁸. Его фамилию приказные подьячие часто записывали также как Бауш и, иногда, Баушев. Сам переводчик, однако, предпочитал вариант через «о». Это со всей очевидностью явствует не только из «Дневника», орфографию которого мог искажать переписчик, но и из двух несомненных русских автографов Боуша – расписки в получении прибавочного хлебного корма от 28 января 1662 г.³⁹ и крестоприводной записи об отсутствии у него поместий от 5 августа 1663 г.⁴⁰ Выписка «на пример», сделанная в Посольском приказе в 1673 г., называет Боуша курляндцем⁴¹. Иных указаний на его происхождение в русских источниках нет, поэтому в справочной литературе это свидетельство не ставится под сомнение. Единственный известный автограф Боуша, выполненный латиницей – поручная запись от 24 августа 1655 г. за некоего жителя Велижа Ивана (Яна) Казиминова сына Свидерского, перешедшего в царское подданство и православную веру, – воспроизводит, однако, полонизированную версию его имени (*Wasilej Bohusz rękę przyłożył*), переданную приказными подьячими в русском тексте документа как Богуш⁴².

Начиная с первых лет работы в Посольском приказе и до своей смерти Боуш работал с тремя языками – немецким, польским и латынью. Несомненно, все эти языки, равно как и русский, автор «Дневника» знал превосходно. Кроме того, Боуш в какой-то степени владел распространенными в Балтийском регионе немецкими диалектами. Так, в феврале 1661 г. он экзаменовал взятого в плен под Дерптом Федора Лопова, который пытался поступить в Посольский приказ в толмачи цесарского (немецкого) языка, и установил, что тот знает лишь «лифляндский язык», т. е. один из местных немецких диалектов. Это, впрочем, не помешало Лопову получить искомое место, и в том же году начать в приказе успешную карьеру уже в качестве золотописца – мастера миниатюры и художественного оформления документов⁴³.

Записки иноземцев, сталкивавшихся с Боушем во время их пребывания в России, дают весьма противоречивые сведения относительно его происхождения, имени и владения языками. Рагузанский дворянин Франо Гундулич (Франческо Гондола), посетивший Россию в составе императорского посольства в 1655–1656 гг., писал о том, что переводчик на переговорах с царем в Полоцке 10 июля 1656 г., «какой-то новокрещеный курляндец, был небольшой знаток нашего языка»⁴⁴. Почти нет сомнения, что речь в данном случае идет о Боуше. Остается, однако, неясным, имеется ли в виду под «нашим языком» разговорная «славянская» смесь из русского и южнославянских языков, на которой Гундулич, по собственным уверениям, имел беседы с царем⁴⁵, или все же немецкий, бывший одним из главных языков переговоров.

---

³⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 121; Россия и Пруссия в середине XVII века. Т. 1: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг. / сост. П.И. Прудовский. М.: Древлехранилище, 2013. С. 273, 274.

³⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1661 г. Д. 2. Л. 71.

⁴⁰ Там же. 1662 г. Д. 10. Л. 137.

⁴¹ Там же. 1673 г. Д. 5. Л. 36.

⁴² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 265. Л. 302–302 об. Сердечно благодарю К.А. Кочегарова за указание на этот документ.

⁴³ См.: Беляков А.В. Служащие... С. 171–172.

⁴⁴ Гундулич Ф. Путешествие из Вены в Москву в 1655 г. / пер. К. Петковича // Русский вестник. 1869. Т. 83. № 9. С. 137–165 (здесь – с. 160).

⁴⁵ Там же. С. 155.

Версия о курляндском происхождении Боуша не является единственной. Андреас Роде, секретарь датского посла Ганса Ольделанда, побывавшего в Москве в 1658–1659 гг., свидетельствовал, что обязанности толмача при них исполнял «пленный и перекрещенный лифляндец Василий Багус»⁴⁶. Сходную полонизированную форму – Богуш (*Bogusz*), знакомую нам по поручной расписке 1655 г., – использовал в своем дневнике и польский дипломат Стефан Франтишек Медекша, бывший на переговорах с русскими комиссарами в Смоленске летом 1662 г. Медекша, однако, называл переводчика скрывшим свое происхождение поляком, «присягнувшим на царское имя и окрещенным» (*na imię carskie przysięgłym i ochrzczonym, ani znać że Polak*)⁴⁷. Латинизированное написание *Bauscius* использовал и императорский посланник Августин фон Мейерберг, имевший дело с Боушем во время своего визита в Москву в 1661 г.⁴⁸ Наконец, Якоб Кетлер, герцог Курляндский, в грамоте главе Посольского приказа Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину от 2 января 1668 г., извещавшей о смерти Боуша в Митаве, называл его «благородным господином Василием Баушке (*den wolgebohrnen Herrn Basilium Bauschke*)»⁴⁹.

Итак, источники зафиксировали три версии происхождения Боуша (курляндец, лифляндец или поляк) и четыре различные формы его имени, каждая из которых может указывать на его этническую принадлежность и, возможно, на место рождения. Написание «Боуш» (*Bousch*), использованное в «Дневнике» и в собственноручных расписках переводчика, весьма редко в современном немецком и не зафиксировано в балтийском регионе в раннее Новое время. Фамилия «Богуш» («Багуш»), напротив, оставляет широкий простор для предположений. Она происходит от западнославянского личного имени Богуслав, для которого уже в Средневековье в польском языке зафиксированы формы *Bogusz*, *Bohusz*, *Bogosz*, *Bosz*, *Boszek* и т. д. Широко известны также происходящие от него польские и литовские фамилии – Богушевич, Богушевский и т. п. Имя Богуслав вошло и в немецкий именослов балтийского региона, став, в частности, одним из родовых имен Померанского правящего дома. Носитель подобной фамилии мог, таким образом, происходить из практически любой языковой и этнической среды и быть немцем, поляком, литовцем и т. д. Нельзя, однако, исключать и того, что Богуш (Богуслав, Боуш) в действительности – второе (после первого – Кристоф) имя переводчика, а подлинная его фамилия в таком случае остается для нас неизвестной.

Наконец, вариант «Бауш» (*Bausch*) кажется привлекательным и с лингвистической, и с географической точки зрения. Этот вариант распространенной фамилии *Busch* весьма часто встречается как в верхне- так и в нижненемецких диалектах. Носители ее известны и в балтийском регионе, в том числе на территории Курляндии. Представители рода Бушей в конце XVI–XVII вв. были бюргерами в Голдингене и Митаве, где один из них, Ульрих (ум. в 1687 г.), даже стал членом городского совета⁵⁰. Кроме того, есть искушение связать написание «Бауш», особенно в варианте *Bauschke*, предложенном курляндскими чиновниками в 1667/68 гг., с названием города Бауск (*Bausk*) на крайнем востоке герцогства (ныне – Бауске, Латвия). Это предположение кажется тем более заманчивым, что в одном из переводов западных печатных изданий, выполненном в Посольском приказе в 1660 г., название Бауск передано как Бауш⁵¹. Перевод

⁴⁶ Роде А. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 г. // Проезжая по Москве (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М.: Международные отношения, 1991 / отв. ред. Н.М. Рогожин. С. 285–319 (здесь – с. 290). (Россия в мемуарах дипломатов).

⁴⁷ Medeksza S.F. Księga pamiętnicza wydarzeń zaszłych na Litwie 1654–1668 / wyd. przez W. Seredyńskiego. Kraków: Drukarnia s. k. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1875. S. 117.

⁴⁸ Путешествие в Московию... С. 72.

⁴⁹ Россия и Пруссия... С. 433.

⁵⁰ Seuberlich E. Stammtafeln deutsch-baltischer Geschlechter. Bd. 1. Leipzig: Zentralstelle für deutsche Personen- und Familiengeschichte, 1924. S. 17.

⁵¹ Вести-курранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: в 2 ч. / под ред. А.М. Молдована и И. Майер. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008–2009. Ч. 1. С. 71; Ч. 2. С. 450–451.

этот анонимен, но делался он с голландского, и едва ли его автором был сам Боуш, не знавший этого языка. Не означает ли тогда Боуш (*Bausch, Bauschke*) выходца из Бауска или его окрестностей? Следует, правда, иметь в виду, что в самом «Дневнике» Бауск упомянут единожды как *Bausk* (л. 62 об.), что весьма далеко от написания в источнике имени переводчика.

Неожиданную информацию о социальном и географическом происхождении Боуша можно почерпнуть из челобитной, поданной переводчиком в мае 1656 г. Согласно ей, в том же году русские войска взяли в плен под Старым Быховом «лотыша, вотчинного моего подданного, холопа Анца Браздина», который теперь посажен за приставом в Москве. Боуш просил передать Браздина ему в услужение, «чтоб он по-прежнему холопом и работником моим был»⁵². Как свидетельствует помета на обороте листа, приказные служащие согласились с притязаниями Боуша на владение холопами по праву «вотчинника» и решили отдать Браздина ему, «а в Смоленск не посылать, для того, что он про себя сказал ложно, что он шляхтич»⁵³. Как видим, показания пленного о самом себе отличались от слов переводчика. Остается только гадать, в каких действительно отношениях состояли Боуш и Браздин в их прежней жизни, насколько искренними были их утверждения и свидетельствовало ли вмешательство Боуша в судьбу прежнего знакомого о стремлении помочь ему или, напротив, имело целью извлечь выгоду из его несчастий.

Хотя единственная запись в русских документах и большинство свидетельств иностранцев сходятся в том, что Боуш происходил из Курляндии, автор «Дневника» кажется весьма мало заинтересованным в событиях в герцогстве и в перипетиях русско-курляндских отношений⁵⁴. Сведения о Курляндии никак не выделяются в источнике ни по частоте, ни по подробности изложения, ни по эмоциональному накалу. Автор сочувствует «невинному герцогу Курляндии», оказавшемуся в 1658 г. пленником шведского фельдмаршала Роберта Дугласа (л. 68 об. – 69), но порой допускает подобные выражения и в отношении исторических деятелей, с которыми его очевидно ничто не связывало, таких как казацкие полковники Сомко и Золотаренко, убитые в 1663 г. по приказу их соперника, гетмана Брюховецкого (л. 130–132), или боярин Никита Алексеевич Зюзин, пострадавший за сношения с опальным патриархом Никоном (л. 182 об. – 183 об.).

Постоянные симпатии автора «Дневника» обращены только к одной группе – «полякам». Этот этноним, или, вернее, политоним, он трактует очень широко, понимая под ним население или, во всяком случае, дворянство и горожан едва ли не всей Речи Посполитой – от собственно Польского королевства до окрестностей Смоленска. Термины же «Литва», «литовцы» и «литовский» употребляются в «Дневнике» исключительно в узком административном смысле, применительно к государственным структурам Великого княжества Литовского, и прежде всего к его армии. На зависимые от Речи Посполитой территории, в частности на Курляндию, политоним «поляки», очевидно, не распространяется, и вопрос о том, причислял ли себя к ним сам автор, остается открытым.

Неопределенны указания «Дневника» и на конфессиональную принадлежность его автора. О делах веры он говорит неохотно и всегда в контексте политики или ритуала, но не предмета своей совести. Очевидно, что он, даже если и перешел в православие формально, остался чужд «суеверной религии» русских (л. 178 об.). Его сообщения о русском духовенстве сводятся к коротким рассказам о монахах, предававшихся всем видам разврата – от насилия над мальчиками до скотоложества (л. 6). Весьма негативен и его отзыв о местоблюстителе

⁵² РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 307. Л. 26.

⁵³ Там же. Л. 26 об.

⁵⁴ О русско-курляндских отношениях в период русско-польской войны 1654–1667 гг. и сопутствующих ей конфликтах см.: *Jakovleva M. Die Beziehungen zwischen Herzog Jakob von Kurland und Russland // Forschungen zur Baltischen Geschichte / Hrsg. von M. Laur u. K. Brüggemann. Bd. 2. S. 24–56; Рухманова Э.Д. К истории переговоров о принятии Курляндии в подданство России в 1658 г. // История СССР. 1975. № 1. С. 157–163.*

Киевской митрополии Мефодии (Максима Филимоновича) в связи с участием последнего в так называемой Черной раде 1663 г. (л. 131 об. – 132 об.). При этом никакого интереса ко внутренним делам православной церкви автор «Дневника» не проявляет. Из всех событий русского Раскола он счел нужным сообщить (правда, довольно подробно) лишь об отъезде патриарха Никона из Москвы в Новоиерусалимский монастырь в июле 1658 г. (л. 55), попытках бояр, действовавших по царскому поручению, выяснить причины этого отъезда (л. 124) и не менее неожиданном возвращении Никона в Кремль и службе в Успенском соборе в декабре 1664 г. (л. 182 об. – 183 об.). Эти события общеизвестны, и наш обычно аккуратный автор не мог пройти мимо них, но ничто не указывает на его желание занять чью-либо сторону в этом конфликте. Вместе с тем в «Дневнике» нельзя усмотреть очевидных симпатий ни к католикам, ни к протестантам, хотя Боуш, если он действительно происходил из Курляндии, вероятно, воспитывался в лютеранской вере. Косвенно о лютеранском вероисповедании автора свидетельствует и последовательное использование в «Дневнике» юлианского календаря, хотя объяснением здесь может служить и привычка, приобретенная на русской службе.

Из пленников в переводчики

Когда именно и при каких обстоятельствах Боуш оказался на русской службе? Единственным свидетельством, проливающим свет на этот вопрос, остается краткая выписка, сделанная в Посольском приказе почти через шесть лет после смерти Боуша и спустя два десятилетия после описываемых событий, в сентябре 1673 г.: «В прошлом во 162-м году взят в полон под Шепелевичами... курляндец Василей Боуш, и был в тюрьме по 164-й год, во 164-м году по указу великого государя взят он, Василей, в Посольской приказ для цесарского и польского языков в переводчики»⁵⁵. Итак, названо точное место, а с ним фактически и дата – 14 августа 1654 г., когда войска князя Алексея Никитича Трубецкого разгромили армию великого гетмана Литовского князя Януша Радзивилла близ села Шепелевичи (ныне – Могилевская область, Беларусь). Эта победа стала самым серьезным успехом русских войск в кампании 1654 г. в полевом сражении, фактически лишив польско-литовскую сторону надежд на деблокаду осажденного Смоленска и предопределив его капитуляцию чуть более месяца спустя⁵⁶.

К сожалению, этому позднему сообщению едва ли можно доверять всецело. Если предположить, что Боуш был автором «Дневника» и описывал в нем преимущественно произошедшее в непосредственной близости от себя, то версия о его пленении именно под Шепелевичами не кажется бесспорной. В «Дневнике» действия войск Трубецкого кратко упоминаются только в «Дополнении к 1654 году». Напротив, первые поденные записи относятся к маневрам войск князя Якова Куденетовича Черкасского между Копысью, Оршей и Дубровной 4 и 5 августа, сразу после сражения под Шкловом 2 августа 1654 г., а затем к событиям в царском лагере под Смоленском, в том числе о доставке туда пленных, взятых под Полоцком (л. 1–1 об.). Едва ли автор «Дневника» оказался в числе этих пленных, поскольку в таком случае он не мог быть хорошо осведомлен о действиях Черкасского под Оршей, отстоявшей почти на 200 километров к юго-западу. Скорее, он мог оказаться в расположении армии Черкасского после взятия Орши или разорения ее окрестностей в последние дни июля 1654 г.⁵⁷

Сообщение о том, что Боуш «был в тюрьме по 164-й год», т. е. самое раннее по сентябрь 1655 г., также вызывает сомнения. Современная событиям выписка, сделанная осенью 1655 г., кажется более правдоподобной: «В прошлом во 163-м году июня в 27 день по государеву... указу велено быть в Посольском приказе в переводчиках Василью Баушу, а государева жалованья учинен ему оклад 22 рубли»⁵⁸. Поденный корм размером два рубля три алтына выдавался переводчику именно с 27 июня 1655 г.⁵⁹ Впрочем, в другой росписи о выплате жалования, также относящейся ко второй половине 1655 г., временем начала его приказной службы указан июль⁶⁰. 24 августа 1655 г. он уже в статусе приказного переводчика оставил упомянутую выше поручную запись за Ивана Свидерского. Боуш упомянут в этих ранних документах уже под своим русским именем Василий и, очевидно, успел принять к тому времени православие. Вероятно, для этого он провел некоторое время не «в тюрьме», а, как это было принято для желавших или вынужденных сменить вероисповедание иноземцев, «под началом» для исправления в вере в одном из московских или подмосковных монастырей.

Данные «Дневника» целиком соответствуют этим предположениям. За описанием боевых действий в окрестностях Смоленска в нем следуют упоминания происшествий в Возми-

---

⁵⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1673 г. Л. 36.

⁵⁶ См.: *Бабулин И.Б.* Смоленский поход и битва при Шепелевичих 1654 года. М.: Русские витязи, 2018.

⁵⁷ О взятии Орши см.: *Бабулин И.Б.* Смоленский поход... С. 90.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1655 г. Д. 1. Л. 141.

⁵⁹ Там же. Л. 142.

⁶⁰ Там же. Л. 167.

щенском Рождества Пресвятой Борогородицы Никольском монастыре под Волоколамском, датированные 24 сентября 1654 г., а также началом января 1655 г. (л. 1, 5 об. – 6). Возможно, столь длительное пребывание в монастыре объяснялось тем, что до Москвы было невозможно добраться из-за свирепствовавшей там чумы. 1 марта 1655 г. автор «Дневника» уже находился в столице и наблюдал выезд царя в поход на Вильну (л. 6). Затем записи прерываются на полгода и возобновляются первым известием, касающимся Посольского приказа, – объявлением о возвращении посланников из Курляндии (л. 6 об.) – после чего следуют уже регулярно и не оставляют сомнений в том, что их автор из первых рук получал сведения о внешней политике Российского государства.

Уже 7 октября 1655 г. автор «Дневника» стал свидетелем въезда в Москву императорских послов Аллегретто де Аллегретти и Иоганна Дитриха фон Лорбаха, а под датой 18 декабря подробно описал их прием в Кремле (л. 6 об. – 8 об.). Из русских документов о приеме посольства мы знаем, что Боуш участвовал в работе с грамотами, привезенными императорскими послами, в частности, переводил 11 января 1656 г. один из «листов», поданных ими в Посольском приказе⁶¹. В те же дни он перевел на немецкий и царскую грамоту, отправленную герцогу Курляндскому с послом Григорием Богдановым, следовавшим к императору в Вену⁶², а также ряд польских документов⁶³. Тогда же Боуш с полным правом писал о себе в обращенной к царю челобитной: «Работаю я, холоп твой, всякие твои государевы немецкие, цесарские и польские, частью и латинские дела в посольском приказе неотступно»⁶⁴.

Летом 1656 г. Боуш уже в достаточной степени пользовался доверием руководства Посольского приказа, чтобы отправиться в составе русской делегации на съезд с польскими комиссарами под Вильной⁶⁵. Как уже говорилось, именно к этому времени относится единственное упоминание Боуша в «Дневнике» в записи от 13 июля 1656 г. (л. 22 об.). Оно вполне подтверждается данными посольской книги 1656 г. о переводах польских и немецких документов, сделанных Боушем на съезде, а также его участии в качестве толмача в совещаниях русских комиссаров с императорскими послами⁶⁶. Тогда же Боуш впервые присутствовал на тайной аудиенции, данной царем в Полоцке императорским послам 10 июля 1656 г. и описанной Франо Гундуличем⁶⁷. Об этой тайной аудиенции мы читаем и в «Дневнике» (л. 22 об.).

В 1657 г. Боуш был свободен от посольских посылок. Известно лишь о его кратковременном выезде в деревню Мантурово Ржевского уезда для перевода «немецких листов», которые прислал из завоеванного у шведов Кокенгаузена воевода Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин. Боуш выехал подо Ржев 18 ноября и вернулся десять дней спустя, привезя с собой переведенные им упомянутые письма⁶⁸. В «Дневнике» эта короткая поездка не упомянута, а записи между 12 октября и 12 декабря отсутствуют. В начале следующего, 1658 года Боуш участвовал в приеме в Москве бранденбургского посланника Фридриха Иоахима фон Борн-тина, в частности, переводил две грамоты, поданные последним 25 января 1658 г.⁶⁹ (л. 51–51 об.). С июня по октябрь того же года Боуш находился на не достигших своей цели перего-

⁶¹ ПДС. Т. 3. Стб. 419.

⁶² Там же. Стб. 450. В «Дневнике» ни этот факт, ни само отправление Богданова не упомянуты.

⁶³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1655 г. Д. 4. Л. 113, 115, 118. Благодарю К.А. Кочегарова за любезное указание на источник.

⁶⁴ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1655 г. Д. 1. Л. 166.

⁶⁵ См. челобитную Боуша и Колчицкого о прибавке жалования: Там же. Л. 196.

⁶⁶ *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения в 50-е годы XVII в. // *Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в.* / под ред. М.С. Мейера, Б.Н. Флоры и др. М.: Гуманитарий, 2007. С. 137–230 (здесь – с. 148, 166, 195, 196).

⁶⁷ *Гундулич Ф.* Путешествие из Вены в Москву... С. 115–118.

⁶⁸ ПДС. Т. 3. С. 702–705, 716–726.

⁶⁹ Россия и Пруссия... С. 408–412.

ворах под Вильной⁷⁰. Драматичный ход этого посольского съезда, включая завершившее его вооруженное противостояние между литовскими и русскими войсками и победу последних в битве под Верками 11 октября 1658 г., подробно описан в «Дневнике» (л. 59 об. – 60).

Сходными оставались занятия Боуша и в следующем году. Из сообщения секретаря датского посольства Андреаса Роде мы знаем, что Боуш выполнял устный перевод на царской аудиенции, данной датским послам 25 марта 1659 г., причем «два раза ошибся, когда произносил имя нашего всемилостивейшего короля, назвав его Фридрихом Вильгельмом вместо Фридриха»⁷¹. В «Дневнике» содержится упоминание об обеих аудиенциях, но рассказ об оплошности Боуша там опущен (л. 64). На следующий день, 26 марта, состоялись переговоры датских послов с боярами и вечерняя тайная аудиенция у царя; оба этих события кратко описаны в дневнике и подтверждаются записками Роде, в которых «Багус» упомянут несколько раз⁷².

Летом 1659 г. Боуш выехал в Ливонию для участия в мирных переговорах со шведами⁷³. Сообщения «Дневника» об этом посольском съезде в некоторых случаях более информативны, чем официальный статейный список. Так, «Дневник» излагает содержание переговоров Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина «с глазу на глаз» с главой шведской делегации Бенгтом Горном 27 сентября 1659 г., о подробностях которых в статейном списке не сообщается (л. 66–66 об.)⁷⁴. Личная встреча Ордина-Нащокина с командующим шведскими войсками в Ливонии шотландцем Робертом Дугласом 5 ноября того же года, описанная в «Дневнике» со множеством подробностей, в статейном списке не упомянута, что заставляет подозревать ее тайный или по крайней мере неофициальный характер (л. 68–69 об.). Напротив, «Дневник» умалчивает об имевших место поездках самого Боуша во время этого съезда в качестве гонца в лагерь шведских послов⁷⁵.

В это же время Боуш единожды получил доступ в царские покои, причем по весьма деликатному поводу. В 7167 (1658/59) г. он в качестве толмача сопровождал доктора Андреаса Энгельгардта и лекаря Симона Зоммера, которые «отворяли жильную», т. е. пускали кровь, царице Марии Ильиничне⁷⁶. Сложно сказать, остались ли во дворце довольны услугами Боуша или же он не справился с латинской медицинской терминологией. В последующие несколько лет Энгельгардту и Зоммеру, которые отворяли кровь уже самому Алексею Михайловичу, ассистировал дьяк Посольского приказа Лукьян Голосов, превосходно знавший латынь⁷⁷. Отметим, что в «Дневнике» нет ни намека на этот эпизод, вероятно, вследствие обычного для Боуша нежелания привлекать внимание к собственной роли в описываемых им событиях и тем более сообщать подробности частной жизни царя и его семьи.

На 1660 г. пришелся описанный в «Дневнике» посольский съезд с польско-литовскими комиссарами в Борисове, на котором Боуш присутствовал в качестве переводчика вместе с Григорием Колчицким⁷⁸ (л. 76–81). Весной следующего, 1661 года Боуша вновь вызывали для толмачества на царских приемах, данных императорским послам Августину фон Мейербергу и Гуильельмо Кальвуччи⁷⁹. «Дневник» также содержит запись об этих переговорах и о возникших на них спорах о царском титуле (л. 91–91 об.). Из русских источников известно, что Боуш принимал активное участие в дискуссии о соотношении царского и императорского

⁷⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 95. Л. 136 об., 137 об., 531 об.

⁷¹ Роде А. Описание второго посольства... С. 366–367.

⁷² Там же. С. 367–368.

⁷³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 48. Л. 6 об., 36; Ф. 138. Оп. 1. 1661 г. Д. 7. Л. 107.

⁷⁴ Ср.: Там же. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 48. Л. 73 об.

⁷⁵ Там же. Л. 164.

⁷⁶ Там же. Ф. 143. Оп. 2. Д. 669. Л. 1.

⁷⁷ Там же. Л. 2.

⁷⁸ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1659 г. Д. 1. Л. 79.

⁷⁹ Путешествие в Московию... С. 72.

титолов и в подготовке материалов для нее⁸⁰. К тому же времени относится и изображение Боуша в «Альбоме Мейерберга», о котором шла речь выше.

Большую часть 1662 г. занял посольский съезд в Смоленске, подробно описанный в «Дневнике» (л. 105–110 об.) и упомянутый в нескольких челобитных, поданных переводчиком⁸¹. Хотя сами русские послы выехали из столицы 13 февраля 1662 г., Боуш задержался в Москве до конца марта «для переводу свейские подтвержденные грамоты», т. е. документов о ратификации заключенного в предыдущем году Кардисского мира⁸². «Дневник» подробно описывает споры между русскими боярами и шведскими послами, обнаружившими расхождения в русском и шведском текстах мирного договора, но, как обычно, не упоминает о том, что Боуш лично участвовал в последовавших разбирательствах (л. 118–118 об.). Уже будучи в Смоленске, Боуш неоднократно передавал императорским послам, пребывавшим в городе в качестве посредников, официальные извещения политического и бытового характера от русских дипломатов⁸³.

Определенную проблему в контексте биографии Боуша представляет прием в Москве английского посольства Чарльза Ховарда графа Карлайла в феврале – апреле 1664 г. В «Дневнике» это посольство описано со вниманием, которого не удостоивалась после 1656 г. ни одна другая иностранная миссия (л. 136 об. – 149). Если, однако, прием императорских послов в середине 1650-х годов был первым для нашего автора и его стремление зафиксировать все связанные с этим событием детали вполне объяснимо, то подобную скрупулезность в отношении английского посольства, одного из многих, при которых он присутствовал, понять сложнее. Еще более странно, что в официальных русских документах, посвященных миссии Карлайла, имя Боуша в числе переводчиков (очевидно, с латинского, а не с английского языка) найти не удалось⁸⁴.

Последним крупным дипломатическим событием, описанным в «Дневнике», стал съезд русских и польских комиссаров в Дуровичах под Смоленском в мае – сентябре 1664 г. (л. 149 об. – 181 об.). Присутствовал Боуш и на оставшихся за хронологическими рамками «Дневника» переговорах 1666–1667 гг., которые завершились подписанием 30 января 1667 г. перемирия в Андрусово и подвели итог под тринадцатью годами русско-польской войны. Рукоприкладства Боуша и Колчицкого, которым вновь довелось работать вместе, завершают официальный русский перевод Андрусовского договора.

---

⁸⁰ ПДС. Т. 4. Стб. 132, 154–155.

⁸¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1662 г. Д. 10. Л. 140, 150; Д. 11.

⁸² Там же. 1661 г. Д. 2. Л. 118.

⁸³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 99. Л. 116 об., 121 об.; ПДС. Т. 4. Стб. 394–395, 398.

⁸⁴ См. статейный список в РГАДА (Ф. 35. Оп. 1. Кн. 11).

Дела финансовые и дела семейные

Доверие, оказывавшееся Боушу, было предопределено дефицитом кадров, который Посольский приказ испытывал во второй половине 1650-х годов. Сам Боуш писал в своей челобитной в марте 1658 г.: «А я, холоп твой, немецкой и польской языки и всякие латинские мудрые речи перевожу один»⁸⁵. Формально это утверждение выглядит типичным для подобных документов риторическим преувеличением, поскольку на сентябрь 1657 г. в приказе числились семь переводчиков немецкого, четыре – польского и пять – латинского языка⁸⁶. В действительности же слова Боуша имели под собой веские основания. Во-первых, он оставался единственным в приказе специалистом, владевшим на достаточном уровне одновременно тремя упомянутыми языками. Во-вторых, многие из его коллег подолгу находились в зарубежных посольствах или несли службу вдали от Москвы – в Новгороде или Пскове. Не будет преувеличением сказать, что на Боуша между 1655 и 1667 гг. легла основная нагрузка в приказных переводах с европейских языков. Сравниться с ним по объему выполняемой работы могли, вероятно, лишь Григорий Колчицкий и Людвиг Ширецкий⁸⁷ – в отношении польского и латыни и Якоб Виберх, еще один выходец из Курляндии⁸⁸, – в том, что касалось немецкого. Фактически именно эти несколько человек обеспечивали повседневное функционирование внешнеполитического ведомства русского государства в разгар тяжелейшей русско-польской войны, которая повлекла многократный рост объемов дипломатической переписки с европейскими державами.

Карьерный успех Боуша наиболее зримо выражался в размере получаемого им жалованья⁸⁹. При поступлении в Посольский приказ летом 1655 г. его месячный оклад составлял 22 рубля⁹⁰, но уже в течение осени вырос до 25 рублей⁹¹. Вскоре последовала очередная прибавка до 30, а в марте 1658 г. – до 50 рублей⁹². За шведский посольский съезд осени 1659 г. переводчик получил единовременную прибавку в 25 рублей⁹³, а уже осенью 1662 г. его оклад достиг 70 рублей, не считая очередной доплаты в 25 рублей за переговоры с поляками в Смоленске⁹⁴. В 1667 г., во время своей последней дипломатической миссии, Боуш получал уже 120 рублей в год, являясь, таким образом, самым высокооплачиваемым переводчиком Посольского приказа⁹⁵.

Несомненно, увеличение номинального жалования переводчиков являлось в значительной степени вынужденной мерой правительства, вызванной обесцениванием медной монеты и резким ростом цен, на что неоднократно жаловался автор «Дневника». За период 1660–1663 гг. Боуш подписал как минимум три коллективных челобитных переводчиков об увеличении жалования⁹⁶. Правительство отчасти компенсировало потери своих служащих с помощью денежных придач и натуральных выплат продуктами и сукном, которые Боуш получал

---

⁸⁵ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1658 г. Д. 7. Л. 50.

⁸⁶ Данные приведены по: *Беляков А.В. Служащие...* С. 113–114.

⁸⁷ *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М. Переводчики...* С. 225.

⁸⁸ Там же. С. 81–83.

⁸⁹ Ср. неполные и не всегда точные данные по росту оклада Боуша, приведенные в изд.: *Беляков А.В. Служащие...* С. 122.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1655 г. Д. 1. Л. 141.

⁹¹ Там же. 1655 г. Д. 1. Л. 152, 162; 1662 г. Д. 10. Л. 12.

⁹² Там же. 1658 г. Д. 7. Л. 50.

⁹³ Там же. 1660 г. Д. 7. Л. 107, 124.

⁹⁴ Там же. 1662 г. Д. 10. Л. 140, 150.

⁹⁵ Там же. 1666 г. Д. 2. Л. 176; Россия и Пруссия... С. 217. О денежных окладах переводчиков Посольского приказа см.: *Беляков А.В. Служащие...* С. 119–127.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1662 г. Д. 10. Л. 7, 138. См. также: *Беляков А.В. Служащие...* С. 125–126.

с 1658/59 г.⁹⁷ При раздаче соляного жалования на пике порчи монеты в 1661/62 г. Боуш был упомянут прежде всех прочих переводчиков⁹⁸. Осенью 1662 г. он получил в придачу к своему годовому жалованью собольих мехов на сумму 20 рублей⁹⁹. В 1667 г. Боушу, отправлявшемуся к герцогу Курляндии и курфюрсту Бранденбурга, выдали из казны на снаряжение себя и других членов посольства вместе с 300 рублями соболей на 50 рублей¹⁰⁰.

Как и многие приказные служащие, Боуш отчасти был обязан увеличением жалования отказу от поместного землевладения. Еще при своем поступлении на службу он получил поместный оклад в 400 четей, который номинально числился за ним по меньшей мере до сентября 1662 г.¹⁰¹ 5 августа 1663 г. Боуш, однако, присягнул в том, «что государева жалованья поместья и вотчин за мною не дано ни приданных, ни купленых, ни закладных и никаких пустошей и земли нет»¹⁰². 25 марта 1664 г. государь определил ему «вместо поместья хлеба из дворца по 50 четей ржи, да по 50 четей овса, да во два годы по сукну лундышу доброму, по пяти аршин»¹⁰³.

Боуш стал также единственным за все время царствования Алексея Михайловича переводчиком, получившим дом в Китай-городе, в непосредственной близости от Кремля¹⁰⁴. В марте 1656 г. он сообщал в своей челобитной: «Работаю я, холоп твой, в посольском приказе у твоих государевых дел неотступно, а дворишка, государь, у меня своего нет, скитаюсь по чужим дворам, а купить мне нечем, человек бедной, иноземец. А есть, государь, двор выморочной по переводчику Посольского приказа, по Ивану Боярчикову, оценкой по твоему государеву указу 40 рублей»¹⁰⁵. Переводчик греческого языка Иван Боярчиков, служивший в приказе с 1631 г., действительно умер во время «морowego поветрия» 1654–1655 гг.¹⁰⁶ Боушу позволили приобрести оставшийся после него дом по указанной в челобитной «оценке» в 40 рублей с трехлетней рассрочкой. Двор, доставшийся Боушу в собственность, примыкал к Китайгородской стене между сохранившейся донине церковью Зачатия Пресвятой Богородицы (Анны на Углу) и Москворецкими воротами и составлял более 30 метров в длину и около 15 метров в ширину¹⁰⁷.

В «Дневнике» автор умалчивает о своей семейной жизни, но документы Посольского приказа позволяют восполнить этот пробел, по крайней мере для русского периода жизни Боуша. Его жену звали Ульяна (Ульяница), хотя в одном из приказных документов она, по всей видимости ошибочно, именуется Анной¹⁰⁸. В девичестве Ульяна Федорова дочь Образцова, она была замужем первым браком за неким Иваном Брызгаловым, который служил «в Сибири на Тюмене головою у стрельцов и у казаков», а затем в том же качестве в Великом Устюге, где и умер, вероятно, в первой половине 1650-х годов¹⁰⁹. После смерти мужа Ульяна перебралась в Москву, где некоторое время была приживальщицей у дьяка А. Козлова, возможно,

⁹⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1658 г. Д. 7. Л. 60; 1659 г. Д. 1. Л. 78. Ср.: *Беляков А.В.* Служащие... С. 133, 138.

⁹⁸ См.: *Беляков А.В.* Служащие... С. 118.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1662 г. Д. 11. Л. 2.

¹⁰⁰ Там же. 1666 г. Д. 2. Л. 176.

¹⁰¹ Там же. 1662 г. Д. 10. Л. 12, 253.

¹⁰² Там же. Л. 237.

¹⁰³ Там же. 1663 г. Д. 1. Л. 62.

¹⁰⁴ О расселении переводчиков Посольского приказа в Москве см.: *Беляков А.В.* Служащие... С. 241.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1655 г. Д. 1. Л. 183.

¹⁰⁶ Об И. Боярчикове см.: *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... С. 72–74; *Оборнева З.Е.* Переводчики... С. 52–56.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1657 г. Д. 6. Л. 2, 5.

¹⁰⁸ Там же. 1674 г. Д. 6. Л. 29.

¹⁰⁹ Там же. 1669 г. Д. 8. Л. 121.

ее родственника или свойственника¹¹⁰. От первого брака у Ульяны остался как минимум один сын, достигший юношества или зрелости, – Петр Иванов сын Брызгалов. Зимой 1670 г., уже после смерти отчима, он отправился на богомолье на Белоозеро и был схвачен людьми местного помещика Федора Маклакова, который отобрал у него все пожитки и силой принуждал написать на себя кабальную. Лишь челобитная матери, воспользовавшейся, вероятно, связями покойного Боуша, спасла Петра от более серьезных неприятностей. Именно этому инциденту и последовавшему короткому разбирательству мы обязаны сведениями о происхождении и первом браке Ульяны Боуш¹¹¹.

Точную дату бракосочетания Василия и Ульяны назвать затруднительно, но, вероятно, она приходится на первые два или три года после поступления Боуша на царскую службу. В декабре 1660 г. он писал в очередной челобитной о прибавке жалования: «з женишкою, и з детишками, и с людишками, сам пятнатцеть, питаюся и домишко свое строю с одного месячного корму»¹¹². Очевидно, среди пятнадцати домочадцев Боуш числил, помимо своей семьи, несколько человек прислуги. В челобитной, поданной в июне 1661 г., он отмечал, что ему «з женишкою, и з детишками, и с челядью прокормитца нечем»¹¹³. Слуги переводчика сопровождали его и в поездках. Летом 1667 г., когда Боуш отправился к курфюрсту Бранденбурга, Ульяна жаловалась в своей челобитной: «которые... людишки у нас были, и он муж с собою побрал на твою, великого государя, службу», а потому с их двора невозможно выставить людей для обязательной караульной службы¹¹⁴.

---

¹¹⁰ Там же. Столбец поврежден на месте, относящемся к имени дьяка.

¹¹¹ Там же. Л. 121–124.

¹¹² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1661 г. Д. 7. Л. 107.

¹¹³ Там же. Л. 163.

¹¹⁴ Там же. 1666 г. Д. 2. Л. 176. См. также: память об освобождении Ульяны Боуш от караульной службы (Ф. 210. Оп. 9. Стб. 383. Л. 564).

Смерть в Митаве

К концу весны или первым дням лета (но не позднее 5 июня) 1667 г. относится и последний из известных нам переводов, выполненных Боушем, – краткая записка о титуле испанского короля, поданная немецким полковником на русской службе Кристианом Лубенау фон Лилиенкловом (Крестьяном Любеновым)¹¹⁵. Полный титул уже умершего к тому времени короля Филиппа IV¹¹⁶ Боуш перевел с «немецкого письма», а сокращенный, который использовал при обращении к испанскому монарху император Священной Римской империи, – с латыни. Записка предназначалась для нужд первого в истории русского посольства в Испанию, выехавшего из Москвы 8 июля 1667 г.

Летом 1667 г. и самому Боушу впервые доверили самостоятельную миссию за рубеж к курфюрсту Бранденбурга и герцогу Курляндии¹¹⁷. Едва ли в том, что Боуша долгое время не посылали к иностранным дворам, можно видеть знак сомнения в его лояльности со стороны руководства Посольского приказа. Переводчиков с наибольшими и быстро растущими окладами в царствование Алексея Михайловича относительно неохотно отправляли за границу¹¹⁸. В этих специалистах слишком нуждались в столице или на длительных посольских съездах, чтобы надолго отпускать их из России. Несомненным признаком доверия, оказанного Боушу, можно считать тот факт, что его путь пролегал через владения герцога Курляндского, чьим подданным он прежде являлся и лояльность к которому мог сохранить.

Боуш и его подчиненные – подьячий Самойла Лисовский, толмач Алексей Плетников и несколько слуг – покинули Москву 21 июня 1667 г. С собой они везли царские грамоты, в которых Алексей Михайлович извещал курфюрста Фридриха Вильгельма и герцога Курляндского Якоба о заключении перемирия с Речью Посполитой и прощупывал возможности союза против Османской империи, которая представляла угрозу и для южных рубежей России, и, как показала австро-турецкая война 1663–1664 гг., для немецких государств. 15 июля Боуш со товарищи прибыли в Митаву, где спустя два дня имели аудиенцию у герцога Курляндского, а уже 16 августа добрались до Берлина. 18 августа Боуш был на приеме у курфюрста Фридриха Вильгельма, а затем обстоятельно беседовал с ним¹¹⁹.

Переговоры в Берлине стали высшей точкой дипломатической карьеры Боуша, но жизнь его уже отсчитывала последние месяцы. Еще по пути в Бранденбург ему пришлось задержаться из-за болезни в Штеттине на три дня между 3 и 6 августа¹²⁰. 23 августа члены посольства выехали из Берлина и, прибыв 27 августа в Штаргард в Померании, слегли все вместе, видимо, вследствие некоей инфекции, от которой Боуш уже не смог полностью оправиться. 20 сентября он продолжил путь в Данциг, куда прибыл 30 сентября по-прежнему больным¹²¹. 7 октября посольство добралось до Кёнигсберга, где Боуш имел встречу с князем Богуславом Радзивиллом¹²². Оттуда Боуш со товарищи через Мемель доехали 22 октября до Митавы. Согласно ста-

---

¹¹⁵ Опубликована в изд.: Посольство П.И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 годах: документы и материалы / отв. ред. В.А. Ведюшкин; сост. В.А. Ведюшкин, Е.Е. Рычаловский. М.: Индрик, 2018. С. 222. См. также примечания на с. 273.

¹¹⁶ Все документы посольства адресовались покойному Филиппу IV, а не вступившему на престол Карлосу II, вероятно, дабы избежать возможных ошибок при трактовке полномочий регентов. См.: Ведюшкин В.А., Рычаловский Е.Е., Флоря Б.Н. Посольство П.И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 гг. // Посольство П.И. Потемкина... С. 21–68 (здесь – с. 30).

¹¹⁷ Документы о миссии Боуша, в том числе его статейный список, опубликованы в изд.: Россия и Пруссия... С. 216–328, 430–445.

¹¹⁸ См.: Беляков А.В. Служащие... С. 121.

¹¹⁹ Россия и Пруссия... С. 264–312.

¹²⁰ Там же. С. 276.

¹²¹ Там же. С. 312.

¹²² Там же. С. 313–321.

тейному списку, «посланной... ис Старграда до Нитавы ехал болен, и в Нитаву приехав, лежал вельми болен же. И декабря в 30 день Божиим изволением умер»¹²³.

Герцог Курляндский Якоб Кетлер известил главу Посольского приказа, Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина, о смерти Боуша в своей грамоте от 2 января 1668 г. Приведем неожиданно подробный и, как кажется, сочувственный рассказ герцога о смерти бывшего подданного: «Он прибыл в это место [Митаву на пути в Берлин. – О. Р.] в добром здравии, но заболел на обратном пути, так что принужден был от трех до четырех недель лежать в Поме- рании без движения. Когда же, наконец, он почувствовал некоторое улучшение, то вновь дви- нулся в путь, так что вновь прибыл сюда, но совершенно слабым. Хотя он и оправился вновь, его охватил столь сильный лихорадочный жар, что он принужден был воздержаться от своего путешествия, постоянно ожидая улучшения, которое, однако, не последовало. Ему станови- лось все хуже несмотря на то, что он не испытывал недостатка в нужных лекарствах, добром уходе и усердной помощи своих слуг, пока, наконец, он не покинул этот мир в прошлое воскресе- сенье, о чем Мы весьма скорбим»¹²⁴. Члены посольства с телом Боуша добрались до Москвы лишь 8 марта 1668 г.¹²⁵ Место и обстоятельства его погребения остались неизвестны.

Курляндским чиновникам мы обязаны описью имущества Боуша, произведенной в при- сутствии других членов посольства 12 января 1668 г. и переведенной затем на русский язык¹²⁶. Наряду с посудой, одеждой, предметами обихода и вооружения в описи перечислены мно- гочисленные служебные и, возможно, личные документы покойного. Так, в числе пожитков Боуша значился «железом обитой ящик или ларец, в котором всякие розные письма, кото- рого не ворошили» (*ein mit eisen beslagenes schreibpalpett, darin unterschiedene brieffe, welche nicht gerühret worden*)¹²⁷, а также «замкнутой мешечик, в котором того господина посланниковы книги» (*eine verschloßene pudel, warinnen des H. abgesandten bücher sein sollen*)¹²⁸. О содержа- нии этих бумаг полных сведений нет. Известно, что они включали в себя грамоты курфюрста Бранденбургского и герцога Курляндского к царю, а также отчеты, продиктованные Боушем во время болезни¹²⁹.

Велик соблазн предположить, что среди упомянутых бумаг мог находиться и автограф «Дневника» или какие-то материалы к нему, но никаких подтверждений этой догадке у нас нет. Известно, что многие документы, связанные с последней миссией Боуша, в том числе оригинал его статейного списка, не сохранились. Возможно, их сожгли, приписав болезнь переводчика «моровому поветрию» и уничтожив документы, с которыми он тесно соприкасался¹³⁰. Остается неясным, брал ли Боуш рукопись «Дневника» с собой, отправляясь в поездку, или оставлял в надежном месте в Москве. Нет ответа и на вопрос о том, каким образом и через какие руки она дошла до коллекционера – Гюйссена, Брюса или иного неустановленного лица, – из собра- ния которого затем попала в Академию. Едва ли, однако, сослуживцы или начальники Боуша получили доступ к его «Дневнику», поскольку никакого расследования, которое должно было сопровождать подобную находку, начато не было.

Вдова Боуша пережила мужа более чем на двадцать лет, причем обитала по какой-то причине не в оставшемся от него доме в Китай-городе, а в Квасном переулке близ Твер- ской¹³¹. Чертеж городских построек между Москворецкими воротами и Зачатьевской церко-

¹²³ Там же. С. 322.

¹²⁴ Россия и Пруссия... С. 433–434.

¹²⁵ Там же. С. 328.

¹²⁶ Немецкий оригинал описи и ее русский перевод, сделанный в Посольском приказе, см.: Там же. С. 435–440.

¹²⁷ Там же. С. 437, 439.

¹²⁸ Там же. С. 435, 438.

¹²⁹ Там же. С. 441–442.

¹³⁰ Об этом предположении см.: Там же. С. 522.

¹³¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 121.

вью с подробной росписью владельцев дворов, составленный между 1669 и 1673 гг., не содержит упоминаний о наследниках переводчика¹³². За период до 1689 г. сохранилось несколько челобитных Ульяны Боуш и записей о выплате ей годового жалования в размере 10 рублей и кормовых денег в 17 копеек в день – половину дневного содержания ее мужа в последний год жизни¹³³. Это означает, что вдова Боуша не только оставалась жива на протяжении этого времени, но и не вышла еще раз замуж, поскольку в этом случае выплаты были бы прекращены¹³⁴.

Дальнейшие сведения о детях Боуша, к сожалению, скудны. В челобитной, поданной сразу после смерти мужа, в марте 1668 г., Ульяна упомянула своего сына Гришку¹³⁵. В других прошениях, датированных сентябрем 1669 г. и сентябрем 1673 г., она писала о себе: «з детишками сама-четверта»¹³⁶, следовательно, Боуша пережили трое детей, не считая, очевидно, уже достигшего совершеннолетия пасынка Петра Брызгалова. Иных упоминаний о Григории Боуше (Бауше, Баушеве и т. п.), равно как и о других детях переводчика, найти не удалось. Можно лишь быть уверенным, что сын Боуша не пошел по стопам отца и не сделал, как это иногда случалось с детьми крещеных иностранцев, карьеру в Посольском приказе в качестве переводчика или толмача.

---

¹³² Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. Ч. 2. № 4. Чертеж доступен в геоинформационной системе «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.». URL: <http://rgada.info/geos2/y> (дата обращения: 01.09.2022).

¹³³ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2657, 3874; Ф. 138. Оп. 1. 1689. Д. 4. Л. 25.

¹³⁴ См.: *Беляков А.В.* Служащие... С. 132.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1668 г. Д. 8. Л. 1.

¹³⁶ Там же. 1669 г. Д. 8. Л. 75; 1673. Д. 5. Л. 30.

Свой среди чужих, чужой среди своих

Насколько позволяет судить приказная документация, Боуш прожил в России не слишком длинную, но со всех точек зрения удачную жизнь. Перед нами история успеха бывшего пленника, который за несколько лет превратился в ключевого сотрудника важнейшего государственного ведомства, выполнял самые ответственные поручения и каждодневно соприкасался с миром высокой политики. Наконец, это история чужеземца, который обзавелся в России домом и семьей и довольно неплохо интегрировался в местный социум. Содержание «Дневника», однако, рисует нам обратную сторону этого успеха. Мы видим в его авторе человека, вынужденного служить русскому государству, но – во всяком случае, поначалу – ненавидевшего и презиравшего своих хозяев и не скрывавшего перед самим собой сочувствия к бывшим соотечественникам.

Нелестные характеристики русских в «Дневнике» вполне стереотипны и для «россики» раннего Нового времени, и для европейских описаний «чужого» вообще¹³⁷. Автор бичует обитателей русского государства за жестокость, вероломство и гордыню. Несколько раз он акцентирует внимание на сексуальной разнузданности русских и их презрении к христианскому браку, побуждавших не только к насилию над пленными полячками, но и к разрушению законных семейных уз. Мы ничего не знаем о семье Боуша до его попадания в русский плен и можем лишь догадываться, не проговаривается ли он здесь о личной драме. Жестокость, раболепие, невежественность русских обращаются в «Дневнике» против них самих, как, например, в основанной, по всей видимости, на ложных слухах истории о казни мальчика, назвавшегося в игре царем, и его родителей (л. 20 об.). Рабская преданность своему государю отличает даже знатнейших из русских вельмож, таких, например, как князь Никита Иванович Одоевский, не пожелавший нарушить царскую волю даже перед смертным одром любимого сына (л. 23 об. – 24).

Если в период 1654–1656 гг. «Дневник» пестрит подобными уничижительными для русских отзывами, то в последующие годы число такого рода инвектив снижается. В некоторой степени причиной тому стал поворот в войне. После 1656 г. русские войска уже не захватывали новые территории, а перешли к далеко не всегда успешной обороне ранее завоеванных земель Великого княжества Литовского, ограничиваясь лишь набегам на собственно польские владения. Вероятно, однако, что постепенная интеграция Боуша в русское общество и его карьерные успехи также сыграли свою роль в снижении эмоционального накала «Дневника». Обвинения русских в жестокости не исчезают из текста полностью даже в 1664 г., но занимают в нем все менее и менее важное место.

Стоит отметить примечательный сдвиг в словоупотреблении. В первые годы после своего попадания в плен автор «Дневника» наравне с этнонимом «русские» использует также наименование «московиты» (*Moskowiter*) и происходящее от него прилагательное «московитский» (*moskowitisch*). Порой этот экзоэтноним носит очевидную негативную окраску, но иногда употребляется и в нейтральном смысле – для обозначения русских войск и дипломатических представителей. Единожды все русское царство обозначено как «московитское государство» (л. 19 об.). С годами, однако, слово «московиты» постепенно исчезает из авторского лексикона. Уже после 1658 г. оно встречается считанное число раз, а последнее обращение к нему датируется 13 марта 1662 г. (л. 104 об.). Вероятно, автор «Дневника» все более и более попадал в зависимость от московского словоупотребления и в конце концов принял

---

¹³⁷ См., например: Poe M.T. "A People Born to Slavery". *Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001.

этноним «русские» как единственное конвенциональное обозначение жителей Московского государства.

Говоря о жестокости, гордыне и глупости царских подданных, наш автор, однако, не осмеливается на прямую критику в адрес самого Алексея Михайловича. О царе в «Дневнике» говорится в подчеркнуто нейтральном почтительном тоне, равно как и об иноземных государях – королях Швеции и Дании или императоре Священной Римской империи. Менее сдержан автор по отношению к русским государственным и военным деятелям. Таких полководцев, как князь Алексей Никитич Трубецкой или князь Иван Андреевич Хованский, он бичует за жестокость и алчность, хотя и отдает в других случаях должное храбрости и искусству этих воевод. В основном, по всей видимости, на польских переводных источниках подробном рассказе о взятии королевскими войсками Вильны в конце 1661 г. «Дневник» не скупится на перечисление жестокостей русского коменданта крепости Данилы Ефимовича Мышецкого, но одновременно признает его стойкость в плену перед лицом неминуемой казни (л. 99–100).

За общим сдержанным тоном «Дневника» мы можем, вероятно, различить симпатии и антипатии его автора по отношению к русским послам, под началом которых ему довелось работать. Так, Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин удостоился в тексте неприязненного отзыва за свою якобы вызванную завистью жестокость к собственному сыну (л. 61), а подробный рассказ «Дневника» о свидании Ордина-Нащокина с глазу на глаз с шведским фельдмаршалом Дугласом 5 ноября 1659 г. также выдает иронию в адрес русского дипломата. Напротив, князь Никита Иванович Одоевский изображен в «Дневнике» с уважением, как сторонник мира между Россией и Речью Посполитой, а упоминание о его болезни, вызванной срывом переговоров осенью 1664 г., кажется исполненным искреннего сочувствия (л. 181–181 об.).

Как уже говорилось, симпатии автора «Дневника» неизменно оказываются на стороне «поляков», т. е., в сущности, всех жителей Речи Посполитой, особенно оказавшихся в русском плену или на завоеванных «москвитанами» землях. Сочувствие к польским пленным сочетается в «Дневнике» с презрением и сожалением в адрес тех из них, кто, поверив русским посулам о сохранении и преумножении их вольностей, отступился от своего короля и начал служить русскому государю. Подобный ригоризм кажется не вполне уместным в устах человека, который и сам, попав в плен, перешел на службу к русским, обратился в православие и обеспечил себе в России вполне благополучное существование. Возможно, однако, именно в этой внутренней раздвоенности следует искать причины, побудившие Боуша взяться за перо.

Равно непримирим автор «Дневника» и ко всем прочим изменникам Польской короны. Первое место в их ряду занимают запорожские казаки, действия которых трактуются как бунт против законного государя, не заслуживавший поддержки со стороны русского царя. Сходную риторику, несколько смягченную, правда, в сравнении с инвективами против изменников в пользу москвитов, можно видеть и в описании противников королевской власти внутри Речи Посполитой – от гетмана Януша Радзвилла, обратившегося в 1655 г. за поддержкой к шведам, до конфедератов войска Литовского 1661–1663 гг. и гетмана Ежи Любомирского, поднявшего в 1664 г. рокош против короля. Хотя автор «Дневника» и признает, что в двух последних случаях требования со стороны недовольных королем и Республикой были отчасти правомерны, ничто не может оправдать в его глазах вред, наносимый бунтовщиками государству, которое из-за их действий не смогло добиться почетного мира и возместить свои потери первых лет войны.

Описывая сложные политические коллизии внутри Речи Посполитой, автор «Дневника» всегда выступает последовательным сторонником королевской власти. Король Ян Казимир – пожалуй, единственное действующее лицо «Дневника», к которому не обращены даже косвенные упреки. При этом о происходящем при королевском дворе и в центральных органах управления Польского королевства автор очевидно осведомлен хуже, чем о событиях в ставках литовских гетманов или на линии соприкосновения польско-литовских и русских войск. Тре-

бование сильной королевской власти кажется до некоторой степени естественным для человека, не укорененного внутри польско-литовского общества по праву рождения и родственных связей, каким, вероятно, был Боуш, но стремившегося при этом в силу тех или иных личных причин ассоциировать себя с Республикой в целом и принимавшего ее политическую культуру.

Если же пытаться найти положительного польско-литовского героя «Дневника», помимо короля, то таковым, вероятно, окажется гетман польный литовский Винцент Гонсевский, о котором автор отзывается с неизменным почтением. На первый взгляд этот выбор protagonista представляется несколько странным, поскольку военная и политическая карьера Гонсевского была далеко не безупречна. Автор «Дневника» вскользь упоминает о кратком периоде 1654–1655 гг., когда Гонсевский был сторонником Януша Радзивилла и Кейданской унии, и оттеняет этот неприятный для своего героя эпизод инвективами в адрес шведов, вероломно захвативших Гонсевского в плен (л. 16). Попадание Гонсевского, уже в статусе польного гетмана литовского, в русский плен в битве под Верками 11 октября 1658 г. «Дневник» приписывает исключительно вероломству московитов. Слухи о том, что Гонсевский за годы, проведенные в плену, стал сторонником царской власти, наш автор отвергает как необоснованные, а роль гетмана в направленной против короля конфедерации войска Литовского рисует как посредничество, служившее якобы восстановлению внутреннего единства Речи Посполитой. Убийство конфедератами Гонсевского и его товарища Казимира Журонского описано в «Дневнике» с почти художественной выразительностью (л. 112–113)¹³⁸. Эта нескрываемая симпатия столь необычна для «Дневника», что невольно заставляет предполагать некую связь между его автором и Гонсевским. Возможно, Боуш до 1654 г. в той или иной форме состоял на службе у будущего гетмана или входил в его клиентелу, хотя подобные предположения, разумеется, носят сугубо спекулятивный характер.

---

¹³⁸ Об убийстве Гонсевского и Журонского см.: *Rachuba A. Zabójstwo Wincentego Gosiewskiego i jego polityczne następstwa // Przegląd Historyczny. 1980. T. 71. Nr. 4. S. 705–725.*

В мастерской историка

Хотя при первом чтении кажется, что подневные записи в «Дневнике» синхронны событиям, а «Дополнения» составлялись в конце каждого года, в действительности картина была более сложной. Боуш определенно редактировал свои записи, порой спустя довольно продолжительное время. Нередко события в «Дневнике» датированы с опозданием в несколько дней, вероятно, тем числом, когда Боуш делал записи. Обратные ситуации редки. Наибольшее хронологическое расхождение с другими источниками относится к приезду в Москву польского посланника Петра Галинского. Согласно русским документам, посланник прибыл в столицу 4 апреля 1656 г., в то время как «Дневник» относит его появление там к 16 марта (л. 19 об.). Столь ранняя датировка не имеет аналогов в «Дневнике» и, возможно, стала следствием ошибки самого Боуша или переписчика.

Порой подневные записи включают информацию о событиях, произошедших после названной в «Дневнике» даты. Так, запись от 26 ноября 1664 г. рассказывает о комете, появившейся в те дни над Москвой, и заканчивается описанием ее угасания к 18 января следующего, 1665 года (л. 182). Характерно это и для некоторых погодных «Дополнений». «Дополнение» 1658 г. включает краткое сообщение об осаде Ковно литовским ополчением вплоть до снятия этой осады, пришедшегося на февраль следующего, 1659 года (л. 62). Очевидный рекорд такого рода представляет собой рассказ о пленении шведскими войсками герцога Курляндского Якоба с семьей в Митаве. В «Дневнике» этот рассказ помещен в «Дополнении» к 1658 г., но заканчивается упоминанием об освобождении герцога полтора года спустя по условиям Оливского мира 23 апреля 1660 г. (л. 62 об. – 63).

Некоторые нарушения хронологии автор «Дневника» допускает внутри «Дополнений», где точные датировки отсутствуют. Иногда эти искажения можно объяснить его ошибками. В других случаях автор, вероятно, сознательно меняет события местами, выделяя важнейшие из них. Так, в «Дополнении» к 1661 г. речь идет сначала об образовании конфедерации войска Литовского в сентябре 1661 г., победе, одержанной ею над русскими при Кушликовых горах 25 октября, и взятии польско-литовскими войсками Вильны в начале декабря, а лишь затем – о менее значимой в военном и политическом отношении потере русскими Могилева и Дисны в феврале-марте того же года (л. 100 об. – 101). Вообще же в «Дополнениях» зачастую отдается предпочтение географическому, а не хронологическому принципу, с последовательным обзором ключевых событий в отдельных регионах без строгого соблюдения временной последовательности.

Хотя значительная часть сведений «Дневника» основана на личных наблюдениях, его автор также пользовался разнообразными устными и письменными источниками. В пересказе слухов он был достаточно осторожен, и очевидно ложные сообщения в его тексте, такие как уже упоминавшийся рассказ о казни ребенка за «игру в царя» (л. 20 об.) или известие о не имевшем в действительности места восстании в Астрахани в 1663 г. (л. 113 об.), довольно редки. Обращает на себя внимание и аккуратность нашего автора в работе с количественными данными. В большинстве случаев приводимые им сведения о численности войск, если только речь не идет о плохо поддававшихся исчислению, а потому вызывавших чрезмерный страх войсках крымского хана, не слишком сильно отклоняются от подсчетов современных историков. Точен автор также в оценках расстояний и, по всей видимости, в сведениях о ценах и изменении стоимости монеты.

В ходе своей службы в Посольском приказе Боуш постоянно имел дело с разного рода дипломатической корреспонденцией. «Дневник» почти на каждой странице обнаруживает следы подобной повседневной работы. В особенности она очевидна в записях за последний, 1664 год, в которых неоднократно пересказывается переписка между русскими и польскими

послами. Упоминает автор «Дневника» и некие «книги», т. е. рукописные, а возможно, и печатные сборники, содержавшие государственные договоры и иные правовые тексты, к которым послы с обеих сторон апеллировали в ходе переговоров (л. 162). Помимо «книг», в «Дневнике» используются «известия» (*Zeitungen*), устные и письменные, которые получал Посольский приказ в Москве или русские представители на посольских съездах.

Сведения из Западной Европы в «Дневнике» подвергались некоторому отбору. В тексте упоминаются события, прямо или косвенно влиявшие на ход русско-польского конфликта. Так, о противостоянии Дании и Швеции в рамках Северной войны 1655–1660 гг. говорится достаточно подробно, включая упоминания военных действий в Голштинии и Померании и даже маневров английского и голландского флотов в Северном море (л. 72 об.). Неудивительно, что единственным немецким князем, который неизменно пользуется вниманием автора, остается курфюрст Бранденбургский Фридрих Вильгельм, игравший важную роль в шведско-польской войне 1655–1660 гг. В остальном же события в Священной Римской империи германской нации не интересуют автора «Дневника», если не считать короткого сообщения о вторжении в чешские земли турецких и татарских войск в 1663 г. (л. 134–134 об.). Подробный рассказ о переговорах русских бояр с английским послом графом Карлайлом в Москве в 1664 г. по необходимости включает в себя некоторые пассажи, касающиеся недавней истории Англии, но очевидно, что тема эта автору не близка. О романской Европе – Франции, Италии и Испании, событиями в которых Посольский приказ не занимался в повседневном режиме, – в «Дневнике» не говорится вовсе. Сообщения же источника об исламских странах ограничиваются краткими упоминаниями о приезде в Москву крымских и персидских послов, а также рассказами о походах крымских и османских войск против России и земель Габсбургов.

Сложнее обстоит дело со свидетельствами, которые автор «Дневника» мог собрать в личных разговорах. Разумеется, в жалобах автора на обесценивание приказных окладов вследствие распространения медных денег в начале 1660-х годов можно усмотреть не только его личное недовольство, но и выражение некоторого совокупного мнения коллег. К огорчению историка, «Дневник» почти ничего не сообщает о событиях внутри Посольского приказа, если не считать предельно краткой заметки об опале Алмаза Иванова в связи с ратификацией Кардисского мира 1661 г. (л. 118–118 об.). В остальном же Боуш избегает упоминать своих сослуживцев, в особенности умалчивая о деятельности переводчиков и называя последних по имени только в тех случаях, когда они входили в официальный штат посольств или выполняли самостоятельные миссии за рубежом в качестве гонцов и посланников. Едва ли, впрочем, на основании подобных умолчаний можно сделать вывод о характере отношений автора «Дневника» с коллегами. Верно лишь, что он или не получал от них сведений об их работе или по каким-то причинам предпочел скрыть этот факт от читателя.

Хотя структура «Дневника», его основные темы и диапазон использованных источников на протяжении десяти лет оставались неизменными, нельзя не отметить некоторую интеллектуальную эволюцию автора. О смягчении критики в адрес «москвитов» и отказе от самого этого экзоэтнонима уже говорилось. Еще более значимо изменение характера изложения в «Дневнике» дипломатических переговоров. В первые годы автор занят преимущественно формальной стороной происходящего, уделяя первостепенное внимание вопросам церемониала и титулатуры. Рассказ о первом в жизни автора посольском съезде под Вильной в 1656 г. кажется по сравнению с русскими и польскими источниками несколько плоским, отражающим внешние проявления дипломатической борьбы. Сообщение о переговорах в Дуровичах восемь лет спустя, напротив, детально воспроизводит аргументацию обеих сторон по ключевым вопросам о границах, причинах войны и перспективах выхода из нее. Вероятно, по мере накопления автором опыта рос у него и интерес ко все более подробному и вдумчивому ана-

лизу дипломатических хитросплетений – не случайно описание событий 1664 г. занимает около трети всего объема «Дневника».

«Дневник» в поисках читателя

Каковы же были причины, заставившие Боуша в 1654 г. взяться за перо и не прекращать своей тайной работы в течение как минимум десяти лет, за которые сохранились записи, а по всей вероятности, и большего времени, возможно, вплоть до самой смерти в конце 1667 г.? Конечно, отчасти его поведение, вероятно, объяснялось внутренней потребностью. Написание подобного рода текста могло стать способом переживания травмы, нанесенной пленом и последующей службой в чужой стране врагам тех, кого автор считал «своим» сообществом. Обратим, однако, внимание на то, что «Дневник», по крайней мере в некоторых своих фрагментах, ориентирован на стороннего читателя, не вполне знакомого с московскими реалиями, как, например, в авторском комментарии о погребальных обычаях русских (л. 64). Многочисленные русские и польские наименования придворных, военных и государственных должностей, равно как и географические названия, однако, остаются без подобных пояснений – то ли вследствие небрежности автора, то ли из-за того, что предполагаемый читатель не должен был испытывать сложности при их понимании.

По своему содержанию и стилистическим особенностям «Дневник» довольно плохо соотносится с современными ему европейскими, и в частности немецкими, источниками личного происхождения¹³⁹. Хотя повествование в них и ведется от первого лица, их авторы, как правило, встроены в более широкие структуры воспроизводства коллективной памяти внутри семьи, рода, сельской или городской общины или же определенной корпорации – будь то монастырь или воинская часть. Текст Боуша в этом смысле имеет мало общего с современными ему немецкими образчиками дневникового или мемуарного жанра. Ничто не указывает на то, что автор рассчитывал передать свои записи детям или иным способом сохранить в семье. Нет никаких свидетельств того, что дети Боуша от его русской жены знали немецкий и имели бы желание и возможности для чтения такого рода.

Потенциальный читатель «Дневника» мог быть иностранцем, неплохо ориентировавшимся в русском контексте. В XVII в. зафиксированы несколько случаев, когда переводчики Посольского приказа тайно передавали сведения, полученные ими по служебной надобности, иностранным послам или резидентам¹⁴⁰. В отношении Боуша подобные подозрения неизвестны, хотя многие страницы «Дневника» и выглядят как подборка информации для передачи за рубеж. Против такого предположения, однако, есть как минимум два аргумента. Во-первых, в «Дневнике» пропущены некоторые важные эпизоды карьеры Боуша, как, например, уже упоминавшееся посещение царских покоев в качестве толмача немецких докторов. В этом отношении бросается в глаза контраст между «Дневником» и современными ему записками сослуживца Боуша по Посольскому приказу подьячего Григория Карповича Котошихина, который, работая по заказу шведского правительства, не скупился на подробности внутренней жизни московского двора¹⁴¹. Во-вторых, многие части «Дневника», особенно в «Дополнениях», выходят далеко за пределы простой фиксации событий и предлагают читателю почти художественное повествование, законченное композиционно и стилистически, но вторичное по отношению к иным источникам, зачастую иностранного происхождения.

---

¹³⁹ См., например: *Krusenstjern B. von. Selbstzeugnisse der Zeit des Dreißigjährigen Krieges. Beschreibendes Verzeichnis.* Berlin: Akademie Verlag, 1997.

¹⁴⁰ Некоторые примеры см. в: *Лисейцев Д.В.* Переводчик Посольского приказа Иван Фомин и источники по истории приказной системы Московского государства конца XVI – середины XVII века // *Иноземцы в России в XV–XVII веках: сб. материалов конф. 2002–2004 / отв. ред. С.П. Орленко.* М.: Древлехранилище, 2006. С. 241–252; *Лаврентьев А.В.* Переводчик Посольского приказа Леонтий Гросс и его потомки в России // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. 25. 1994. С. 94–102 (здесь – с. 98); *Гундулич Ф.* Путешествие из Вены в Москву... С. 147.

¹⁴¹ *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. 3-е изд. СПб.: Издание археографической комиссии, 1884.

Автор «Дневника», по крайней мере с определенного момента, не просто собирал сведения, относящиеся к внешней политике России, но и составлял рассчитанную на относительно широкого читателя историю войны России и Речи Посполитой. Его текст сочетает в себе черты сразу нескольких типов исторического повествования раннего Нового времени. Дневниковая форма и структура отдельных подневных записей восходят к официальным дипломатическим отчетам, равно распространенным в немецкой, польской и – в качестве важного составного элемента статейных списков – русской политической культуре XVII столетия. В Речи Посполитой подобные записи могли включаться в личные дневники или стилизованные под них переработанные позднее отчеты отдельных дипломатов, которые, выступая в качестве частных лиц, добавляли к официальным сведениям собственные впечатления¹⁴². Наконец, «Дневник», в особенности в «Дополнениях», приближается к компилятивным историческим сочинениям, основанным на широком круге источников и предлагавшим панорамное видение истории Европы – таким как, например, многотомное немецкое издание *Theatrum Europaeum*, выпускавшееся на протяжении всего XVII в.¹⁴³

Необычным делает «Дневник» позиция его автора по отношению к описываемым событиям. Его взгляд из Москвы определен и подбором источников, и личным опытом, и – чем дальше, тем больше – его интересами как дипломата и историка. Вместе с тем главными субъектами истории в том виде, в каком она предстает в «Дневнике», выступают две общности, ни с одной из которых автор не может себя ассоциировать в полной мере. Первая – это «польский народ», от которого автор оторван географически и политически, а в известном смысле и лингвистически. Вторая – русское государство, которому он служит, не питая к нему никакой привязанности и будучи полностью чужим для его населения и элиты по вере, культуре и политическим идеалам. Эта трагически ощущаемая двойственность создает в «Дневнике» невысказанное внутреннее напряжение, очевидное за скрупулезностью дипломатических отчетов, клишированными инвективами в адрес «москвитов» и похвалами польскому королю.

Мы не беремся судить, рассчитывал ли Боуш на то, что его труд когда-либо увидит свет в виде печатной книги или в рукописных копиях. Едва ли он питал надежду переправить свою рукопись за пределы России для издания или распространения, не рискуя при этом своей приказной службой. Сам переводчик мог строить планы побега, но не воспользовался ими в последние месяцы жизни из-за привязанности к оставшейся в Москве семье либо по иным причинам. Так или иначе, о «Дневнике», по всей видимости, не узнали ни современники Боуша, ни потомки, исключая нескольких академиков времен императрицы Анны. Можно только надеяться, что настоящее издание, осуществленное более чем через три с половиной столетия после смерти автора, найдет своего читателя.

---

¹⁴² См. некоторые примеры, относящиеся ко времени русско-польской войны 1654–1667 гг.: *Chrapowicki J. A. Duariusz. Cz. 1: Lata 1656–1664 / Oprac. Tadeusz Wasilewski. Warszawa: Pax, 1978; Medeksza S.F. Księga pamiętnicza...; Бростовский П.К. Дневник дороги на комиссию в Вильну 1656 года с самого акта комиссии наскоро списанного / пер. Д.А. Подгурского // Сборник Муханова. СПб., 1866. С. 483–542.*

¹⁴³ *Theatrum Europeum*. Bd. 1–21. Frankfurt a/M: Matthäus Merian, 1635–1738.

Дневник войны русских и поляков (1654–1664)

Год 1654

4 августа князь Яков Черкасский отправился со своей армией и со всеми присоединившимися к ней войсками из Копыси, оставив там Трубецкого, переправился под Оршей через Днепр и расположился лагерем на другом берегу близ Дубровны. Русские вскрыли склепы, бывшие в монастырях в Орше, выбросили останки из гробов, положили в них своих воинов, павших в стычке под Шкловом, и отослали в Москву, чтобы похоронить их там.

5 августа пришел приказ от Его Царского Величества, который стоял с главной армией под Смоленском в укрепленном лагере на Девичьей горе и обложил крепость, чтобы Черкасский со своей армией и присоединившимися к нему войсками возвратился под крепость Дубровну, выбрал из своих войск шесть тысяч лучших всадников и отослал Трубецкому, которому было приказано преследовать бежавшего генерала Радзивилла.

13 августа польских пленнх доставили из войск боярина Василия Петровича Шереметева, стоявших под Полоцком, в главную армию под Смоленск. Среди пленнх был высокородный Петр Беганский, подкоморий полоцкий, взятый в плен в стычке под Глубоким.

14 августа под Смоленск к армии прибыли тысяча конных казаков от Золотаренко. Их встретили с большой радостью.

В ночь с 15 на 16 августа враг атаковал крепость Смоленск решительным приступом.

16 августа приступ прекратился с большим уроном для врага, потерявшего более шести тысяч человек, и т. д.

24 сентября из Никольского монастыря¹⁴⁴ прогнали монаха по имени Варлам, который ночью объезживал у крестьянина кобылок¹⁴⁵.

---

¹⁴⁴ Вероятно, здесь и далее, в записях за 1655 г. имеется в виду Никольский Рождества Пресвятой Богородицы мужской монастырь в деревне Возмище под Волоколамском.

¹⁴⁵ Использованный в немецком оригинале глагол *bereiten* предполагает, по всей видимости, сексуальный подтекст.

Дополнение к 1654 году

В этом году Его Царское Величество выступил из Москвы, своей резиденции, с мощной армией в триста тысяч человек¹⁴⁶ и превосходной артиллерией из стенобитных орудий и искусно сделанных мортир и лично направился с главной армией под крепость Смоленск. Во время этого похода сдались Дорогобуж и Белая, два укрепленных замка. Крепость Смоленск же осаждали вплоть до того, как она принуждена была сдаться в соответствии с соглашением, не рассчитывая больше на свои малые силы перед лицом превосходящих сил врага, после приступа, в котором русская сторона потеряла около шести тысяч человек. Воеводу Филиппа Обуховича, полковника Вильгельма Корфа со своим полком пехоты, подполковника фон Тизенхаузена с полком генерал-цейхмейстера Гонсевского, а также часть дворян, не желавших покориться русскому игу, по соглашению отпустили в Литву со всеми своими домочадцами. Оставшиеся дворяне и часть рядовых солдат, которым в русских дипломах, написанных золотом, были обещаны великие вольности, подпали под ярмо русского рабства и, хотя и имели вначале некоторую свободу, в конце концов потеряли все разом. С ними обошлись намного более сурово, чем они могли себе представить.

Граждане Могилева отправили при подстрекательстве вероломных казаков посольство к Его Царскому Величеству под Смоленск и добровольно сдались под русскую защиту, получив, согласно грамотам, великие вольности, которые сохраняли долгое время против всяких ожиданий. Гомель, Кричев, Рославль и другие крепости Северной земли на Соже, переметнулись к казакам нежинского полковника Ивана Золотаренко¹⁴⁷. Себеж, Невель, Полоцк, Велиж¹⁴⁸, Дисна и другие крепости на Двине сдались русскому воеводе боярину Василию Петровичу Шереметеву, который действовал в тех местах с новгородским войском в сорок тысяч человек, и все были заняты русскими гарнизонами. Витебск, оборонявшийся храбро и доставивший врагу довольно неприятностей, был взят Шереметевым после длительной осады поздней осенью, когда Смоленск уже давно был сдан. Замок, в котором дворяне и солдаты укрылись после завоевания города, сдался, наконец, под тем условием, чтобы все, кто не пожелает оставаться под русской властью, имели свободу выезда в Польшу, Литву и куда бы кто ни пожелал со всем имуществом и домочадцами. Однако, хотя после сдачи крепости всем не пожелавшим остаться было позволено собраться в дорогу и майор Вольф отправился со шквadroной¹⁴⁹ драгун сопровождать их, когда они уже были в пути, египтяне сообразили, что отпустили народ Израиля¹⁵⁰. В спешке приказали вновь схватить их и взять под стражу. Все их имущество отобрали, а их самих с женами и детьми увели в бедственное рабство. Другие же, выказавшие русским послушание и повиновение, остались невредимыми со всеми своими домочадцами и имуществом и пользовались рабской вольностью в той мере, в какой это возможно. Крепость Мстиславль также покорилась и сдалась в короткое время, когда осада не продлилась и двух недель, боярину и генералу князю Алексею Никитичу Трубецкому и его товарищам. Весь ее гарнизон, в том числе большое число знатных дворян, которые бежали туда из различных мест, жестоко вырезали. Часть выживших женщин и детей разделили между солдатами для вечного рабства, знатные женщины и девицы подверглись надругательству, так что судьба

---

¹⁴⁶ Очевидно баснословная оценка численности войск. Современные историки оценивают численность царских войск в Смоленском походе более чем в 40 тысяч человек, а общих русских сил в кампании 1654 г. не более чем в 100 тысяч человек. См.: Курбатов О.А. Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Руниверс, 2019. С. 20.

¹⁴⁷ В действительности Кричев сдался полковнику Константину Поклонскому, а Рославль – князю Алексею Никитичу Трубецкому. Золотаренко взял лишь Гомель и некоторые другие крепости на Соже. См.: Там же. С. 21.

¹⁴⁸ В действительности воевода Матвей Васильевич Шереметев взял Велиж лишь в июне следующего, 1655 года.

¹⁴⁹ Шквadroна – тактическая единица, включавшая в себя от двух до четырех рот (ок. 150–300 драгун или рейтар).

¹⁵⁰ Аллюзия на Исх. 8: 1.

их была весьма плачевна. Горы, Копысь, Шклов и другие замки на Днестре сдались тому же генералу и остались нетронутыми, не считая того, что некоторых из дворян и горожан, показавшихся подозрительными, взяли в плен и увели в Москву, а их имущество отобрали. Крепость Дубровна на Днестре, выдержав много вражеских нападений, жестоких приступов и долгую осаду, но не ожидая подмоги и не будучи более в состоянии выдерживать непрерывный натиск врага, сдалась в конце концов генералу Трубецкому на определенных условиях, скрепленных высокими клятвами, но весьма скверно исполненных. После того как крепость сдалась под честное слово, вверив свое благополучие вероломному врагу, тот жестоко вырезал тысячу человек без малейшего сожаления, разграбив все имущество и добро. Прочих же, избегнувших острого меча ценой горьких стонов и жалоб, он раздал немилосердной солдатне, которая увела их, горестно стенавших, на продажу в вечное рабство. В конце концов он разорил прекрасный графский город¹⁵¹, предав его огню и обратив в развалины.

Литовская армия под началом генерала князя Януша Радзивилла, которую перед тем обратил под Шепелевичами в бегство русский генерал Трубецкой, не смогла собраться вновь в этом году из-за великого нестроения и непослушания сельских жителей. Вследствие этого войска московитов оставались хозяевами на реке Двина, заняв все укрепленные места и крепости усиленными гарнизонами и назначив во вновь завоеванные пограничные города губернаторов, которые надзирали за оставшимися поляками и то тут, то там обрекали их на страдания и постепенно душили под рабским ярмом. Его Царское Величество же с главной армией и другими войсками, бывшими под началом бояр и генералов, из которых немногие остались на границе, чтобы охранять ее безопасность, отправился с великой радостью и торжеством назад в Москву, с тем чтобы наилучшим образом подготовить следующей весной военный поход и упрочить достигнутую победу.

В русском государстве свирепствовала в этом году столь жестокая заразная болезнь, именуемая чумой, что многие города, села и деревни совершенно вымерли и опустели. Только в столичном городе Москве умерли более семисот тысяч человек из числа благородных¹⁵², не считая простого люда, среди которого многие сгнили без погребения и имена их остались в неизвестности. Этот мор начался в столичном городе Москве и в близлежащих городах, селах и деревнях в марте и длился вплоть до января¹⁵³. Русские, однако, восполнили эти тяжелые потери своих подданных – в польских землях, откуда они вывели в этом году многие тысячи пленных мужчин и женщин, благородных и неблагородных, сделав их рабами взамен умерших. Видит Бог, людей в Москве продавали много дешевле, чем неразумную скотину. Знатнейшие лица мужского пола стоили до десяти польских флоринов¹⁵⁴, в лучшем случае четыре рейхсталера¹⁵⁵. Женщин же, если они были хоть немного красивы, оценивали дороже, поскольку русский народ весьма склонен к похоти, продавали для поругания и разврата и обращались с ними много хуже, чем со зверьми. Один, используя их для своего удовольствия, продавал другому за меньшую цену, чтобы выгадать на этом сущие гроши. Хозяева, потешившись вдоволь, отдавали жен и дочерей знатных людей благородного звания в жены подлым людям и отребью, которых у них зовут холопами, несмотря на то что у многих жен еще были живы мужья в рабстве у других господ, которые равным образом принуждали их взять других рабынь

¹⁵¹ Дубровна принадлежала роду Глебовичей, имевших титул графов Священной Римской империи.

¹⁵² Безусловно преувеличенное число умерших. Современные оценки числа жертв чумы 1654–1655 гг. в Москве весьма приблизительны и разнятся от 6 тысяч до 300 тысяч человек. См.: *Сыпотицкий М.В., Сыпотицкая Н.С.* Очерки истории чумы: в 2 кн. М.: Вузовская книга, 2006. Т. 1. С. 154; *Alexander J.T.* Bubonic Plague in Early Modern Russia. Public Health and Urban Disaster. Baltimore, MD; L.: John Hopkins University Press, 1980. P. 18.

¹⁵³ В действительности чума в Москве длилась с сентября 1654 г. по январь 1655 г.

¹⁵⁴ Польский злотый (*floren, Gulden*) – золотая монета номиналом ок. 3,5 г золота или эквивалентная ей серебряная монета.

¹⁵⁵ Рейхсталер (*Reichsthaler*) – серебряная монета номиналом ок. 27 г серебра, чеканившаяся в немецких землях, или ее восточноевропейские аналоги и продукты перечеканки (ефимки).

в жены на место прежних. Вообще русские обходились с поляками столь жестоко, что скорее смилостивились бы над собакой или иным животным, чем над людьми из этого народа. В особенности же тяжело пришлось женщинам и девушкам благородного звания, которым не оказывали никакого сострадания, презрев их высокое сословие, дворянские свободы и добродетели, которыми они славились. Напротив, их унижали и мучили самым жестоким образом, о каком только можно помыслить. К тому же великая удача московитов, которой они пользовались в этом году в войне с поляками, завоевав за столь короткое время и без всякого сопротивления столь многие сильные крепости и заняв и подчинив себе столь обширную часть страны, преисполнила их такой гордости и спеси, что они совсем забыли, что сами смертны. Напротив, они совершенно уверились, что им как храбрейшим, мужественнейшим, умнейшим и во всем превосходнейшим людям надлежит главенствовать и быть хозяевами над поляками и всеми прочими народами даже и на небе, которое они закрывают всем прочим народам и оставляют одним лишь себе. Они не хотели и думать о том, что удача может изменить им и поляки когда-нибудь ускользнут из-под их власти, так что никому не было позволено вести об этом речь. Если же кто, в особенности из числа польских пленников, по своему безрассудству начинал рассуждать о том, что не стоит доверяться счастью, того наказывали самым жестоким образом как предателя и врага Его Царского Величества и его государства, подвергая мучениям и обрекая на смерть. Посему с бедными пленниками обращались столь немилосердно, что их страдания и нужда пробудили бы сочувствие в самых жестоких сердцах, будь они сделаны из цельного камня. Однако среди этого народа, который столь прославляет свои христианские добродетели и никого другого под солнцем не признает достойным христианского имени, нечего было и надеяться на сострадание и милосердие.

Год 1655

4 января к воеводе привели настоятеля монастыря, называемого Левчин¹⁵⁶ и лежащего в миле¹⁵⁷ от Волоколамска, обвинив его в том, что он сделал жену одного мельника своей любовницей и ее видели с ним в его монастырской келье. Поскольку, однако, воевода не мог управить это дело, монаха с мельничихой отослали к патриарху.

5 января схватили другого монаха из монастыря Возмище, находящегося рядом с замком¹⁵⁸, за то, что он, будучи в церкви, содомитским образом замучил до смерти некоего мальчика. Его также отослали в столичный город Москву к патриарху. Однако у этого народа не наказывают смертью все подобные преступления, так что обоих этих монахов продержали некоторое время на покаянии в других монастырях, где они в качестве наказания должны были просеивать муку, и в конце концов отпустили.

11 марта Его Царское Величество выступил из своей резиденции Москвы со своими советниками и всем войском. Патриарх и все духовенство сопровождали его с крестами, иконами и великим колокольным звоном вплоть до предместий на той стороне реки Москва. Лагерь в ту ночь разбили на Воробьевых горах в миле от города.

1 сентября вернулись в Москву подьячий или писарь Яков Ильич Поздышев и толмач Юрген Буххольц, посланные с письмом Его Царского Величества к Его Княжеской Милости герцогу Курляндскому.

13 сентября здесь взяли под стражу и отправили в Казань ливонца Иоганна Гута.

7 октября сюда, в Москву прибыли посланники Римского императора Аллегретто де Аллегретти и Иоганн Дитрих фон Лорбах со свитой в тридцать человек. Их торжественно приняли со следующими церемониями. Прежде всего, десять тысяч всадников в полном вооружении выехали навстречу им на четверть мили за Тверское предместье и выстроились шеренгами в ожидании прибытия послов по обеим сторонам проторенной дороги с развевающимися знаменами. Наконец, послали конюшего с оседланными царскими лошадьми для обоих послов и их дворян. Увидев послов, он отправил к ним толмача, предложив, поскольку он явился с лошадьми Его Царского Величества, чтобы те вышли из кареты и пересели на лошадей. Он же, в соответствии с приказом, не должен был сходить с лошади прежде, чем они начали покидать карету. Когда они вышли, он с немногими словами подвел каждому хорошо снаряженную лошадь, а сам стоял, пока они усаживались на лошадей. После этого он также сел на лошадь и неторопливо поехал перед ними. Когда же они немного отъехали от этого места, их встретили назначенные приставы, но, прежде чем приблизиться, остановились на расстоянии пистолетного выстрела и послали к ним, сообщая о готовности принять их. Те, однако, должны спешиться, а сами приставы сделают это после и примут их согласно данному им приказу. Послы же изволили сказать, что им как гостям не подобает спешиваться первыми и что сначала это должны исполнить те, кому велено их встретить и принять, после же тех они исполнят это незамедлительно. Приставы ни в коем случае не желали этого делать, настаивая, что их великому государю, Его Царскому Величеству, не доставит чести, если они спешатся первыми, поскольку здесь, в России, с давних пор заведено, что послы и посланники иностранных государей оказывают честь Его Царскому Величеству и спешиваются прежде приставов. Этот спор длился довольно долго, пока обе стороны не пожелали разом, чтобы другие спе-

---

¹⁵⁶ Идентифицировать монастырь не представляется возможным. До монастырской реформы 1764 г. в Волоколамске и его ближайшей округе действовали пять монастырей – Власьевский, Варварский, Крестовоздвиженский, Возмищенский и Иосифо-Волоцкий, – но ни один из них ни по собственному названию, ни по топонимике своего расположения не может быть соотнесен с упомянутым в «Дневнике».

¹⁵⁷ Здесь и далее имеется в виду немецкая миля длиной около 7,5 км.

¹⁵⁸ То есть с Волоколамским Кремлем.

пились. Императорские послы не соглашались с этим, указывая, что всегда надлежит встречать гостя с честью, как и они бы поступили, если бы послы Его Царского Величества были отправлены к Его Императорскому Величеству, оказав тем честь, приличествующую гостям. Поскольку, однако, час был уже поздний, а погода дождливая и не пристало дольше спорить о таких вещах под открытым небом, послы соблаговолили на этот раз спешиться одновременно, не умаляя, однако, высокой чести Его Императорского Величества¹⁵⁹. После этого представ начал свою речь: «Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великая, Малая и Белая России самодержец, отцовский и дедовский наследник, владетель и обладатель многих других восточных, западных и северных государств и земель, Его Царское Величество пожаловал послов великого государя Фердинанда III, избранного Римского императора¹⁶⁰, и приказал спросить об их здоровье и как прошло их путешествие. Поскольку же он сейчас находится не на месте, в царствующем городе Москве, а занят военным походом против своего врага, короля Польского Казимира, то он сделал распоряжение через своего сына, высокородного царевича и великого князя всея Великая, Белая и Малая России Алексея Алексеевича, чтобы мы, стольник Его Царского Величества Василий Семенович Волинский и я, дьяк N.¹⁶¹, приняли вас, послов Его Императорского Величества, сопроводили на посольский двор и были вашими приставами». На этом они подали ему руку и вновь уселись на коней, так что и тут дошло до спора о старшинстве. Приставы, в соответствии с данным им приказом, желали ехать справа, послы же не собирались уступать. В конце концов остановились на том, чтобы оба посла ехали посредине, стольник Волинский – по правую, а дьяк – по левую руку от них. В таком порядке они подъехали к Тверским воротам, за которыми по обеим сторонам улицы, ведущей к посольскому двору, стояли мушкетеры¹⁶². Впереди ехали шеренгами и под различными знаменами несколько тысяч человек из числа тех, кто выезжал из города для встречи послов, а за ними – приставы с послами. Так их сопровождали до посольского двора, приставы же въехали внутрь на двор и указали им их квартиры, которые были предназначены для всей их свиты.

28 октября в Москву прибыли королевские шведские послы государственный советник господин Густав Бьельке, генерал-майор господин Александр фон Эссен и земский советник господин Филипп фон Крузенштерн со свитой в 145 человек. Их приняли и сопроводили с теми же церемониями, что и господ императорских послов.

30 ноября подняли вновь отлитый большой колокол весом в десять тысяч пудов по русской мере¹⁶³. Один русский пуд содержит 32 любекских фунта¹⁶⁴. Язык этого колокола, сделанный из железа, должны раскачивать сто человек. Колокол еще нельзя трогать, поскольку не готова колокольная, которая его выдержит.

¹⁵⁹ Согласно донесениям императорских дипломатов, первыми все же спешились русские представители. См.: *Гундулич Ф.* Путешествие из Вены в Москву в 1655 году / пер. К. Петковича // *Русский вестник*. 1869. № 9. С. 137–165 (здесь – с. 146–147); *Шварц И., Августинович Х.* Отношения Габсбургов с Россией и Украиной в период международного кризиса середины XVII в. // *Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в.* / отв. ред. Б.Н. Флоря. М.: Гуманитарий, 2007. С. 231–310 (здесь – с. 249–250).

¹⁶⁰ Автор «Дневника» использует титул «избранный Римский император» (*erwählter Römischer Kaiser*), применявшийся императорами Священной Римской империи с 1558 г., когда для утверждения титула стали считаться достаточными выборы курфюрстами и следующая за ними коронация во Франкфурте-на-Майне.

¹⁶¹ Дьяк Никита Головин. См.: ПДС. Т. 3. Стб. 280.

¹⁶² Здесь и далее под мушкетерами (*Musquetier*) автор «Дневника» подразумевает русскую пехоту иноземного строя, в то время как для обозначения стрельцов используется русизм *Strelitzen*.

¹⁶³ Имеется в виду так называемый Большой Успенский колокол. Согласно русским источникам, вес колокола составлял около 8000 пудов.

¹⁶⁴ Автор «Дневника» дает несколько заниженное значение русского пуда (ок. 16,4 кг) в отношении к любекскому фунту (ок. 485 г). Иоганн Филипп Кильбургер в 1674 г. считал русский пуд равным приблизительно 35 любекским фунтам. См.: *Кириц Б.Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев: Типография И.И. Чоколова, 1915. С. 155.

10 декабря Его Царское Величество с боярами и всем войском, пройдя всю Литву вплоть до Вильны и приведя под свою власть этот город и все Великое княжество Литовское, прибыл с большим торжеством в Москву, где его с радостью и ликованием встречали все духовенство и простой люд.

18 декабря назначили прием императорским послам¹⁶⁵. В соответствии с этим по обеим сторонам улицы, ведущей от двора, на котором они остановились, выставили мушкетеров в сомкнутом строю, а в замке¹⁶⁶ разместили шесть полков стрельцов в полном вооружении и с развевающимися знаменами. Они стояли сомкнутым строем вплоть до лестницы, по которой поднимаются в палату к Его Царскому Величеству. Перед послами ехали двести человек московитов в полном вооружении, те же ехали рядом друг с другом, с приставом по обе стороны от себя. Перед ними секретарь нес на вытянутой руке письмо Его Императорского Величества, покрытое красным атласом. Когда они прибыли к крыльцу церкви, называемой Благовещенской, чья крыша крыта золотыми листами, то спешили и поднялись на крыльцо к Его Царскому Величеству в том же порядке, в каком ехали. Когда они вошли в сени, их встретили двое, посланные Его Царским Величеством, один стольник и один дьяк¹⁶⁷, и начали говорить так: «Великий государь, царь и великий князь, всея Великой, Малой и Белой России самодержец, отцовский и дедовский наследник, владетель и обладатель многих других восточных, западных и северных государств и земель, Его Царское Величество, ради доброго доверия, которое они имеют со своим братом, вашим великим государем Фердинандом III, избранным Римским императором, пожаловал вас, послов Его Императорского Величества, и приказал, чтобы Его Царского Величества стольник N. и я, дьяк N., приняли вас здесь в сенях». С этими словами они подали им руки и прошли дальше до дверей покоя, где их ожидал для приема Его Царское Величество. Там их встретили другие стольник, старше предыдущего по рождению и положению, и дьяк¹⁶⁸, и говорили господам послам таким же образом, как это сделали предыдущие в сенях. Наконец, подав им руку, прошли дальше внутрь покоя¹⁶⁹. Посреди покоя у стены напротив двери сидел Его Царское Величество, роскошно одетый, с венцом на голове и со скипетром в руке. По обе стороны стояли два телохранителя, наряженные во все белое и одетые роскошными золотыми цепями. Каждый держал обеими руками на левом плече секиру с широким лезвием, подобным полумесяцу, повернув ее таким образом, как если бы он хотел зарубить каждого, кто приблизится к Его Величеству. По правую сторону от Его Величества стоял боярин и дворовый воевода Борис Иванович Морозов, по левую же боярин и главнокомандующий конницей и пехотой Илья Данилович Милославский, царский тесть. У другой стены палаты по левую сторону от царского трона сидели бояре и государственные советники, одетые в золотое платье, с высокими шапками из черной лисицы на головах. У другой стены справа от Его Величества стояли прочие комнатные дворяне и два канцлера¹⁷⁰. У стены, в которой была дверь, стояло неисчислимое множество слуг. Вся палата была украшена золотой тканью и роскошными персидскими коврами.

Господ императорских послов, после того как они вошли в палату, поставили на стороне, где стояли канцлеры. Они приветствовали Его Царское Величество и выразили от лица Его Императорского Величества совершенное и полное доверие и надежду на продолжение добрых и издревле заведенных сношений. После этого они передали письмо Его Император-

---

¹⁶⁵ Согласно иным источникам, первый прием императорских послов у царя состоялся 15 декабря. См.: ПДС. Т. 3. Стб. 370–379; *Гундулич Ф.* Путешествие из Вены в Москву... С. 150–151; *Шварц И., Аугустинович Х.* Отношения Габсбургов... С. 240.

¹⁶⁶ То есть в Кремле.

¹⁶⁷ Дворянин Артемий Степанович Волынский и дьяк Василий Ушаков. См.: ПДС. Т. 3. Стб. 371.

¹⁶⁸ Стольник князь Алексей Иванович Буйносов-Ростовский и дьяк Никита Головин. См.: Там же.

¹⁶⁹ То есть Золотой палаты Московского Кремля.

¹⁷⁰ Канцлерами (*Cantzler*) автор «Дневника» здесь и далее именует думных дьяков Посольского приказа.

ского Величества, которое Его Царское Величество принял собственноручно и тотчас передал посольскому канцлеру Алмазу Ивановичу. Получив письмо, Его Царское Величество привстал с кресла и спросил о здоровье Его Императорского Величества в следующих словах: «Как поживает наш брат, император Фердинанд, в добром ли он здравии?». Господа послы ответили, что, когда они покидали Его Императорское Величество, их милостивого императора и государя, тот, благодарение Богу, находился в добром здравии.

После этого Его Царское Величество подозвал к себе канцлера Алмаза и приказал ему спросить о здоровье господ послов. Тот сказал: «Аллегретт и Иоганн, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великой, Малой и Белой России самодержец, отцовский и дедовский наследник, владетель и обладатель многих других восточных, западных и северных государств и земель, Его Царское Величество, пожаловал, велел спросить о вашем здоровье».

После же того как послы поблагодарили, канцлер снова подступил к Его Царскому Величеству и, получив от него приказ в немногих словах, вернулся и начал говорить: «Вас, дворян Его Императорского Величества, великий государь, Его Царское Величество, также пожаловал, велел спросить о вашем здоровье». Они тотчас же ответили глубоким поклоном.

Наконец канцлер продолжал: «Послы Его Императорского Величества, Аллегретт и Иоганн, великий государь, Его Царское Величество, жалует вам поцеловать свою руку». С этими словами Его Царское Величество приподнял правую руку, которую держал боярин и дворовый воевода Борис Иванович Морозов, и оба посла, поклонившись, подошли друг за другом и поцеловали ее. Следом за тем внесли скамью, покрытую ковром, и поставили ее следом за послами. Канцлер начал говорить: «Послы Его Императорского Величества, Аллегретт и Иоганн, великий государь, Его Царское Величество, жалует вас, позволяет сесть». Когда же они сели, канцлер продолжал: «Дворяне Его Императорского Величества, великий государь, Его Царское Величество, жалует вам поцеловать свою руку». Секретарь же и дворяне приблизились один за другим и исполнили поцелуй руки с глубоким поклоном.

После исполнения этого канцлер подошел к Его Царскому Величеству в другой раз и, получив приказ, вернулся на прежнее место. Он сказал: «Послы Его Императорского Величества, Аллегретт и Иоганн, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великой, Малой и Белой России самодержец, отцовский и дедовский наследник, владетель и обладатель многих других восточных, западных и северных государств и земель, Его Царское Величество велел передать вам: вы отдали письмо от великого государя, Нашего Царского Величества брата, вельможнейшего государя Фердинанда III, Божьей милостью Римского императора, огласили свое посольское дело и доложили порученное вам. Мы же, великий государь, Наше Царское Величество, приняли от вас письмо нашего брата, великого государя, Его Императорского Величества, и выслушали ваше послание. Мы дружески выслушаем содержание письма, когда оно будет переведено. Что же до того, что написал в своем письме к нам, великому государю, Нашему Царскому Величеству, наш брат, великий государь, Его Императорское Величество, и что он велел передать вам, своим послам, то мы, великий государь, повелим боярам и советникам Нашего Царского Величества собраться с вами для переговоров в другой раз».

Канцлер продолжал: «Аллегретт и Иоганн, великий государь, Его Царское Величество, пожаловал вас в стола место едой и питьем». С этими словами им дали знак удалиться и они, сделав поклон, вышли и отправились к себе на квартиры.

В тот же день, после ухода господ императорских послов, на приеме были господа шведские послы Густав Бьельке и прочие¹⁷¹. Они принесли много красивых подарков, среди них –

---

¹⁷¹ Член шведского посольства Андерс Свенссон Трана датировал прием шведских послов 19 декабря 1655 г. См.: Дневник Андерса Траны // под ред. Г.М. Коваленко. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2007. С. 49.

искусно сделанные серебряные сосуды, которые приняли и получили весьма благосклонно. Их вход и прием прошли тем же образом, как и у господ императорских послов, не считая того, что их свита, хотя они и были в трауре¹⁷², была тем не менее гораздо многочисленнее и представительнее и одета с большим изяществом и тонкостью, чем у господ императорских послов. Передав приветствие от своего короля и государя, они поздравили Его Царское Величество с победой над Польской короной и передали затем верительные грамоты Его Королевского Величества, чтобы устроить переговоры о приказанном им деле с боярами и советниками Его Царского Величества.

26 декабря шведских послов пригласили для переговоров¹⁷³. Будучи сначала у Его Царского Величества, они поблагодарили за посланные им еду и питье, и, узнав имена тех, кто был выбран для переговоров с ними, отправились в комнату для переговоров и сели вместе с господами переговорщиками за стол, выразив желание Его Королевского Величества, чтобы Его Царское Величество подтвердило договор с королевой Швеции Кристиной¹⁷⁴, уже скрепленный Его Королевским Величеством, с тем чтобы учредить более тесный союз против Польской короны, врага обоих государей. Господа московиты указали, однако, на многие нарушения договора со шведской стороны. В этот раз не смогли прийти к справедливому решению. Напротив, дело отложили, объявив о необходимости дальнейшего обсуждения.

29 декабря призвали для переговоров и господ императорских послов, которых очень уязвило предпочтение, оказанное в переговорах шведам¹⁷⁵. После того как они прошли в палату к Его Царскому Величеству и поблагодарили за посланные еду и питье, Его Царское Величество велел канцлеру спросить прежним образом об их здоровье.

Наконец канцлер начал говорить от имени Его Царского Величества: «Послы Его Императорского Величества, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович и прочая, как приведено выше, велел сказать вам: вы были на приеме у нас, великого государя, и передали нам, великому государю, Нашему Царскому Величеству, письмо нашего брата, великого государя Фердинанда III, Божьей милостью Римского императора, и мы, великий государь, Наше Царское Величество, приняли от вас письмо нашего брата, великого государя, Его Императорского Величества, приказали перевести таковое и дружески выслушали. В своем же письме к нам, великому государю, пишет наш брат, великий государь, Его Императорское Величество, о Нашем Царском Величестве, что он, ваш великий государь, Его Императорское Величество, отправил вас, своих советников, в посольство к нам, великому государю, Нашему Царскому Величеству, ради дел обоих наших государств и чтобы мы, великий государь, Наше Царское Величество, полностью верили всему, что вы сообщите нам, великому государю, Нашему Величеству. Посему мы, великий государь, Наше Царское Величество, приказали собраться для переговоров и выслушать эти дела Нашего Царского Величества боярам и советникам, ближнему боярину и наместнику¹⁷⁶ казанскому князю Алексею Никитичу Трубецкому и прочим».

¹⁷² По вдовствующей королеве Марии Элеоноре, которая скончалась в марте 1655 г.

¹⁷³ Русские и шведские источники датируют первые переговоры шведских послов с русскими боярами 23 декабря. См.: Дневник Андерса Траны... С. 57; Кобзарева Е.Н. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 гг. М.: ИРИ РАН, 1998. С. 84.

¹⁷⁴ Имеется в виду соглашение, достигнутое шведским посольством в Москву 1647 г.

¹⁷⁵ Другие источники указывают в качестве даты второго приема императорских послов и начала их переговоров с боярами 17 декабря. См.: ПДС. Т. 3. Стб. 379–396; Гундулич Ф. Путешествие из Вены в Москву... С. 151–152. Царский прием шведских послов, упомянутый в «Дневнике», действительно состоялся 29 декабря. См.: Дневник Андерса Траны... С. 57. Автор «Дневника» ничего не говорит о дальнейших переговорах Аллегретти и Лорбаха с русскими боярами, хотя известно, что Боуш переводил 11 января 1656 г. один из «листов», поданных императорскими послами. См.: ПДС. Т. 3. Стб. 419.

¹⁷⁶ Здесь и далее автор «Дневника» передает термином *Stadthalter* русское «наместник» – почетный титул, дававшийся русским послам, но не означавший реальных полномочий по управлению соответствующими городами и землями.

После этого они отправились в комнату для переговоров и сели за стол вместе с господами переговорщиками. Они желали, однако, перемирия с Польской короной и устранения и искоренения возникших недоразумений.

30 декабря прибыл польский посланник Павел Роля¹⁷⁷, посланный литовскими сословиями с тем, чтобы выразить Его Царскому Величеству их покорность и подданство, каковые приняли с большим удовольствием. Им пожаловали охранную грамоту в том, что все, доверившиеся покровительству Его Царского Величества, сохранили свою собственность и защиту от нападения москвитов.

---

¹⁷⁷ Согласно русским источникам, царь принял Ролю в Кремле уже 25 декабря 1655 г. См.: *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М.: Индрик, 2010. С. 41.

Дополнение к 1655 году

Еще прошлой осенью поляки собрали большое войско, состоявшее из всяческих народов, с которым генерал Великого княжества Литовского Радзивилл и фельдмаршал Гонсевский подступили под Могилев и осадили эту крепость, граждане и жители которой, начиная со времен казацкого мятежа, никогда не хранили верность и преданность Польской короне¹⁷⁸, но всяческим образом искали покровительства врагов и, наконец, совершенно без всякой причины и принуждения предалися московитам. После нескольких неудачных приступов, не в силах справиться с доброй и осторожной подготовкой, которую учинили в крепости, поляки, опасаясь подмоги из Москвы, отошли, не исполнив дела, хотя и потеряли многих людей во время приступов, большей же частью из-за жестоких морозов.

Весной Его Царское Величество со всей свитой и могучим войском пришел от Москвы в Смоленск, а оттуда направился через Шклов в Литву в направлении Борисова, который поляки покинули разоренным, оставив переправу без охраны и открыв дорогу приближающемуся врагу. Оттуда, обеспечив крепость добрым гарнизоном, он отправился к Минску, который после незначительных стычек был оставлен поляками и сдался в руки врага под началом окольного и генерал-цейхмейстера Богдана Матвеевича Хитрово¹⁷⁹, руководившего передовым отрядом. Заняв и этот город, Его Царское Величество направился в Сморгонь, а оттуда в полном боевом порядке со всем своим войском подошел к столице Литвы, Вильне. Генерал Радзивилл и Гонсевский, видя, что враг прибыл со столь мужественной решимостью, сперва оставили свой лагерь Немеж в двух милях от Вильны, а затем отступили со своими войсками в город, но в конце концов из-за недостатка храбрости оставили и его на разграбление приближавшемуся сильному неприятелю. Казацкий полковник Иван Золотаренков со своими казаками не желали ожидать московитское войско, которое, еще не доверяя врагу, готовилось двигаться несколько осторожнее. Итак, казаки со всем своим отребьем ворвались первыми в эту прославленную столицу, которую они нашли совершенно покинутой людьми, но полной всевозможными запасами. За ними следовали некоторые полки московитов, а Его Царское Величество расположился главным лагерем на холмах перед городом. Оставшиеся поляки из числа простолюдинов, застигнутые в городе врасплох, бежали в беспорядке по мосту через реку Вилия, так что враг вырезал их самым прискорбным образом. Хотя генерал Радзивилл, отступивший до того, разместил несколько рот с орудиями на холмах над мостом, намереваясь защитить переправу и помочь оставшимся полякам, это небольшое сопротивление не возымело действия из-за численности неприятеля, поскольку вся литовская армия уже отступила прежде, чем враг смог ее увидеть. Вскоре и эти немногие оставили переправу и почли за лучшее спасти собственные жизни, так что великолепный город, известный во всем свете, совершенно разграбили и подвергли разбою, вырезав или уведя всех найденных в нем живыми в качестве пленников в вечное рабство, предали огню роскошные городские здания и полностью razорили город, оставив лишь гарнизон в королевском замке. Его Царское Величество, отдохнув немного от утомительного похода, направился вновь в главную армию и вернулся с ней по уже пройденному пути в Белоруссию, оставив генералам и наместникам подготовленные армии, с тем чтобы привести под его власть остальную Литву и надзирать над завоеванными городами и оставшимися в живых поляками. Итак, московиты и казаки razорили и разграбили все Великое княжество Литовское, вырезав многие тысячи невинных людей и уведя прочих в вечное рабство. Московиты взяли Ковно, Лиду, Гродно, Новогрудок и все замки

---

¹⁷⁸ Имеются в виду сношения могилевской шляхты с запорожскими казаками в 1653–1654 гг.

¹⁷⁹ Автор «Дневника» называет Хитрово генерал-цейхмейстером, вероятно, вследствие его руководства Оружейной палатой.

и крепости и осадили Брест, Ляховичи, Слуцк и Несвиж, которые закрыли ворота и до сих пор не сдавались врагу, равно как и Быхов на Днепре. Генерал Радзивилл же, оставив врагу столичный город Вильну и все Великое княжество Литовское, отошел со своими войсками в Жемайтию и отдался поначалу под шведское покровительство на определенных условиях, которые он утвердил с графом Магнусом Делагарди и господином Бенгтом Шютте. Также и фельдмаршала Гонсевского он передал в шведские руки. Видя это, все в армии искали выхода и спасения собственной жизни в бегстве, частью отдавшись под шведскую власть, частью бежав к москвитам. Лишь немногие желали подчиниться властям страны, которых нигде не могли найти, и не занимали ничьей стороны, пока генеральство Великого княжества Литовского не перешло виленскому палатину господину Павлу Сапеге.

Король Швеции Карл Густав вторгся с превосходно вооруженной армией в Пруссию. Когда он подчинил себе курфюрста Бранденбурга, ему отдалась также войска Польской короны, называемые кварцяными¹⁸⁰. Они разорили свое отечество – Польшу, а также Пруссию самым жестоким образом и открыли шведам свободный путь и добрые квартиры. Укрепленные города в Польше и Пруссии, а именно Эльбинг, Торунь, Великая Познань, Варшава и Краков, сдавались врагу без всякого сопротивления. Все сенаторы и советники Польской короны также искали покровительства у Его Величества короля Швеции, который хотя и принимал их охотно, но весьма мало или вовсе не доверял им. Его Величество же, король Польши Ян Казимир, покинутый всеми своими приближенными, принужден был из-за нестроения в государстве, где его преследовали и враги, и друзья, бежать с совсем небольшим отрядом и немногими дворянами через границу в Силезию, в свое графство Оппельн¹⁸¹, оставив всю Польшу, Пруссию и Жемайтию Шведу, Литву и Белоруссию – Московиту, а Малороссию, Волынь, Подолию и всю Украину – своим восставшим подданным, казакам. Его Величество, царь Московский, отбыв из Литвы, предоставил своему боярину и воеводе князю Семену Андреевичу Урусову с новгородскими и псковскими войсками численностью около тридцати тысяч человек¹⁸² занять и привести в подчинение Его Царскому Величеству все прочее. Тот, завоевав многие города, прибыл, наконец, под Брест в Литве и, обнаружив некоторое сопротивление со стороны литовцев, которые присоединились к Сапеге, ставшему генералом вместо князя Радзивилла¹⁸³, вынужден был после нескольких схваток отступить. Гетман Сапега преследовал Урусова со своим войском, вынудив его наконец остановиться и отчаянно сражаться перед лицом польской горячности, но был разбит под Верховичами, так что многие искусные и храбрые польские всадники из-за своей чрезмерной горячности обагрили поле битвы своей кровью. Генерал московитов Урусов, однако, отступил после этой победы к своим границам, не доверяя судьбе, отвернувшейся от поляков. Он снабдил все завоеванные в Литве города добрыми комендантами и сильными гарнизонами московитов и оставил после себя добрый и надежный надзор.

Шведский генерал-лейтенант граф Магнус Делагарди и военный комиссар господин Бенгт Шютте, подчинив все княжество Жемайтское шведской власти и связав дворянство клятвами, ни в малейшей степени не доверяли полякам, а определили во все города шведских офицеров и солдат, каковым господам поляки принуждены были повиноваться. Гетман Радзивилл, заметив этот обман или меры предосторожности, противоречившие его намерениям, поскольку шведы не только не соблюли договор и не назначили его главнокомандую-

---

¹⁸⁰ Кварцяное войско (*wojsko kwarciane*) – постоянные части армии Польского королевства.

¹⁸¹ В действительности Оппельн (Ополе) имел статус герцогства и принадлежал австрийским Габсбургам.

¹⁸² Современные историки оценивают силы Урусова не более чем в 7000 человек. См.: *Кирбатов О.А.* Русско-польская война... С. 75.

¹⁸³ В действительности на момент столкновения под Брестом (13 ноября 1655 г.) и битвы при Верховичах (17 ноября 1655 г.) гетманская булава еще принадлежала князю Янушу Радзивиллу. Лишь после смерти последнего король предложил в марте 1656 г. место гетмана Павлу Яну Сапеге.

щим, но и совершенно отняли у него командование и подчинили его полки шведским офицерам, его же офицеров сократили, впал в меланхолию и умер в конце концов в Тыкоцине, как о том сообщают, позорной смертью. Фельдмаршала же Гонсевского шведы удерживали в плену в Кёнигсберге.

Третья армия московитов под началом боярина дворового маршала и воеводы Василия Васильевича Бутурлина, действуя вместе с запорожскими казаками, razорила все местности в областях Подолия, Волынь, Малороссия и Подгорье¹⁸⁴. Они разрушили все, что попало им на пути, завоевали многие города и замки, разграбили, а после предали огню Люблин, взяли пленными многих знатных людей и привели несчетное число рабов в Москву, среди них – Петра Потоцкого, воеводича брацлавского, одного из рода Калиновских и многих прочих виднейших людей. Татарский хан, хотя и выказывал желание помочь полякам со всем своим войском, которое в продолжение всего лета действовало в полях Подолии, после первых стычек с московитами и казаками забрал с собой то, что ему причиталось в этой земле, и вернулся к осени со своей стаей нехристей в свою страну, оставив генерала Потоцкого с совсем небольшими силами в поле и вынудив его спастись от множества казаков и московитов отступлением в крепости. Наибольший же ущерб поляки испытали в этом году от собственных подданных, которые часто без малейшего принуждения сдавались и перебегали на сторону врага. Ведь воистину ни один из врагов не смог бы продвинуться столь далеко, если бы собственные члены государства не разодрали внутренности своего отечества, открыв врагу ворота страны и дорогу в нее и изгнав немногих верных подданных или принеся их в жертву появившимся врагам. Московитской стороне сдались многие пустые и бесчестные люди, как, например, Масальский, воеводич брестский, который, присягнув московитам, собрал отовсюду безбожный сброд и с ними разорял, грабил и жег то тут, то там в Литве, и, наконец, завоевал с помощью московитов Тыкоцин и отправил в Москву в качестве великого подарка знамена, сабли и рабов, а также украшения, найденные им на теле умершего генерала Радзивилла. Так же поступал и Кароль Лисовский со своими безбожными сообщниками – Менжинским, Рудоминой, Сухтицким, отчаянным мерзавцем Слонским и многими другими. Ведь поляки, ставшие главным образом в Москву из завоеванных и незавоеванных мест, презрели собственный народ и поклялись Его Царскому Величеству верно служить против своей страны и государя, будучи пожалованы за это высокими чинами и великими дарами. Они были так этим ослеплены, что не было достаточного средства удержать их от пролития крови своих братьев и разорения своего безвинного отечества. За плату, приличествующую мерзавцам, и ради того, чтобы угодить московитам, они совершили больше жестокостей и nepотребств, чем обыкновенно творят татары и язычники, надругались над честными женщинами и девушками, до смерти мучили и пытали всех, кто попадал в их руки, и не выказывали сострадания даже единоутробным братьям. Они причинили своему отечеству и своей родной стране такой ущерб, что возбудили в конце концов подозрения у народа московитов и по справедливому Божьему суду, который ни один поступок не оставляет без наказания, сами испытали много горестей, потеряв женщин и детей, добро и имущество. Часть из них, опротивев московитам, бежали в Польшу, покинув жен и детей в нужде, и в конце концов нашли заслуженное наказание под польской саблей или на московитской виселице. Многие обманулись в своих ожиданиях и были преданы мучительной смерти с женами и детьми. Счастливейшие из них окончили свои безбожные жизни в острогах московитов или польских темницах, отдав Богу свои бесчестные души.

В этом году в Казани, Астрахани, Нижнем Новгороде и многих других городах Московии свирепствовала чума, от которой умерли и многие польские пленники. Также в этом государстве из-за войны начала портиться прославленная серебряная монета, а потому ввели различ-

---

¹⁸⁴ Имеется в виду Прикарпатье.

ные медные монеты, а именно большой медный талер, стоивший шесть польских флоринов или один рубль, и другую, стоившую примерно в половину меньше. Также чеканили алтыны и гроши, а на немецкие рейхсталеры, по-прежнему стоившие в этой стране лишь пятьдесят копеек серебром, ставили штампы Его Царского Величества и выдавали ими из казны плату приказным людям, считая их по 64 копейки, другие же разрезали на четыре части и каждую часть выдавали из казны, считая по 25 копеек. Все эти монеты совершенно не имели хождения среди простого люда. В казну же их неохотно принимали по прежней цене, а, напротив, покупали у приказных людей за меньшую плату. Управляющие Его Царского Величества полагали это выгодным, но наверняка старались лишь наполнить свой собственный кошелек и обобрать простой люд.

1656 год

16 марта в Москву прибыл посланник польского короля Петр Галинский, маршалок оршанский¹⁸⁵, и поселился в доме немецкого купца Германна фон Тройена на Поганом пруду¹⁸⁶.

25 марта на улице против их двора один из слуг посланника зарубил саблей одного москвитя, срадившего из высокомерия польский народ, который они в нынешнее время совершенно презирают. 28 марта по приказу Его Царского Величества ему отрубили голову топором на том же месте, где он зарубил москвитя.

29 марта отрубили голову топором одному мальчику восьми лет, сыну дворянина Ивана Елакина, по той причине, что он, играя с другими мальчиками на улице города, где его отец был воеводой, сказался между ними царевичем. Его отца и мать замучили до смерти лишь из подозрения, не приказали ли они или не научили его таким словам¹⁸⁷.

10 апреля был на переговорах польский посланник Галинский. Он сообщил о склонности и стремлении своего короля и государя, Его Величества короля Польского, к миру. Ему немедленно сообщили, что Его Царское Величество склонен к заключению мира с королем и Польской короной и к прекращению кровопролития, причиной и поводом к которому была несправедливость поляков. Чтобы засвидетельствовать добрую волю Его Царского Величества, ему передали шестьдесят польских пленных.

4 мая императорские послы господин Аллегретто де Аллегретти и господин Иоганн Дитрих фон Лорбах были у стола Его Царского Величества вверху, в четырехугольной палате¹⁸⁸. В тот же день они должны были прощаться, но, будучи в приподнятом настроении и предчувствуя счастливый успех своих намерений, они несколько переусердствовали с напитками, и их отъезд отложили¹⁸⁹.

7 мая господа императорские послы в последний раз были на приеме у Его Царского Величества и отбыли полностью удовлетворенными. Их посредничество приняли с подобающим уважением и совершенной дружбой, постановив устроить в Вильне съезд для переговоров о мире с Польской короной. Господам императорским послам как посредникам надлежит, как только они получают через отправленного в Вену Николу Винченти¹⁹⁰, одного из своих дворян, полномочия от Его Императорского Величества, явиться на съезде в Вильне и способствовать заключению мира.

---

¹⁸⁵ Согласно русским источникам, Галинский прибыл в Москву 4 апреля, что образует, возможно, самую большую хронологическую ошибку в «Дневнике». См.: *Иванов Д.И.* Восточная Европа во внешней политике России середины XVII века (Русско-польские переговоры 1656 года): дис.... к.и.н. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000. С. 30.

¹⁸⁶ Ныне – Чистые пруды.

¹⁸⁷ Вероятно, автор «Дневника» пересказывает слухи, циркулировавшие в Москве, в том числе среди иноземцев. Ср.: *Дневник Андерса Трани...* С. 67: «20 марта судили двенадцатилетнего сына воеводы лишь по той ничтожной причине, что он, играя с сыном другого именитого боярина, назвал себя царевичем или Великим Князем и хотел, чтобы другой ему поклонился. Все это была игра, но ему пришлось поплатиться жизнью». В русских источниках, однако, упоминание об этом эпизоде найти не удалось, и достоверность сообщения «Дневника» представляется сомнительной. В XVII в. известны случаи «игры в царя», в том числе среди детей или подростков, но ни один из них не приводил, насколько можно судить, к столь жестоким наказаниям. См.: *Полосин И.И.* Игра в царя (отголоски Смуты в московском быту XVII в.) // *Известия Тверского педагогического университета.* 1926. Вып. 1. С. 59–63; *Лукин П.В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука, 2000. С. 163–168.

¹⁸⁸ Имеется в виду Грановитая палата.

¹⁸⁹ О сильном опьянении императорских послов на этом приеме, датируя его 4/14 мая 1656 г., сообщает и Франо Гундулич. См.: *Гундулич Ф.* Путешествие из Вены в Москву... С. 155–157.

¹⁹⁰ Имеется в виду прапорщик Николай Минчетич (Николло Минчетти), отправившийся в Вену в конце января 1656 г. вместе с царским посланником, дьяком Григорием Богдановым.

11 мая господа императорские послы выехали из Москвы, держа свой путь на Новгород, чтобы встретиться с гонцом, отправленным ко двору Римского императора, поскольку ему приказали следовать этой дорогой.

14 мая шведским послам, государственному советнику господину Густаву Бьельке и его товарищам, объявили о заключении под стражу¹⁹¹ их приставы Василий Волинский и дьяк Дмитрий Шубин, поскольку Его Царское Величество решился не терпеть более великие несправедливости со стороны короля и вероломного Шведского королевства, а одолеть их войной и силой оружия Его Царского Величества. У них и всех их людей отобрали оружие и уменьшили данное им прежде содержание. Хотя эти достойные господа и намеревались дать ответ, призвав право народов в доказательство своей невиновности, их слова, сколь бы справедливы они ни были, ничего не стоили. Напротив, их, не говоря ни слова, посадили под усиленную стражу и лишили всех свобод.

15 мая Его Царское Величество со всеми войсками, советниками и дворянами отправился из Москвы в Смоленск, чтобы оттуда двинуться в Витебск, Полоцк и далее вниз по Двине на Ригу.

30 июня Его Царское Величество со всеми своими войсками отправился из Витебска и разбил свой лагерь под Дорокупово, где отдыхал 1 июля.

[2 июля] Его Царское Величество со своей армией отправился в путь и стал лагерем под Мильковичами.

3 июля отправились в путь и разбили лагерь под Уллой, где отдыхали 4 июля. Была столь плохая погода, с молниями, громом и градом, что казалось, наступил конец неба и земли. Выпал град больше гусяного яйца, побив много людей и скота.

5 июля Его Царское Величество и вся главная армия прибыли в Полоцк. Его Царское Величество и знатнейшие бояре разместились в городе, пехота, не считая гвардии, в поле рядом с городом, а кавалерия рассеялась по деревням. Через Двину сделали наплавной мост.

6 июля прибыл дьяк Григорий Богданов¹⁹², отправленный в Вену с письмом к Его Императорскому Величеству, и привез письмо, в котором Его Императорское Величество назначал и приказывал послам Его Императорского Величества, господину Аллегретто Аллегретти и господину Иоганну Дитрих фон Лорбаху, быть посредниками на Виленском съезде и способствовать миру.

9 июля прибыл стольник Назарий Алфимов, посланный к Его Величеству королю Швеции, с письмом от шведского короля, которым тот надеялся укрепить прежнюю дружбу, не замечая недоброжелательства со стороны Москвы.

10 июля царь тайно, в присутствии лишь четырех бояр или государственных советников, принял господ императорских послов, которые вернулись в Полоцк после встречи гонца с письмом императора, приказывавшим им отправляться на съезд в Вильну¹⁹³.

13 июля Его Царское Величество пожаловал целовать свою руку в соборе Святой Софии комиссарам или великим послам¹⁹⁴, отправленным на съезд в Вильне, а также приказным

---

¹⁹¹ Шведские источники указывают в качестве даты ареста послов 15 мая, день отъезда царя в Смоленск. См.: Дневник Андерса Траны... С. 75; *Dahlgren S. Philip Crusius von Krusenstiern in the Swedish Embassy to Russia, 1655–1658 // Die baltischen Länder und der Norden. Festschrift für Helmut Piirimäe zum 75. Geburtstag / Hrsg. von L. Mati, K. Enn. Tartu: Akadeemiline Ajalooselts, 2005. S. 172–193 (здесь – S. 182).*

¹⁹² Вероятно, автор «Дневника» имеет в виду приезд Богданова в Смоленск, а не вообще к царскому двору, поскольку к Алексею Михайловичу посланник прибыл еще 20 мая 1656 г. в Вязьму. См.: *Бантиш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 1–4. М.: Комис. печатания гос. грамот и договоров, 1894–1902. Ч. 2. М., 1896. С. 20.*

¹⁹³ Именно к этим тайным переговорам императорских послов с царем в присутствии бояр Бориса Ивановича Морозова, Ильи Даниловича Милославского и Федора Михайловича Ртищева относится уничижительное упоминание о Боуше в кн.: *Гундулич Ф. Путешествие из Вены в Москву... С. 160.*

¹⁹⁴ Здесь и далее автор «Дневника» использует по отношению к русским представителям на посольских съездах термин «комиссары» (*Commissarien*), в то время как статейные списки и следующая за ними русская историографическая традиция именуют русских дипломатов «послами», оставляя термин «комиссары» для формально равных им по рангу польских и швед-

людям и их свите. Господами комиссарами были следующие: ближний боярин и наместник астраханский князь Никита Иванович Одоевский и его сын, боярин и наместник псковский князь Федор Никитич Одоевский, окольный и наместник ярославский князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский, дьяк Герасим Семенов сын Дохтуров и дьяк Ефим Родионов сын Юрьев, переводчики Кристоф Боуш и Григорий Колчицкий, два секретаря, Михайло Постников и Иван Астахов, и пять приказных людей. Исключая приказных служащих, господ комиссаров сопровождали восемь рот дворян, стольников и стрельцов Его Царского Величества, а также конный полк полковника Ганса Георга фон Штробеля и полк стрельцов под началом полковника Василия Философова.

14 июля боярин и воевода новгородский князь Яков Куденетович Черкасский, командовавший передовым отрядом, выступил со своими войсками из Полоцка.

15 июля Его Царское Величество со своими государственными советниками и всеми войсками также отправился из Полоцка в Дисну.

16 июля господа комиссары выступили из Полоцка в Вильну и, пройдя две мили, стали лагерем на реке Ушаче. 17 июля оставались весь день на том же месте, поскольку второй из наших комиссаров, князь Федор Никитич Одоевский, охваченный внезапной болезнью, был совсем слаб и плох. На то же место прибыли и господа императорские послы, присоединившись к нам.

18 числа, несмотря на то что молодому Одоевскому становилось все хуже, мы принуждены были отправиться, пройдя три мили до Начи, и двигались бы дальше, если бы больной комиссар Одоевский не начал испускать дух в карете. Он скончался сразу же после того, как его вынесли из кареты и положили в шатре. Это было знаком великого послушания, которое этот народ оказывает своей власти, поскольку вышеназванный боярин князь Никита Иванович Одоевский был главой посольства и третьим человеком в государстве, господином из весьма древнего и знатного рода, преисполненным достоинства. Этот умерший господин, его сын двадцати пяти лет, пользовался равным с отцом уважением и был государственным советником. Несмотря на его слабость, бывшую причиной многих слез, отец не пожелал терять ни часа времени из-за его нездоровья, чтобы ничем не нарушить царский приказ, требовавший прибыть в Вильну как можно скорее. Ведь этот господин определенно мог бы прожить дольше, если бы его хоть немного щадили во время этой болезни. Но отец ни в коем случае не позволил бы этого, поскольку почитал подобное противным царскому распоряжению. Господа посредники весьма дивились этому поступку, увещевая и прося отца щадить сына в его болезни и хотя бы один день не двигаться с места. Он же никак не позволял этого сделать, отвечая, что предпочитает потерять сына, хотя он и любил его всем сердцем, нежели дурно выполнить приказ своего государя.

19 июля тело умершего боярина князя Федора Никитича Одоевского отправили в Москву с великими стенаниями старого господина отца, который в течение двух лет потерял трех взрослых сыновей и остался теперь лишь с одним единственным¹⁹⁵. Старик-отец сопровождал его пешим на протяжении четверти мили и весьма горько плакал.

20 июля, после того как Его Царскому Величеству было отправлено известие о смерти молодого Одоевского с прошением о назначении комиссара на его место¹⁹⁶, мы выступили от Начи и остановились на ночь на Плиссе. Туда прибыл польский дворянин по имени Юшкевич и советовал московитским господам комиссарам на нынешнем съезде особенно напирать на выборы, поскольку он знал на верное, что поляки решились после смерти нынешнего

ских представителей.

¹⁹⁵ Имеются в виду, помимо князя Федора Никитича Одоевского, князя Михаил Никитич Одоевский (ум. 1652), Алексей Никитич Одоевский (ум. 1655) и Яков Никитич Одоевский (ум. 1697).

¹⁹⁶ Согласно русскому статейному списку, известие о смерти Федора Никитича Одоевского было отправлено в тот же день, 18 июля 1656 г. См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 88. Л. 6 об.

короля Яна Казимира, который уже совсем стар, выбрать ему в наследники Польской короны или царевича¹⁹⁷, или даже Его Царское Величество. По этому случаю тотчас отправили нарочного к Его Царскому Величеству, чтобы получить приказ на такой случай.

21 июля остановились под Глубоким. 22-го отдыхали там. 24 июля остановились под Дуниловичами, 25-го на дворе Петровича, 25 июля под городком Башна, 26 июля у переправы на Вилии, 27 июля переправились через Вилию и остановились в Михайловском.

28 июля были в слободе Абрамовича, 29-го под Вильной.

30 июля прибыли в Вильну с большим праздником и торжеством при ликовании простого люда и заняли дворы на улице Субоч и у Острабрумы, поскольку дома в тех местах еще уцелели¹⁹⁸.

31 июля в Вильну прибыли с письмами от польских господ комиссаров два дворянина, Матеуш Закревский и Ян Пузына, сообщая, что господа поляки стоят недалеко от Вильны и ждут лишь, чтобы эти господа их посланники обговорили и удостоверили их безопасность и право свободного и беспрепятственного въезда и выезда.

4 августа польские господа комиссары прибыли в Вильну. Поскольку, однако, городом владели москвиты, то они, по милости последних, принуждены были разместиться как гости в двух милях от города по дороге на Ошмяны, хотя это им и не понравилось, в деревне под названием Немеж и на этот раз довольствовались там комнатами, топленными по-черному. Польскими комиссарами были следующие господа: глава посольства, или первый среди них, светлейший высокородный господин Иоганн Казимир на Красном Красинский, воевода плацкый и ложминский, губернатор праснышский; светлейший высокородный господин Кшиштоф на Бакштах Завиша, маршалок Великого княжества Литовского, губернатор минский и брацлавский; достопочтенный господин Ян Даугялло Завиша, названный епископ Виленский¹⁹⁹; высокородный господин Киприан Павел Бжостовский, референдарий Великого княжества Литовского; высокородный господин Станислав Сарбиевский, губернатор грабовецкий, и т. д. Их сопровождение было весьма дурно и не соответствовало былому польскому обычаю, так что упадок их государства можно было ощутить и по их малочисленной свите.

9 августа на место умершего Одоевского прибыл в качестве комиссара от Его Царского Величества окольничий Василий Александрович Чоглоков²⁰⁰ и остался третьим по старшинству. Лобанов-Ростовский же получил повышение на второе место взамен князя Федора Одоевского.

10 августа уполномоченные для этого обеими сторонами дворяне утвердили положение о безопасности. С нашей стороны присягали дворянин Денис Дорофеев сын Астафьев и секретарь Иван Астахов, с польской стороны – два дворянина, Матеуш Закревский и Ян Пузына. Обе стороны принесли клятву в Вильне в посольском приказе²⁰¹ в присутствии секретаря Михайлы Постникова, а выслушали ее от наших – московитский поп, с польской же стороны – монах-доминиканец. Место встречи комиссаров обеих сторон было назначено в предместьях города за Острабрумой, между лесопилкой и Немежем, на равном удалении для комиссаров обеих сторон. Условились, однако, что съезд будет происходить в шатрах Его Царского Величества, которые следовало установить для этого.

12 августа господа комиссары с обеих сторон и послы Римского императора в качестве посредников встретились впервые на определенном для переговоров месте. Поляки при-

¹⁹⁷ Алексея Алексеевича.

¹⁹⁸ «Дневник» не упоминает о приезде в тот же день первого гонца от польских комиссаров, привезшего письма русским комиссарам и императорским послам, которые переводил Боуш. См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 88. Л. 14–21 об.

¹⁹⁹ Эпитет «названный» (*nominatus*) означает, что, будучи избранным на епископскую кафедру, Даугялло Завиша еще ожидал папского благословения, для того чтобы занять ее.

²⁰⁰ Русский статейный список датирует приезд Чоглокова в Вильну 7 августа. См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 88. Л. 73.

²⁰¹ В русском статейном списке использовано выражение «съезжий двор». См., например: Там же. Л. 91.

ветствовали московитов довольно долгой и исполненной жалоб речью, которую наши встретили частью молчанием, частью неуместными замечаниями. После немногих поклонов уселись по обе стороны стола. Господа посредники сели каждый на одном из краев между договаривающимися сторонами и весьма долго говорили, подчеркивая важность нынешнего собрания и достоинство Его Императорского Величества, который, радея о мире и согласии между всеми христианами, пожелал по доброй воле, без какой бы то ни было просьбы или жалобы, выступить посредником между обоими этими государями. Затем обе стороны вместе с господами посредниками и с их согласия единодушно согласились встретиться 14 августа. Тогда обоим сторонам следовало предоставить свои полномочия и во имя Божье перейти к делу. С этим они расстались в этот раз, полностью удовлетворенные.

14 августа в соответствии с уговором господа комиссары с обеих сторон и господа посредники явились на прежнее место и расселись в шатре. Господа посредники первыми представили свои верительные грамоты, данные им Его Величеством императором Римским для присутствия при заключении этого мирного договора, и раздали обоим сторонам списки таковых грамот, заверенные своими подписями и печатями. Затем обе стороны обменялись своими полномочиями. После же того как обе стороны признали таковые грамоты действительными и каждый удостоверил и подчеркнул добрые намерения своего государя заключить мир и прекратить дальнейшее кровопролитие, с согласия господ посредников было решено приступить к работе и начать дело 16 августа. На том обе стороны расстались добрыми друзьями.

16 августа каждый явился на свое место в соответствии с прежней договоренностью. После короткого обмена любезностями между господами комиссарами с обеих сторон возник великий спор о причинах войны. Господа московиты полагали, что их сторона действовала совершенно справедливо и начала войну против Польской короны по существенным причинам и вследствие невыносимой более несправедливости, совершенной Польской короной и королем. На это господа поляки возразили, что сторона московитов сама разорвала скрепленные клятвой договоры, нарушила вечный мир²⁰² и без всякого объявления причин начала это жестокое кровопролитие и не подобающую христианам войну против Польской короны лишь затем, чтобы поддержать ее подданных в их мятеже и подчинить себе страну и людей во время нынешнего смятения и внутренней распри. Коротко говоря, каждый оправдывался и защищал свою сторону, как только возможно. Господа же посредники исполняли свои обязанности и побуждали обе стороны к кротости, напоминая, что одни не должны взывать к Божьему отмщению, другим же не следует слишком доверять своему счастью. Таким образом они уладили грозившее разладом несогласие, так что следующую встречу назначили на 18 августа и порешили не касаться в дальнейшем причин войны, ведомых одному Богу.

18 августа господа комиссары с обеих сторон и господа посредники явились вновь на определенное для переговоров место. Однако после обмена немногими доброжелательными речами еще пуще разгорелся начатый при прошлой встрече спор о причинах войны, который обе стороны договорились впредь не поднимать. Комиссары с обеих сторон весьма распалились, и, поскольку никто не хотел уступать, господа московиты представили многие грамоты и печатные книги, в которых трактовались определенные и бесспорные причины войны. Господа поляки же в ответ предложили им свои книги. Господам посредникам не оставалось в этот раз ничего другого, кроме как предоставить распалившиеся стороны самим себе. Таким образом споры и несогласия длились столь долго, что лишь наступающая ночь рассудила обе стороны, которые уговорились, побуждаемые господами посредниками, встретиться вновь 20 августа и расстались друг с другом с некоторой горечью.

20 августа переговоры состоялись в пятый раз. Никто не хотел оставить спор о причинах войны. Господа посредники исполнили свои обязанности наилучшим образом, предложив

---

²⁰² Имеется в виду Поляновский мир 1634 г.

свою помощь. Хотя и не сумев удовлетворить в этом случае ту или иную сторону, они с благосклонностью принимали жалобы и возражения, не высказывая ни в чем своего суждения и пристрастия, чтобы чем скорее, тем лучше завершить этот бесполезный спор, и призывали перейти к делу в добром согласии. Это намерение возбудило, однако, лишь неудовольствие у господ московитов, которые совершенно уверились, что польской стороне оказываются большее предпочтение и благосклонность. Вследствие этого господа посредники не пытались в конце концов посредничать между двумя сторонами, а лишь просили оставить опасные помехи к этому доброму начинанию и призывали перейти к делу в добром расположении духа. Обе стороны не могли отказаться от этого предложения, но никто не хотел признавать свое поражение и первым отступить от этого предмета. Вследствие этого и эти переговоры завершились ничем, а следующую встречу назначили на 22 августа.

22 августа господа комиссары с обеих сторон явились на обычном месте для переговоров, в шатре. Господа московиты еще раз повторили начатые до того рассуждения о справедливых с их стороны причинах войны. Господа поляки, принимая во внимание опасности, связанные с этим спором, по побуждению господ посредников не желали вступать в пространные речи. Признавая Божью кару, они свидетельствовали, что явились сюда не для того, чтобы спорить с господами московитскими комиссарами и доискиваться до причин войны, каковыми, без сомнения, были их собственные грехи, но намерены оставить упомянутые споры и вернуть своему государству благородный мир. Закончили они тем, что господа московиты могут удовлетвориться этим и перейти к делу. Наши же не желали понять и представить себе, что те оставили это дело без решения, и сильно подозревали, что поляки также хотят обратить спор о причинах в свою пользу и потребовать себе всё несправедливо завоеванное. Посему они после долгого промедления и повторения прежних суждений были вынуждены, поскольку поляки не давали им возможности продолжить спор, перейти к делу и дать ответ, учредили ли они этот съезд лишь затем, чтобы оправдать себя в этой войне, или же чтобы устранить возникшие распри и вернуть благородный мир. На это они отвечали, что, поскольку начало этой войны с их стороны было оправданным и справедливым, Его Царское Величество, их великий государь, послал и уполномочил их заключить мир, как это подобает христианам, а не возобновлять и оживлять дальнейшие распри, и что долгое продолжение распрей возникло только и единственно из несдержанности поляков, которые стремились оправдаться в своей несправедливости. Господа поляки отвечали, что все права принадлежат победителям, они же намерены поручить это справедливому Богу и не стремятся ни к чему иному, как к миру и единству. Надлежало выяснить, желают ли наши удовлетвориться этим их намерением. Засим обе стороны постановили оставить все эти предметы и перейти к предложениям на следующей встрече, назначенной на 25 августа.

25 августа, после того как обе стороны долго пререкались, кто первым сделает предложение и выскажет свое намерение, наши, то есть сторона московитов, побуждаемые господами посредниками, должны были первыми открыть свои намерения. Господа поляки, которым таковые показались весьма тяжелыми, не удостоили эти суждения ответом по причине их несправедливости. После того, однако, как выяснились явные противоречия во мнениях обеих сторон и обнародованные условия явились очевидно чрезмерными, переговоры из-за многих ненужных разногласий свелись к прежним спорам. Обе стороны воспламенились до того, что порывались разойтись в несогласии и свернуть шатры в великой ярости. Господа посредники старались их удержать со всем возможным тщанием. Наши, сохраняя веру в свою удачу и уже мало помышляя о деле, сели на коней и уехали в город, презрев все увещевания и уговоры господ посредников.

26 августа господа комиссары с обеих сторон несколько смягчили свой нрав благодаря серьезным и непрестанным усилиям господ посредников, которые просили и приглашали их встретиться вновь 27 августа.

27 августа обе стороны и господа посредники явились на обычном месте переговоров. Господа посредники в весьма красивой речи призвали обе стороны к добросердечию и кротости. Наши, однако, не считали разумным возобновлять прежние переговоры, поскольку их полномочия и наказ не позволяли им обсуждать ничего сверх озвученных условий. Поэтому они обратились к иным средствам и совершенно новому предмету, а именно к выборам, и пожелали, чтобы Его Царское Величество наследовал Его Величеству королю Польскому после его смерти и был тотчас же избран его наследником, изъявляя готовность в этом случае смягчить объявленные условия²⁰³. Хотя это новое предложение и не казалось господам полякам чрезмерным в их обстоятельствах и в нынешнем положении, они и слышать не желали о новых выборах при жизни правящего ими ныне государя, Его Королевского Величества Яна Казимира, не говоря уже о том, чтобы вести об этом переговоры. Ведь они не были намерены выбирать нового государя, но имели наказ от Его Королевского Величества и всей республики обеспечить своему государству мир. К тому же это дело относилось не к съезду, а к сейму, на котором все сословия республики, собравшись для свободного голосования, старались избрать короля и государя. Господа посредники также высказались против, поскольку были уполномочены своим всемилостивейшим императором и государем, Его Величеством императором Римским, не выбирать нового короля Польши, а лишь вернуть прежние спокойствие, единство, мир и дружбу как польскому государству, так и государству московитов. Поэтому им не подобает слышать о таком деле. Если же этот предмет будут обсуждать и в дальнейшем, то это станет для них поводом подняться, покинуть место встречи и прервать съезд. Несмотря на это, наши так напирали на это и не желали оставлять этого нового предложения, что господа поляки без согласия господ посредников положили поразмыслить об этом деле до завтрашнего дня.

28 августа господа комиссары с обеих сторон явились на назначенное место переговоров. Господа посредники же не пожелали присутствовать при этой встрече, поскольку на ней без их согласия намеревались заняться новым и необычным для съездов предметом, и остались на своих квартирах в Вильне. Господа поляки, удостоверив многими бумагами, что принять это новое предложение было бы не только совершенно противно их стародавним правам, вольностям и свободам, но и противоречило бы клятве, которую они принесли республике и Его Королевскому Величеству, их милостивейшему королю и государю, а именно что они не властны не только выбирать другого при его жизни, но даже помышлять об этом под страхом великого греха, довольно побуждали наших к скорому действию. Принимая во внимание, что, если отвергнут это предложение, не будет уже другого средства, дабы надеяться на мир, они постановили сообщить и дать знать об этом желании господ московитов Его Королевскому Величеству и республике и ожидать от них дальнейшего приказа и волеизъявления. Для этого следует ждать не менее семи недель, прежде чем они смогут получить какой-либо ответ. Поскольку наши полностью удовлетворились и согласились с этим их решением, господа комиссары растались на сей раз в добром взаимопонимании и договорились прервать съезд и ожидать, пока не вернется посланец, отправленный господами поляками к Его Королевскому Величеству.

29 августа наши отправили гонца к Его Величеству под Ригу²⁰⁴, чтобы доложить о ходе прошедших переговоров и бить челом о дальнейших указаниях, как продолжать это дело.

18 сентября отправленный посланец возвратился от Его Царского Величества из лагеря под Ригой. Он привез с собой бумаги, которые в достаточной мере удостоверили, что Его Царскому Величеству весьма понравились и пришлись по сердцу действия господ комиссаров, в особенности же предложение о выборах. Также господа комиссары получили приказ продолжать дело с величайшим тщанием и заверить поляков, что, согласившись с этим предло-

---

²⁰³ В действительности вопрос о выборах был впервые затронут вечером 16 августа и подробно обсуждался 18 августа и в течение следующей недели. См.: *Иванов Д.И.* Восточная Европа... С. 89–106.

²⁰⁴ С конца августа по начало октября 1656 г. Алексей Михайлович находился в армии под стенами Риги.

жением, они не только расширяют и улучшают свои стародавние права, вольности, привилегии и свободы, но что Его Царское Величество согласится даровать им все, чего бы они ни пожелали и ни попросили.

19 сентября наши отправили к полякам дворянина Дениса Астафьева, приглашая их явиться на завтрашний день на место переговоров и встретиться с нашими. Те же, побуждаемые к тому нашими, согласились и постановили встретиться, хотя их гонец еще не вернулся от короля и республики.

20 сентября господа комиссары с обеих сторон явились на прежнее место переговоров. По просьбе и настоянию наших вынуждены были явиться и господа посредники. В их присутствии наши, чтобы удостоверить добросердечие Его Царского Величества, сделали полякам много щедрых обещаний и посулов, согласившись удовлетворить и исполнить их надежды, если те будут готовы их поддержать и споспешествовать претворению в жизнь предыдущего предложения, касающегося наследования. Наши явственно указали на то, что все эти военные утеснения надлежит устранить, обратив очевидными благодеяниями к благотворной пользе. Господа поляки, однако, возражали, что прежде и до того, как возвратится от Его Королевского Величества посланный ими гонец, они не могут вступать в переговоры об этом деле, не подчиняясь распоряжению Его Королевского Величества и всей республики. Господа посредники вели себя весьма тихо, не произнося ни слова ни в одобрение, ни в осуждение, но предоставив сторонам действовать промеж себя, как те пожелают. Они лишь весьма часто повторяли, что, если это дело будет основано на обмане, то тот, кто обманет другого, станет затем его господином и хозяином. На них же после не стоит жаловаться, поскольку они достаточно предупреджали обе стороны, будучи с ними честны. Поскольку же господа поляки не желали ничем удовлетвориться, дальнейшие встречи отложили в соответствии с прошлой договоренностью до возвращения польского гонца.

2 октября²⁰⁵ господа московитские комиссары и приказные люди были в гостях у господ посредников. Им устроили столь изысканный и богатый прием, что даже наши удивлялись подобному обхождению в столь разоренной местности.

5 октября наши послали к полякам дворянина Дениса Евстафьева, чтобы обговорить, желают ли те встретиться с ними особливо, без ведома господ посредников, для обсуждения некоего весьма важного дела. Хотя поляки не высказывали к тому большой охоты, но, желая знать, что же было столь важным предметом для обсуждения, решились послать для откровенных переговоров с нашими трех человек из своего числа, а именно великого маршала Завишу, господина референдаря Бжостовского и господина Сарбиевского, с тем, однако, условием, чтобы ни одна сторона не брала на себя обязательств касательно того, о чем там будут говорить. Местом их встречи назначили двор Ходкевичей на реке Вилия, на милю вверх по течению от города Вильны. Между тем, однако, господа польские комиссары отправили тем же вечером людей и к господам посредникам, чтобы те не остались в неведении и дело продолжилось с их согласия.

Ранним утром 6 октября обе стороны явились на назначенное место, в палату, приготовленную для встречи. Господа поляки, ожидая услышать что-то новое, повторили все то, о чем говорили прежде, равно и то, что они, как и было сказано, не решались прибыть для переговоров с нашими, не дождавшись своего гонца. Поскольку, однако, наши просили об этом весьма дружески и доверительно, товарищи поляков отправили их сюда, пойдя на встречу доброму намерению, дабы, как подобает друзьям, узнать здесь об образе мыслей наших господ комиссаров. Наши, обосновав наилучшим образом свое предыдущее предложение, упрекнули сна-

---

²⁰⁵ В «Дневнике» опущены сведения о встрече русских и польских комиссаров в отсутствие императорских посредников на дворе Ходкевичей 24 сентября 1656 г. См.: *Иванов Д.И.* Восточная Европа... С. 164; *Флоря Б.Н.* Русское государство... С. 145.

чала господ послов за нежелание способствовать этому спасительному делу и, наконец, поставили господам полякам на вид нынешнее разорение их государства и могущественных врагов, сильный натиск которых те терпят со всех сторон. Этому они противопоставили могущество русских и храбрость их народа, а также то, что Его Царское Величество лично, отдавшись своей склонности, целиком занят воинскими трудами против врага польского короля и республики – короля Швеции. Вместе с тем они указали на великую пользу, которая могла бы последовать из подобного соединения двух могущественных государств. Господа поляки, не признавая все эти соображения, хотя отчасти и приняв их с благодарностью, все же остались тверды в своем прежнем решении, объявив, что, если даже Его Королевское Величество и республика согласятся ради особенно важных причин презреть древние и весьма часто подкреплявшиеся клятвой вольности свободных сословий польского государства и Великого княжества Литовского и признают выборы нового короля при его жизни, то таковые не могут произойти столь поспешно, как те воображают. Ведь согласно их польским правам для выборов нового короля совершенно необходимо всеобщее выборное собрание²⁰⁶. К тому же господам москвитам следовало знать, что новому королю надлежит дать клятву, обязуясь не только подтвердить древние привилегии, но и даровать новые вольности, а также расширять и ни в малейшей степени не умалять границы государства, а именно Польской короны и Великого княжества Литовского. Наши отвечали, что Его Царское Величество, будучи великим, отважным и мягким государем, склонен удовлетворить их не только в этом малом, но и во многом другом и готов пожаловать их, чтобы они имели достаточно земли и людей, не желая ничего иного, кроме как сохранить честь и бессмертное имя. В подобных разговорах прошел весь день, так что наступившая ночь вновь отложила прочее до возвращения польского гонца.

8 октября, после того как наши вновь отправили гонца к Его Царскому Величеству под Ригу, совершенно ручаясь в том, что в выборах не может быть ни малейшего сомнения, приехали два польских дворянина, сообщив, что возвратился гонец, отправленный от господ поляков к Его Королевскому Величеству. Те послали это известие также для того, чтобы осведомиться, не соблаговолят и не соизволят ли наши господа прибыть на переговоры на следующий день. Наши, весьма обрадованные этим известием, решились явиться на завтра, 9 октября, на переговоры на прежнее место в шатер.

9 октября господа комиссары с обеих сторон, а также и господа посредники явились на определенное место. Господа поляки сполна засвидетельствовали и выразили в длинной речи свою добрую и непритворную склонность к миру, открыв в конце концов, в чем состояло поручение посланного ими гонца. Они объявили, что их все милостивейший король и государь, Его Королевское Величество, и республика признавали до сих пор новые выборы не по причине какого-либо бедственного утеснения или принуждения, но только и единственно потому, что, как известно господам москвитам, не оставалось иного средства прекратить длительное пролитие крови в их отечестве. Они поступали так из присущего королю добросердечия и христианского сострадания и против гражданских прав, никоим образом не уменьшая и не умаляя, однако, древних привилегий, полномочий и свободных вольностей республики. Позволив своим комиссарам ныне вести таким образом переговоры с нашими господами в удовлетворение их неожиданного предложения, они допускали и одобряли лишь переговоры о предварительных выборах, намереваясь тем самым обеспечить спокойствие отчины. Когда же об этом договорятся на съезде, устроив это с должными уверениями в заключении достойного мира, прочее надлежит исполнить в соответствии с законом этой страны, завершив утверждение выборов на открытом сейме. Прежде и до того, однако, как предпринимать что-либо в этом деле, господа поляки потребовали от наших серьезного и окончательного уверения

---

²⁰⁶ Выборный, или конвокационный, сейм (*Convocation*) созывался после смерти польского короля для определения условий выборов следующего монарха.

в том, что Его Царскому Величеству, когда он будет избран для наследования счастливо правящему ныне королю Польскому Яну Казимиру в правлении Польским королевством и Великим княжеством Литовским, надлежит скрепить данными Его Царским Величеством дипломами правовые обычаи, привилегии и свободы Польской республики. Наши господа, совершенно не задумываясь о великом значении польских прав и стародавних свобод, тотчас и без каких-либо возражений и изъятий заверили это и обещали прислать и отдать собственные письменные уверения назавтра, в день следующей утвержденной встречи.

10 октября господа комиссары с обеих сторон, а также господа посредники явились на прежнее место переговоров. Наши, согласно данному обещанию, тотчас преподнесли господам полякам вышеупомянутую верительную грамоту. Господа поляки, приняв ее, весьма славил верность господ московитов своему слову и их добрые намерения. Удостоверившись далее в добрых условиях, они порешили вести переговоры и договорились в тот же день о некоторых пунктах с большим удовлетворением и дружелюбием. Прочее же из-за наступления ночи отложили до 14 октября.

14 октября господа комиссары с обеих сторон явились на место переговоров, которое теперь из-за холода установили на дворе Ходкевичей в полумиле от Вильны, в теплой светлице. Переговоры еще по нескольким пунктам завершили в добром взаимопонимании²⁰⁷. Остальное отложили до 16 октября.

16 октября, после того как обе стороны встретились, а также явились господа посредники, великие разногласия произвело противоречие этих народов, касающееся веры вновь избранного короля, а также лица, которому надлежит его короновать. Наши ожидали, что Его Царское Величество останется в своей греческой вере и должен быть коронован епископом того же исповедания. Господа поляки, однако, объявили, что королем Польши не может быть кто-либо, кроме приверженца римско-католической веры, и короновать его надлежит по их стародавнему праву католическому епископу, а именно предстоятелю государства, то есть архиепископу Гнезненскому²⁰⁸. В конце концов, поскольку совершенно не нашли средств к устройению этого пункта, его отложили на усмотрение и дальнейшее решение обоих государей. Оба последних пункта, касающиеся пленных и возвращения завоеванных областей, обе стороны оставили до 20 октября, когда они определили встретиться вновь.

20 октября господа комиссары с обеих сторон, а также господа посредники явились на прежнее место переговоров, на двор Ходкевичей. В отношении первого пункта, касающегося пленных, после взаимных противоречий в конце концов заключили отпустить и освободить всех пленных без изъятия, не считая тех, кто добровольно пожелал служить той или иной стороне. Относительно другого предложения²⁰⁹ никто не желал начинать. Одни спрашивали, что следует отдать, другие – что необходимо сохранить. Господа посредники, как они всегда поступали во время этих переговоров, сидели совершенно тихо, ожидая лишь, каким будет исход. Господа поляки, вообразившие слишком многое благодаря предшествующей грамоте, которую наши передали им 10 сего месяца, полагали справедливым утвердить свои свободы и права и вместе с тем возвратить все завоеванные местности. Ведь их права, очевидно, предусматривали, что вновь избранному королю надлежит связать себя клятвой расширять, а не уменьшать государственные границы. Посему они не могли вообразить, что господа московиты решились вопреки собственной грамоте сохранить за собой при этих выборах что-либо из завоеванных крепостей в Литве, Малой и Белой России. Наши, однако, толковавшие это дело по-иному, желали подчинить завоеванные местности и присоединить их к своему мос-

---

²⁰⁷ Согласно русским и польским источникам, переговоры 14 октября не увенчались успехом из-за разногласий по поводу будущих границ. См.: *Иванов Д.И.* Восточная Европа... С. 170–171.

²⁰⁸ Архиепископ Гнезно, примас католической церкви в Польше.

²⁰⁹ Имеется в виду пункт о возвращении завоеванных территорий, упомянутый в записи от 16 октября.

ковитскому государству, указывая, что этот выбор тесно свяжет и объединит оба государства и будет все равно, останутся ли эти местности включенными в то или иное из них. Это противное мнение опрокинуло все достигнутое и уговоренное прежде. Стороны пришли в несогласие и разъехались совершенно ожесточенные. Господа посредники же, которым, вероятно, пришлось не по нраву это разногласие, выказали свое совершенное неудовольствие, укоряя обе стороны за то, что они без нужды отказались от их предыдущего доброго намерения вести переговоры и заключить вечный мир, не затрагивая непременно выборов. Посредники утверждали, что это бесполезное дело вызовет лишь дальнейшее великое кровопролитие и ужасную войну. Ведь невозможно, чтобы великая польская вольность и свобода могли согласиться и примириться с московитской кабалой и рабством. Они все же желали оставить это бесполезное дело, которое затеяли злые люди, мешавшие миру, и вновь возобновить прежнее доброе намерение. Это побуждение, однако, совершенно не понравилось нашим, так что обе стороны расстались в несогласии, с великими взаимными возражениями.

21 октября наши, которые прежде заверили письмом своего государя, Его Царское Величество, в надежном исходе выборов, собрались для совета. Они, со своей стороны, предвидели дурной исход, ведь у этого народа не шутят с властью государя, и единодушно решили поэтому обсудить это дело с господами посредниками. Чтобы, однако, те дали им здравый совет и наставление в том, что предпринять далее, каждому пожаловали по два сорока соболей стоимостью в сто дукатов каждый²¹⁰.

22 октября господа посредники были у наших и постановили послать одного из своих к господам полякам, добиваясь, чтобы те не высказывались за расставание без исполнения дела и подумали о том, какая опасность может возникнуть от того, что этот съезд, на который столь многие из окрестных государей взирали, ожидая его исхода, окончится бесплодным роспуском. Господа поляки, под чью дудку теперь плясали, решились поэтому явиться назавтра на обычное место переговоров и либо прийти к заключению, либо попрощаться, уехав своим путем по доброй воле, как они и прибыли сюда.

23 октября господа комиссары с обеих сторон, а также господа императорские послы в качестве посредников явились друг перед другом на прежнем месте переговоров. Господа поляки оплакивали время, свои усилия и труд, который они приложили напрасно. Ведь все средства, которые они употребили сверх своих возможностей, ничего не стоили. Посему отныне они препоручают это дело Богу, который, наказывая их теперь за грехи, воздаст сторицей и не попустит их совершенного унижения. Ведь они не упустили ничего из того, что только возможно было сделать. Все они, в особенности Польское королевство, которое совершенно не было завоевано и покорено московитами, готовы были добровольно сделаться царскими подданными, чтобы сохранить свое государство нераздельным и удержать своих братьев – литовцев. Теперь же, когда это не удостоили вниманием, вознамерившись умыкнуть у них и прочее, они оплакивали не более чем столь напрасно проведенное время и свои добрые намерения, которые обратились лишь к поруганию их народа. Наши господа также жаловались на упрямство поляков, которые не желали удовольствоваться ничем и все еще заносились по-

---

²¹⁰ Дукат (*Ducat*) – наименование золотых, реже серебряных монет различных европейских регионов. Наиболее вероятно, что имеется в виду польский золотой дукат («червонный злотый»). О подобных контактах русских комиссаров и императорских послов без указания конкретной даты см.: *Гундулич Ф.* Путешествие из Вены в Москву... С. 164: «Между тем русские полномочные приходили тайком к нашим, прося их о поддержке и обещая им большие подарки. Г. Алегретич в нескольких словах высказал им свое мнение, говоря, что он ни за что в мире не отступит от предписанных ему инструкций своего императора». Киприан Павел Бжостовский сообщал о «большом смущении» русских послов вечером 20/30 октября, а на следующий день, 21/31 октября – об уловках, к которым прибегали Одоевский со товарищи, чтобы возобновить переговоры. Ср.: *Бжостовский П.К.* Дневник дороги на комиссию в Вильну 1656 года с самого акта комиссии наскоро списанного / пер. Д.А. Подгурского // Сборник Муханова. СПб., 1866. С. 483–542 (здесь – с. 538). В русском статейном списке события 21 и 22 октября не упомянуты. См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 88. Л. 462 об. – 463. В черновых документах, однако, русские комиссары признавали, что они «плачучи» просили своих польских коллег о дополнительной встрече. См.: *Иванов Д.И.* Восточная Европа... С. 189–190.

прежнему. После многих возражений и жалоб никто все же не желал прощаться первым, пока, наконец, не вмешались господа посредники, вновь побуждая обе стороны к делу и ставя им на вид спорные пункты. Поскольку, однако, никто не хотел делать ничего более, руководствуясь предписаниями обеих сторон, принуждены были оставить это до дальнейшего волеизъявления обоих государей. Было решено расстаться друг с другом в этот раз в доброй дружбе, продлив перемирие с определенными условиями, которые договорились подготовить до завтра в письменном виде, обменявшись ими друг с другом и снабдив заверением господ посредников и подписями господ комиссаров с обеих сторон. Эти условия гласили, что по милости Божьей и благодаря усердию и искусству господ великих послов Его Римского Императорского Величества в качестве посредников, а также господ комиссаров с обеих сторон мирный договор между Москвой и Польшей был заключен за изъятием немногих пунктов, включая касающийся выборов, согласно которому Его Величество, царь Московский, должен наследовать правление от ныне правящего короля Польского, Яна Казимира. Эти пункты, о которых не договорились, отложили, поскольку им надлежит основываться на согласии обоих государей, о котором следует объявить в дальнейшем. С этим господа комиссары с обеих сторон распрощались, заключив, что Его Королевское Величество и Польская республика одобряют перемирие в январе или феврале будущего 1657 года, когда сословия Польской короны и Великого княжества Литовского устроят сейм или выборное собрание. Его Величеству же, царю Московскому, надлежит отправить на этот сейм, когда его оповестит об этом через своего гонца Его Величество, король Польский, своих великих и полномочных послов с полными и достаточными полномочиями об этих и уже обговоренных пунктах. Эти великие послы обязуются подписать там избирательные соглашения²¹¹ с сословиями польского государства от имени и по поручению Его Царского Величества как вновь избранного короля, скрепив их дипломами Его Царского Величества и своей клятвой. С этими условиями обе стороны объявляют и заключают всеобщее перемирие, каковое в соответствии с этим соглашением надлежит соблюдать прочно и нерушимо обоим государям и их наместникам, солдатам и подданным, а также – со стороны Его Царского Величества – запорожским казакам, сняв осаду со всех польских крепостей, в особенности города Быхова.

24 октября встретились господа комиссары с обеих сторон и господа посредники. Обе стороны собственноручно подписали письменное соглашение, обменялись между собой его экземплярами и расстались, вполне довольные друг другом, в состоянии доброй дружбы и доверия.

25 октября наши и господа посредники были в Немеже в гостях у господ поляков. Их принимали весьма изысканно.

26 октября господа посредники и господа польские комиссары были в гостях у наших в городе, на дворе боярина князя Никиты Ивановича Одоевского. Каждый из горожан, в особенности же бывшие в городе поляки, приветствовал их с большой радостью и ликованием. После трапезы, за которой пили здоровье обоих высоких государей, Его Царского Величества и Его Королевского Величества, дали столь много частых залпов из стенобитных орудий и мушкетов, что во всем городе не осталось целого окна, а дома, разрушенные и еще дурно восстановленные, обвалились.

27 октября наши отправили полякам роскошные подарки, а именно дорогих соболей, и подготовили все к отъезду.

1 ноября наши господа комиссары и все сопровождавшие их прибыли в Минск и провели там ночь.

---

²¹¹ *Pacta conventa* – соглашения между сословиями и монархом Речи Посполитой при его вступлении на престол.

4 ноября мы остановились в Борисове. Там провели смотр конного полка, а также стольников и дворян. После смотра каждый отправился кратчайшим путем домой, а в свите господ комиссаров остался только полк стрельцов.

6 ноября господа комиссары выехали из Борисова.

9 ноября вся свита прибыла в Оршу и провела там ночь.

17 ноября господа комиссары прибыли в Смоленск.

18 ноября в Смоленск прибыл Его Царское Величество со всем своим войском, выступив из Ливонии после осады города Рига.

21 ноября господам комиссарам пожаловали поцеловать руку Его Царского Величества. После этого господа комиссары дали отчет в своих действиях, каковой был принят весьма благосклонно. Всех пожаловали остаться за столом Его Царского Величества в замке. Вечером того же дня Его Царское Величество выехал в Вязьму.

26 ноября Его Царское Величество прибыл в Вязьму, где нашел царскую супругу, царевичей и царевен, патриарха и весь свой царский двор.

Дополнение к 1656 году

Московиты объявили войну Шведской короне по причине того, что Шведская корона якобы помешала им завоевать Польское государство, выбила гарнизоны и сторожевые отряды московитов из различных литовских городов и поставила на их место шведских людей. Подготовившись весной совсем немного, господа московиты двинулись в наступление на Ливонию, Ингрию и Эстонию.

Его Величество, король Швеции Карл Густав, соединившись с Его Княжеской Светлостью, Фридрихом Вильгельмом Бранденбургским, учинил под Варшавой битву с Его Величеством королем Польским Яном Казимиром. На подмогу польской и литовской коронной армии пришли 150 000 человек татар во главе с султаном Гази-агой²¹². Несмотря на это, шведы наступали на поляков в своем боевом порядке с такой силой, что те в конце концов принуждены были оставить поле боя и спастись бегством, так что шведы вновь завоевали Варшаву, давно отнятую у них поляками, и остались хозяевами на Висле.

Его Царское Величество направился вместе с большим войском из столицы на Смоленск, Витебск, Полоцк и далее на Дисну и велел сплавлять вниз по Двине великолепную артиллерию, состоящую из стенобитных орудий, мортир и тяжелых бомб. Под Ригой в Ливонии они завоевали на своем пути замок Динабург, который шведы отбили у поляков и заняли своим гарнизоном, и Кокенгаузен, вырезали всех, кого нашли там живыми, ни пощадив ни одного человека, и оставили в этих городах многочисленные отряды, состоявшие исключительно из московитов, посадив своих губернаторов и комендантов. Восставшие польские войска изгнали шведские сторожевые отряды и из Жемайтии, так что Его Светлость, генерал-лейтенант граф Магнус Габриэль Делагарди со своими офицерами полностью очистил Жемайтию и, видя намерения господ московитов, прибыл в Ригу, сохранив добрый порядок и основательно подготовившись подобающим образом встретить стремительно наступавшего врага. Тот меж тем разорил уже всю страну, без всякой жалости проливал кровь и убивал всех, кто попадался ему на пути, повергнув в ужас всю Ливонию, где до того не могли и представить себе столь стремительного вторжения со стороны московитов. Сельский люд поспешно сбегался в укрепленные места, которые оказались неприступными для этого сильного врага, и доставил ему много хлопот своими нападениями и вылазками. Бедные крестьяне, которые не укрылись в надежных местах и не бежали через Двину в Курляндию, которая до некоторой степени сохраняла нейтралитет и была безопасна, принуждены были заплатить своим добром и имуществом, телом и кровью, подвергшись недостойным христиан несправедливостям и удостоверившись в явных знаках жестокости московитов. Царская армия, осаждая крепость Ригу на протяжении целых трех месяцев²¹³ и испробовав наилучшим образом окопы и раскаты, мины и рвы, обстрелы бомбами и все виды работ, не смогла взять крепость и захватила с потерями лишь сожженные предместья, поскольку генерал-губернатор граф Магнус Делагарди со своими войсками защищался храбро и многократно наносил ущерб врагу постоянными вылазками. В октябре московиты были вынуждены прекратить осаду и отступить с великими потерями тем же путем, которым пришли. Его Царское Величество оставил губернатором во вновь завоеванных ливонских городах думного дворянина Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Также оставили в Кокенгаузене и стенобитные орудия, в том числе все полные, половинные и четвертные картауны²¹⁴ и тяжелые мортиры, бывшие под Ригой, поскольку оказалось, что их сложно под-

---

²¹² Современные исследователи оценивают численность татарского войска не более чем в 2000 всадников. См.: *Frost R. The Northern Wars. War, State and Society in Northeastern Europe, 1558–1721. L.: Longman, 2000. P. 173.*

²¹³ В действительности осада продолжалась лишь около полутора месяцев, между 24 августа и 5 октября 1656 г. См.: *Курбатов О.А. Русско-шведская война 1656–1658 гг. М.: Руниверс, 2018. С. 17–18.*

²¹⁴ Картауна – осадное орудие с весом ядра в 50 фунтов. Полукартауна имела ядро в 25 фунтов, четвертная картауна –

нимать на судах вверх по Двине из опасения, как бы они не замерзли на реке. Его Царское Величество со всем войском, состоявшим из многочисленной конницы, а также пехоты, вернулся в Россию и счастливо прибыл санным путем в свою резиденцию.

Боярин и наместник казанский князь Алексей Никитич Трубецкой, собрав войско, вторгся в Ингрию²¹⁵ и, взяв Васкнарву, Нойшлосс и другие шведские замки²¹⁶ и оставив там гарнизоны московитов, осадил, наконец, крепость Дерпт и продолжал неотступную осаду до тех пор, пока она не принуждена была сдаться по соглашению. Губернатор и шведские войска, не имевшие желания оставаться под властью московитов, покинули крепость, которую занял московский комендант и сильный гарнизон. Оставшимся жителям были обещаны большие свободы. После этого боярин и генерал Трубецкой вернулся со всем войском в Великий Новгород и в конце концов пришел к Москве.

Запорожский генерал Богдан Хмельницкий не захотел оказать помощь против Шведской короны, как того желал Его Царское Величество, чьим вассалом он себя тогда называл, объявив свою готовность и желание напасть войной на других врагов Его Царского Величества. Против Швеции же он не мог предпринять ничего враждебного, поскольку был со Шведской короной в давнем и нерасторжимом союзе²¹⁷.

Его Светлость курфюрст Бранденбурга послал роскошное посольство к Его Царскому Величеству к Риге, чтобы сохранить нейтралитет. Царь, хотя и одобрил тогда его намерение и дал ему обещание, не утвердил таковое, выразив желание, чтобы курфюрст, Его Светлость, разорвав союз со шведами, соединился с поляками и пересмотрел свои прежние сношения с ними. Его Царское Величество согласился утвердить договоры, если это случится и курфюрст, Его Светлость, поклянется в условиях нейтралитета, заключенных под Ригой.

В этом году чума вновь хозяйничала в Московии и в столичном городе Москве, но уже не столь жестоко, как за два года до того. Она, однако, как никогда прежде свирепствовала во многих других городах, селах и деревнях Московии, приведя многие местности в совершенное запустение, в особенности Казань, Астрахань, Нижний Новгород и другие города на Волге, в которых также умерли многие из польских пленников.

в 12,5 фунта.

²¹⁵ В действительности войска Трубецкого действовали в Ливонии и Эстонии, а не в Ингрии. См.: Курбатов О.А. Русско-шведская война... С. 20–24.

²¹⁶ В действительности Васкнарва и Нойшлосс – эстонское и немецкое названия одного и того же замка.

²¹⁷ Формальный союз между Швецией, Запорожским войском, Семиградьем и Бранденбургом против Речи Посполитой был заключен лишь 6 декабря 1656 г.

Год 1657

11 января, после того как чума совершенно прекратилась, патриарх приехал из Вязьмы в Москву²¹⁸.

14 января Его Царское Величество и весь двор прибыли в Москву. Патриарх со всем духовенством и простой люд встретили его с большим колокольным звоном.

2 марта в Москву прибыл в качестве посланника от короля Польши подкоморий поморский господин Бонковский. С этим посольством Его Королевское Величество оправдывался в том, что из-за великой чумы, свирепствовавшей в его государстве, и непрерывного вражеского натиска оказалось невозможным продолжать назначенный сейм в январе или феврале. Кроме того, господа комиссары, участвовавшие в Виленском съезде, лишь недавно прибыли к Его Величеству в Данциг и сообщили о своих делах. Не было, однако, возможности созвать сейм в столь короткие сроки, так что придется запастись терпением до весны.

22 марта попрощались с посланником Бонковским, объявив ему от имени Его Царского Величества, что в течение еще шести недель, начиная с сегодняшнего дня, будут ожидать гонца, который принес бы вести о договоренности, достигнутой на Виленском съезде, и о сборе сейма. В противном случае Его Царское Величество не будет далее соблюдать Виленское перемирие, нарушенное польской стороной, а прибегнет из-за неуважения к себе к другим средствам. Однако в действительности наши уже почти потеряли желание откладывать до сейма, поскольку соглашение, заключенное под Вильной, уже нарушили с нашей стороны казаки, пославшие к князю Семиградья Ракоци полковника Ждановича на помощь против Польской короны, и заняли крепость Старый Быхов, которую следовало передать казакам после того, как ее вопреки соглашению долгое время осаждал и держал в страхе московитский генерал Хованский. Поэтому боялись, что польская сторона на сейме не простит нашим этого и отомстит, и, поскольку вместе с выборами следовало вернуть все захваченные города Польской короне, сочтет разумным взять под стражу посланных на сейм великих послов, требуя отойти за Днепр.

22 апреля на другой стороне реки Москвы случился большой пожар, длившийся два дня и уничтоживший до трех тысяч домов.

26 апреля в Москву прибыл польский посланник Шумовский²¹⁹.

1 мая вновь случился сильный пожар на той стороне реки Яузы в Москве.

7 мая был на приеме польский посланник Шумовский. В тот же день его пригласили для переговоров с назначенными боярами и советниками. Посланник упрекал наших в нарушении Виленского договора, а именно в том, что вопреки ему генерал Хованский долгое время спустя обложил крепость Быхов, которая, изнемогая от непрерывной осады, в конце концов была вынуждена предпочесть покровительство казаков. Также и казаки обещали не своевольничать и не чинить враждебные вылазки против Польской короны, а сами соединились с Ракоци и открыто помогли ему пройти войной все Польское государство, так что Его Величество король Польский, государство, земля и люди которого ныне имеют дело со многими могущественными врагами, ни в коем случае не могут устроить для сословий сейм, поскольку каждый, защищая свое отечество, всецело занят ныне трудами против своих врагов.

21 мая попрощались с польским посланником Шумовским²²⁰. Через него Его Королевскому Величеству передали в свою защиту, что можно устроить в Вильне съезд в продолжение

---

²¹⁸ Другие источники датируют возвращение патриарха в столицу 4 января 1657 г. См.: *Лобачев С.В.* Патриарх Никон. СПб.: Искусство, 2003. С. 234.

²¹⁹ Русские источники датируют въезд Шумовского в Москву 20 апреля. См.: *Флоря Б.Н.* Русское государство... С. 226.

²²⁰ Согласно русским источникам, Шумовский оставался в Москве до 1 июня 1656 г.

Виленского съезда, между тем как польские сословия могли бы в это время обсудить и дать правильный наказ своим господам комиссарам, на каких условиях следует вести переговоры об этом начатом похвальном деле и полностью завершить его.

27 июля безбожный запорожский генерал Богдан Хмельницкий, как говорят, умер позорной смертью.

23 августа милостиво приняли казацкого полковника Павла Тетерю, посланного генералом Выговским, чтобы способствовать оправданию его дел перед Его Царским Величеством. Это весьма способствовало тому, что поход боярина князя Алексея Никитича Трубецкого на Украину отменили, объявив об этом и пообещав послать вместо него окольного Богдана Михайловича Хитрово²²¹ и со всеобщего ведома передать Выговскому начальство над казаками от имени Его Царского Величества.

12 октября в Москве отметили радостный праздник, поскольку воевода князь Иван Андреевич Хованский одолел и обратил в бегство шведского генерала графа Магнуса Габриэля Делагарди под Гдовом на ливонской границе.

25 октября, поскольку у нас пропала охота продолжать более несогласия со Шведской короной, постановили отправить к Его Королевскому Величеству из числа шведских послов, сидящих в Москве под стражей, дворянина Конрада фон Бернера, извещая о склонности Его Царского Величества к миру со Шведской короной.

12 декабря Его Царское Величество принял имеретинских, гурийских и грузинских посланников. Это три различных христианских народа, придерживающихся греческой веры. У них есть свои короли, подданные и вассалы короля Персии, но Его Царское Величество покровительствует им как своим единоверцам.

---

²²¹ Речь идет о Богдане Матвеевиче Хитрово.

Дополнение к 1657 году

В этом году в Москве было совершенно тихо. Враждебные действия против Польши и Швеции вели совсем мало, не считая того, что новгородская армия, сперва под началом генерала и воеводы Матвея Васильевича Шереметева, который и сам погиб в стычке со шведами, затем под началом воеводы Хованского, и войска, которыми командовал Нащокин²²², принуждены были обороняться.

В королевстве Польском во многих местностях господствовала жесточайшая чума, в особенности в Варшаве, Вильне, по всей Жемайтии и Курляндии, так что многие тысячи отошли ко Господу. Голод же, свирепствовавший в Литве, нанес намного больший ущерб, особенно в местностях, завоеванных и разоренных москвитями, как, например, в окрестностях Минска, Новогрудка, Бреста, Борисова и на Березине. Он был так ужасен, что несчастные крестьяне принуждены были, дабы утолить голод, жрать кошек и мышей, каковых тварей расплодилось неисчислимое множество в разоренных и сожженных городах и деревнях. Они, однако, столь ослабели от голода, что их самих поедали эти твари, до того голодные, что от них едва могли защититься даже люди, еще сохранившие силы, так что их обгладывали до костей. В конце концов, когда голодные люди возобладали над этими тварями, полностью сожрав и истребив их, один вынуждаемый голодом вцеплялся в глотку другому, сильнейший убивал слабейшего. Оставшиеся в живых рассказывали мне, когда я некоторое время спустя проезжал через эту местность, что родители резали и ели своих детей. Одна женщина созналась, что она с двумя детьми наполовину съела мертвого мужа. Другая – что она с мужем и старшим сыном, которые, однако, в конце концов умерли от голода, зарезала двух младших детей и тем насытилась, но после того сама едва спаслась от мужа и старшего сына. Этот сильный голод был причиной того, что несчастные, до этого скрывавшиеся от врага в лесах и на болотах, толпами бежали к границам Московии, предлагая себя в вечное рабство. С ними имели дело многие москвиты, которые подъезжали к границе, переводили через нее несколько тысяч человек и продавали их по своему усмотрению, заработав на этом много денег. Они приняли столь многих из этих несчастных, что в конце концов заразились от них и перемерли. Из-за этого перекрыли все проходы и никого больше не допускали в государство через границу. В стране объявилось столь много польских рабов и рабынь, что русские не желали покупать никого больше, хотя этот народ поглощает людей с той же ненасытностью, как дьявол души.

Его Величество, король Швеции, объединился с князем Семиградья Ракоци и казаками, которые вторглись в Польское королевство и прошли все государство вплоть до Литвы, завоевав крепость Брест на Буге. В конце концов Его Величество, король Швеции, принужден был покинуть Польшу, чтобы противостоять датчанину, который поставил под ружье большое войско, открыто объявил ему войну и объединился, заключив союз против Шведской короны, со многими другими государями. Шведский король поспешил ему навстречу, оставив в Пруссии в качестве наместника и генерал-губернатора своего брата принца Адольфа с многочисленным войском. Однако, когда шведский король с войском покинул страну, венгры²²³ полностью утратили мужество и поспешили вернуться в свою землю, пройдя через Польшу. Польские и литовские войска, усилившись, последовали за теми, кто бежал от заразы, разбив их наголову, а затем предприняли вылазку в Семиградье, возместив, наконец, причиненные им потери. Благодаря помощи войск германского императора и татарской подмоге Польская корона начала восстанавливаться и завоевала в этом году Краков, Варшаву, Гнезно, Познань и всю Малую

---

²²² Имеется в виду Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин.

²²³ То есть войска князя Семиградья Дьёрдя Ракоци.

и Великую Польшу, а также Торунь в Пруссии²²⁴, так что шведы до поры удержали лишь Мариенбург и Эльбинг. Сенаторы и государственные советники, которые до того искали выгоды, присоединяясь то к той, то к другой стороне, явились все вновь к Его Королевскому Величеству Яну Казимиру, своему истинному господину, который даровал им весьма милостивое и подлинно отеческое прощение и вечное забвение всех совершенных ими ошибок. Курфюрст Бранденбурга вновь перешел на польскую сторону и оказал Его Величеству королю Датскому существенную помощь против Шведской короны. Между тем шведы обосновались в Голштинии и снабдили нищих ландскнехтов, которые прибыли из разоренной Польши совершенно голодными, всем необходимым. Они во всем подготовились и вооружились против датчан, и хотя армия тех и вторглась в Готию, но вскоре вынуждена была повернуть в Сконе и Фюн, чтобы отомстить шведам, хозяйничавшим в Голштинии.

В Москве постепенно упразднили различные монеты и вместо них использовали лишь медные копейки того же вида и размера, что и бывшие до того серебряные. Их выдавали из казны ровно по той же цене, что и серебряные, и рассчитывались ими с приказными людьми. Поначалу эти медные монеты были вполне в ходу. Их принимали с той же охотой, как и серебряные. Прежние же различные монеты, как то: рейхсталеры со штемпелем или без него, четвертаки, медные алтыны и гроши – принимали обратно в казну по той же цене, что и выдавали, запретив в будущем их обращение.

---

²²⁴ Хотя Торунь не входила в состав герцогства Пруссия в XVII в., исторически она принадлежала к области Пруссия, войдя в состав Польского королевства лишь в середине XV в.

Год 1658

11 января вернулся в Москву посланный в Польшу стольник Назарий Алфимов.

14 января в Москву прибыл полковник Николаус Бауман, чтобы вступить в военную службу Его Царского Величества.

15 января в Москву прибыл курляндский посланец Йозеф дер Кортер²²⁵ с письмом от Его Княжеской Милости, герцога Курляндии, который старался продлить обещанный нейтралитет и освободить в дальнейшем свое княжество от московитских набегов.

16 января посланники, вернувшиеся из различных государств, были на приеме и отчитались о своих поручениях. Стольник Афанасий Нестеров был у курфюрста Бранденбурга²²⁶, стряпчий Клементий Иевлев – у короля Польского, стрелецкий голова Абрам Лопухин – у генерала Гонсевского, дворянин Денис Астафьев – у генерала Сапеги в Литве. Предстоит соразмерить, что за удивительные вести они принесли с собой.

19 января в Москву прибыл датский посланник Ганс Ольделанд.

20 января курляндский посланец Йозеф дер Кортер отбыл из Москвы с добрыми вестями.

22 января в Москву прибыл посланник короля Венгерского²²⁷ господин Кристоф Фрагштейн и был принят с меньшим радушием, чем следовало бы, учитывая прежнее состояние дел²²⁸.

24 января в Москву прибыл бранденбургский посланник Фридрих Иоахим фон Борнтин.

25 января в Москве на приеме у Его Царского Величества был сперва датский посланник. Он удостоверил решимость своего короля и государя продолжать войну против Шведской короны и подтвердил, что союз и сотрудничество против нее устроят, ратифицируют и полностью скрепят с посланником Его Царского Величества стольником Даниилом Ефимовичем Мышецким в Копенгагене.

После этого на прием пригласили посланника венгерского короля. Он удостоверил кончину блаженной памяти Фердинанда III, Римского императора, и то, что его сын Леопольд наследовал ему в правлении Венгерским и Богемским королевствами. Тот желает продолжать сношения с Его Царским Величеством в прежнем доверии, как о том радел достославной памяти его отец. Вместе с тем он настаивал на переговорах, чтобы изложить далее свое дело.

Наконец, на прием пригласили посланника бранденбургского курфюрста, который изложил свое дело и также просил о переговорах²²⁹.

26 января стольник Иван Телепнев отправился в посольство от Его Царского Величества к королю Польскому, чтобы сообщить, что Его Царское Величество, или сторона московитов, выполнил условия Виленского договора, польская же сторона нарушила, не соблюдая установленные сроки сейма. Все же Его Царское Величество, заботясь о поддержании заключенного перемирия и радея о завершении благого начинания прошедшего Виленского съезда, пожелал

---

²²⁵ В русских источниках – Езуф Шеснеев. См.: *Бантиш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений... Ч. 3. М., 1898. С. 6.

²²⁶ Вероятно, автор «Дневника» ошибается: Афанасий Нестеров весной 1657 г. был в посылке у гетмана великого литовского Павла Яна Сапеги, а к курфюрсту Бранденбурга отправился лишь в марте 1658 г. См.: *Флоря Б.Н.* Русское государство... С. 218–237, 318.

²²⁷ Поскольку император Фердинанд III умер в апреле 1657 г., а выборы императора еще не были проведены, его наследник Леопольд I именуется по своему самому значимому на тот момент титулу королем Венгерским.

²²⁸ Как и в 1655 г., последовали разногласия, касавшиеся церемониала въезда послов, и в частности того, кто первый должен спешиваться при встрече. См.: *Mezi Vídní, Varšavou a Moskvou. Diplomatická cesta Jana Kryštofa z Fragsteinu do Moskvy v letech 1657–1658* / ed. R. Smíšek, M. Konrádová. České Budějovice: Jihočeská univerzita v Českých Budějovicích, 2020. S. 336–337.

²²⁹ Известно, что Боуш переводил две грамоты бранденбургского курфюрста, поданные в этот день. См.: *Россия и Пруссия в середине XVII века* / сост. П.И. Прудовский. Т. 1: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг. М.: Древлехранилище, 2013. С. 408–412.

вновь послать своих комиссаров в Вильну и возобновить эти переговоры, так что Его Королевскому Величеству и Польской республике также надлежит отправить своих с полными полномочиями.

27 января был на переговорах бранденбургский посланник господин Борнтин и сообщил, что Его Светлость курфюрст в соответствии с желанием Его Царского Величества скрепил и утвердил статьи о нейтралитете, заключенные под Ригой, в присутствии посланника Его Царского Величества Афанасия Нестерова²³⁰, рассчитывая, что Его Царское Величество соизволит равным образом утвердить их, скрепив своим решением. По желанию и настоянию Его Царского Величества, переданному упомянутым посланником, курфюрст, Его Светлость, также отступился от шведской стороны и ныне, удовлетворившись в своих запросах к Польской короне, вновь совершенно соединился с Польской республикой, так что и Его Царскому Величеству теперь удобно устроить дружбу с Польской короной против короля [шведского] в соответствии со своим решением, оставаясь при своем намерении. Его Светлость же, курфюрст, намерен приложить все усилия к тому, чтобы соглашение, начатое в Вильне, исполнилось и достигло своей цели и чтобы ни один другой государь, помимо Его Царского Величества, не преуспел в наследовании Польской короны. Посланник весьма настаивал при том, чтобы Его Царское Величество действовал рука об руку с Его Светлостью, курфюрстом, дабы в нынешнем польском нестроении и тяжелой войне не допустить никого из Австрийского дома²³¹ к вмешательству в наследование Польской короны. Русские, однако, наотрез отказались заверить нейтралитет, полагая, что прежде это не было в обычае у великих государей, царей и великих князей Московских.

28 января бранденбургский посланник был на ужине у канцлера Алмаза Ивановича и гофмаршала московитов Федора Михайловича Ртищева. С ним обходились великолепно лишь ради того, чтобы он, напившись, о чем-нибудь проговорился и более склонялся к поспешным поступкам. Он, однако, весело ел и пил, не желая в этот вечер вступать в какие-либо разговоры о своем деле.

29 января пригласили на переговоры венгерских королевских послов²³². Они объявили от имени своего все милостивейшего короля и государя, Его Величества короля Богемии и Венгрии, что он желает продолжать начатое при его достославной памяти отце посредничество между Его Царским Величеством и Его Величеством королем Польши от имени Его Величества короля Богемии и Венгрии, устранив все распри и несогласия между обоими государствами и установив благородный мир и согласие. Их посредничество, однако, отклонили коротко и решительно.

Затем на переговорах был посланник датского короля. Он по-прежнему настаивал на испытании союза против шведа, но потерпел совершенную неудачу, поскольку наши ныне склонялись к заключению мира со Шведской короной.

30 января в Москву прибыли персидские послы числом более двухсот человек. Их встретили с большой пышностью.

7 февраля по всему государству провозгласили сбор на службу против Польской короны. Запорожским казакам отправили приказ быть в готовности и напасть на поляков, как только последует распоряжение.

9 февраля персидский посол был на приеме и представил много роскошных подарков от своего короля: турецких лошадей, изящные золотые украшения, необработанный шелк и селитру.

---

²³⁰ В действительности в 1657 г. к курфюрсту Бранденбурга был послан Иван Францбеков. См.: *Флоря Б.Н.* Русское государство... С. 201.

²³¹ То есть из династии Габсбургов, правившей в австрийских землях и занимавшей императорский престол.

²³² Наряду с Иоганном Кристофом Фрагштейном ранг посла также имел Кристоф Бевер фон дер Бинна.

10 февраля выехал стольник Иван Телепнев, вынужденный до того дня медлить, с тем же решением, которое описано под 26 января.

17 февраля на переговорах снова был венгерский посол. Его упрекали в том, что он неподобающим образом использует титул Его Царского Величества, исказив его. Его желание касательно договора с поляками совершенно отбросили в сторону, поскольку мы вознамерились вновь взять поляков за горло.

20 февраля перед Его Царским Величеством предстали один за другим послы венгерского короля и бранденбургского курфюрста, получив отпуск с совершенным недовольством. Посол венгерского короля снова не пожелал произносить «величество» при упоминании царского имени, а говорил лишь о «царском вельможестве». Данное же ему письмо от Его Царского Величества к Его Величеству королю Венгрии и Богемии, в котором того написали не «вельможнейшим», а лишь в положительной степени – «вельможным»²³³, он оставил лежать на столе у себя на дворе и уехал прочь.

Бранденбургский посланник также уехал с большой неохотой, поскольку ему не только не подтвердили нейтралитет, заключенный под Ригой, но и объявили, что Его Светлости курфюрсту следует отказаться от союза с Польской короной, хотя он, прибывая сюда, определенно был уверен в гораздо лучшем исходе.

18 марта мы получили известие о заключении между Швецией и Данией мира в Фридрихсштадте²³⁴, условия которого шведы предписали датчанам по своему усмотрению.

19 марта в Москву прибыл польский гонец Голецкий.

23 марта он был на приеме и принес известие о том, что Его Королевское Величество назначил сейм своим сословиям в последний день мая.

26 марта стольника Афанасия Нестерова вновь отправили к курфюрсту Бранденбурга, чтобы Его Светлость курфюрст не вступал в совершенно доверительный союз с Польской короной, если же уже вступил в него, то немедленно бы вышел, и чтобы соглашение с Его Царским Величеством о нейтралитете, заключенное под Ригой, оставалось в полной силе, а Его Светлость курфюрст не подавал никакой помощи Польской короне против Москвы ни советом, ни делом. Если возможно, надлежало приложить усилия к возобновлению и восстановлению прошлого единства со Шведской короной.

27 марта стольника Якова Лихарева и дьяка Ивана Пескова отправили в Австрию к королю Венгрии с жалобой на господина Фрагштейна из-за неуважения, которое тот оказал, оставив после себя царское письмо и употребляя необычный титул.

28 марта прибыл из Украины в столичный город Москву окольный Богдан Матвеевич Хитрово, передав власть над запорожскими казаками Ивану Выговскому и произведя его в генералы на место умершего Хмельницкого.

2 апреля отправили польского гонца Голецкого с тем же посланием, которое доверили стольнику Ивану Телепневу.

7 апреля, однако, послали универсал на Украину генералу Выговскому и всем полковникам, чтобы все они были готовы, ожидая лишь приказа напасть на поляков.

12 апреля шведским послам, сидящим под стражей, пожаловали в качестве особой милости стол от Его Царского Величества.

---

²³³ О сути споров на аудиенциях 17 и 20 февраля 1658 г. и различении титулов «вельможнейший» (*Großmächtigster*) и «вельможный» (*Großmächtiger*) см.: ПДС. Т. 3. Стб. 825–827, 831–833, 863–865; Mezi Vídní, Varšavou a Moskvou... S. 342–345. Об этих спорах упомянули как о прецеденте Августин фон Мейерберг и Гульельмо Кальвуччи, императорские послы в России в 1661–1662 гг. Согласно этому донесению, Боуш (*Baum*), исполнявший при этом обязанности толмача, переводил *Großmächtigkeit* как «величество» (*Weliczanstiwo*). См.: Барсов Е.В. Донесение Августина Майерберга императору Леопольду I о своем посольстве в Московии // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. М., 1882. Кн. 1–3. С. 24.

²³⁴ Имеется в виду датский замок Фредериксборг, в котором проходила часть дипломатических церемоний, связанных с заключением мира в Роскилле 26 февраля 1658 г.

16 апреля дворянин Конрад фон Бернер, отправленный господами шведскими послами к королю Швеции, вернулся в Москву с известием о том, что его король и государь, Его Величество король Швеции, склонен к тому, чтобы заключить мир с Москвой. Он также привез господину послу приказ и распоряжение заключить в Москве предварительное соглашение о съезде.

19 апреля по приказу Его Царского Величества канцлер или думный дьяк Алмаз Иванов был послан осведомиться, каким образом можно устранить противоречие и возвратить потерянный мир²³⁵.

В тот же день в Москву прибыл полковник Григорчинский²³⁶ с посольством от казацкого генерала Выговского.

20 апреля канцлер Алмаз по приказу Его Царского Величества вновь был у господина шведского посла и уговорился с ним, что тот, если ему объявят приказ Его Царского Величества, явится на переговоры с назначенными для этого боярами и советниками для заключения предварительного соглашения о съезде.

22 апреля на приеме у Его Царского Величества был полковник Лесницкий, посланный казацким генералом Выговским. Он побуждал смягчить или вовсе устранить несправедливости, совершенные на Украине московитскими губернаторами и воеводами, и не давать веры непокорному Барабашенко и его обретающимся здесь посланникам в их лживых жалобах.

27 апреля вечером около восьми часов Его Царское Величество тайно принял датского посланника Ганса Ольделанда и попрощался с ним. Его Царское Величество ныне совершенно уверился в том, что Его Величество король Дании вынужден был заключить мир со Шведской короной без ведома и согласия своих союзников в противоречии с заключенным союзом. Его Царское Величество весьма оплакивал эту неудачу своего доброго друга и соседа, не желая, однако, чтобы она заставила его прекратить или хоть в малейшей степени уменьшить добрую ссылку и доверие, которые он имел с Его Величеством королем Дании, и заверяя Его Королевское Величество в своем намерении сохранять их впредь по-прежнему.

30 апреля шведский посол Густав Бьельке со своими товарищами был на переговорах с назначенными боярами и советниками, а именно с ближним боярином и наместником астраханским Никитой Ивановичем Одоевским, боярином и наместником смоленским Петром Васильевичем Шереметевым и т. д. Обе стороны договорились о заключении общего перемирия на условии прекращения боевых действий с 21 мая, так что войска прекратят свое продвижение и крепости, занятые до того, будут неприкосновенны. Комиссарам же с обеих сторон надлежит явиться 12 июня к устью Плюссы на место, отведенное для переговоров, чтобы установить мир по приказу и велению обоих государей, спешествуя ему во имя Божье. Если же переговоры останутся бесплодными и господа комиссары принуждены будут разойтись, не исполнив своего дела, следует соблюдать нерушимым перемирие, заключенное в Москве, в течение целого месяца после их отъезда с места переговоров, не предпринимая в это время враждебных действий с обеих сторон.

7 мая русские комиссары²³⁷, ближний боярин и наместник астраханский князь Никита Иванович Одоевский, боярин и наместник смоленский Петр Васильевич Шереметев и боярин и наместник муромский Федор Федорович Волконский, думный дьяк Алмаз Иванов и дьяк Иван Патрикеев, равным образом и назначенные комиссарами на переговоры со шведами, были у руки Его Царского Величества в соборе Богоматери в замке²³⁸. Русские комиссары,

---

²³⁵ Русские источники датируют начало переговоров 18 апреля 1658 г. См.: *Флоря Б.Н.* Русское государство... С. 344.

²³⁶ Вероятно, имеется в виду Григорий Софоньевич Лесницкий.

²³⁷ Имеются в виду комиссары, назначенные на съезд с поляками.

²³⁸ То есть в Успенском соборе Московского Кремля.

назначенные на переговоры с поляками, отбыли в Вильну, другие же – на переговоры со шведами в Ливонию²³⁹.

21 мая король и Польская республика уведомили Его Царское Величество через своего посланника Григория Беницкого²⁴⁰ о том, что они устроили сейм, от которого намереваются, в соответствии с желанием Его Царского Величества, отправить своих комиссаров, снабженных добрыми полномочиями, в Вильну для переговоров. Равным образом они желали, чтобы и русская сторона наделила комиссаров достаточными полномочиями.

29 мая в Смоленск прибыл боярин и наместник севский князь Юрий Алексеевич Долгоруков, которому надлежало двинуться под Вильну с войском в сорок тысяч человек и ожидать исхода съезда.

10 июня в Борисов из Москвы от Его Царского Величества прибыл дворянин Андрей Самарин. Он привез комиссарам их полномочия и наказ, гласивший, что русским комиссарам надлежит ожидать польских на съезд в Вильне до 5 августа. Если же те не явятся в этот срок, следует вернуться обратно в Москву, генералу Долгорукому же надлежит, соединившись с Волинским и Сукиным в Жемайтии, выступить, с тем чтобы привести оставшуюся часть Великого княжества Литовского под власть Его Царского Величества, сбив с поляков их спесь, дабы они чем скорее, тем лучше, когда все Великое княжество Литовское будет завоевано, отдали корону Его Царскому Величеству.

2 июля Никон, патриарх Московский, отказался от своего епископского сана, поскольку царь не выказывал ему послушания в некоторых вещах, и, покинув патриарший престол, удалился для уединенной жизни в свой новопостроенный монастырь на Истре, называемый Воскресенским²⁴¹.

6 июля хорунжий ковенский Николай Скорульский²⁴² прибыл от генерала Гонсевского посланником к русским комиссарам в Вильну, чтобы узнать, намереваются ли они заключить мир или вести войну и для чего предназначено их сильное войско. Ему ответили, что Вильна принадлежит Его Царскому Величеству и тот может держать на своей земле и почве столько войск, сколько захочет.

11 июля дворянин Денис Астафьев, посланный к великому генералу Сапеге, чтобы побудить его перейти под покровительство Его Царского Величества, прибыл в Вильну, совершенно не преуспев в этом деле, с холодным ответом.

19 июля к русским комиссарам прибыл хорунжий смоленский Парчевский с посольством от генерала Гонсевского и предложением встретиться с генералом Гонсевским для продолжения мирных переговоров, поскольку тот обладает теми же полномочиями и является уполномоченным комиссаром в той же степени, что и прочие, которые до сих пор пребывают в Варшаве до завершения своего сейма и собрания.

22 июля в Вильну прибыл из Варшавы посланец польских комиссаров Иоганн Шембель²⁴³ с известием, что польские комиссары скоро придут и уже готовы к выезду из Варшавы.

28 июля в Вильну прибыл из Варшавы посланный из Москвы гонец Ларион Иванов с сообщением, что сейм распущен из-за начавшейся в Варшаве вспышки чумы.

²³⁹ Комиссары на съезд в Вильну выехали из Москвы 11 мая 1658 г. См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 95. Л. 7.

²⁴⁰ Согласно русским источникам, царь принял Беницкого лишь 11 июня. Возможно, в «Дневнике» приводится дата его отъезда от короля. В действительности сейм открылся лишь 30 июня (10 июля) 1658 г. См.: *Флоря Б.Н.* Русское государство... С. 388–390.

²⁴¹ Имеется в виду Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Согласно русским источникам, Никон выехал из Москвы 10 июля 1658 г.

²⁴² Согласно русским источникам Скорульский прибыл 5 июля. См.: *Флоря Б.Н.* Русское государство... С. 381. Русский статейный список свидетельствует о том, что послы неоднократно посылали Боуша на переговоры с гонцом. См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 95. Л. 136 об. – 138 об.

²⁴³ Русский статейный список датирует приезд Шембеля в Вильну 23 июля. См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 95. Л. 210.

4 августа в Вильну прибыл польский поручик Игнатович, называвшийся также Любаньским, с посольством от генерала Гонсевского. Его не приняли из-за известия о свирепствовавшей в Варшаве чуме.

5 августа комиссары держали совет с генералом Долгоруковым и его товарищами, представив свое предписание, которое явно требовало ожидать польских комиссаров в Вильне до 9 августа. Если же те не появятся до этого срока, комиссарам надлежало возвратиться в Москву, а генералу Долгорукову выступить с войском в Жемайтию. Поскольку, однако, комиссары, послав в Москву многих гонцов, не получили от Его Царского Величества иного приказа, кроме того, что им настойчиво велели не начинать съезд с польскими комиссарами после 5 августа, даже если те прибудут, то было решено известить Его Царское Величество и выступить из Вильны на следующий день. Хотя они уже знали и получили известие о том, что польские комиссары прибыли на расстояние лишь пяти миль, но не могли действовать наперекор предписанию и начать съезд.

6 августа русские комиссары со свитой отбыли из Вильны в Москву, оставив генералу Долгорукову из числа своих сопровождающих полк конницы под началом полковника Штробеля. Долгоруков же в тот же день выступил из своего лагеря под Вильной и направился со всеми своими силами на Ковно, чтобы вторгнуться оттуда в Жемайтию.

19 августа русские комиссары, находясь на Бобре²⁴⁴, получили посреди ночи приказ из Москвы от Его Царского Величества возвращаться в Вильну и вести переговоры с польскими комиссарами согласно предыдущему наказу. Тот же гонец немедля поскакал в Жемайтию, чтобы отозвать генерала Долгорукова с войском.

29 августа комиссары вновь прибыли в Вильну и нашли это место в крайнем запустении.

31 августа от польских комиссаров прибыли в Вильну Комар, Пузына и Раковский, чтобы условиться с русскими комиссарами о месте и сроке переговоров и заключить предварительное соглашение.

6 сентября польские посланники вновь прибыли в Вильну и заключили предварительное соглашение.

7 сентября дворянин Иван Афанасьев сын Желябовский и писарь Иван Микулин с русской стороны и Ян Пузына и Раковский с польской стороны поклялись о соблюдении предварительного соглашения и пунктов о безопасности.

9 сентября генерал Волинский, 10-го – Долгоруков, 11-го – Сукин вернулись со своими войсками в Вильну из Жемайтии, где они продвинулись до Кейдан, и расположились в своем прежнем лагере под Лукишками.

13 сентября от поляков прибыли каноник Котовский и Матеуш Закревский с вопросом о квартирах²⁴⁵. Наши, как прежде, указали им черные избы в Немеже, в двух милях от Вильны.

16 сентября была первая встреча в шатрах, на том же месте, что и два года назад. Стороны, однако, держались с большой неприязнью по отношению друг к другу, в особенности поляки, весьма уязвленные вторжением в Жемайтию несмотря на обещанное перемирие, о котором им сообщил посланный стольник Иван Телепнев. Они весьма порицали вероломство русских, которые якобы под предлогом переговоров вторглись с войском в их земли и нарушили перемирие, а сами, зная об их приезде, отбыли отсюда. В этот раз поляки не желали ни обещать, ни предпринимать ничего важного.

18 сентября следующая встреча равным образом принесла с собой столь много жалоб и возражений, что никак не могли договориться о том, чтобы начать и перейти к настоящему

---

²⁴⁴ Согласно русским источникам, комиссары получили царский наказ в Минске. См.: *Флоря Б.Н.* Русское государство... С. 403.

²⁴⁵ Русский статейный список датирует приезд польских комиссаров 14 сентября. См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 95. Л. 362.

делу. Вместо этого обе стороны расстались неудовлетворенными и намеревались дать знать друг другу о дальнейших встречах.

19 сентября прибыл агент генерала Гонсевского Самуил Венцлавский, прося русских комиссаров о том, чтобы они соизволили встретиться с генералом отдельно. Те вначале решительно отказались, поскольку поляки ни в коем случае не позволили бы этого, и ответили Гонсевскому, чтобы тот явился на переговоры вместе со своими товарищами, другими комиссарами, и помог им установить мир. Наша сторона, однако, сам не знаю почему, возлагала большие надежды на то, что генерал Гонсевский особенно поспособствует передаче Великого княжества Литовского, ради чего и к генералу Сапеге послали из Москвы дворянина Дениса Астафьева, и, вероятно, поскольку Гонсевский изъявил желание вести переговоры отдельно, перейдет на сторону Его Царского Величества с княжеством Жемайтия. В конце концов с его агентом Венцлавским условились о личной безопасности его и прибывших с ним войск и заключили, что генерал прибудет под Вильну с тремястами всадниками и явится для переговоров к каменному мосту на ту сторону реки Вилия.

20 сентября об условиях безопасности между русскими и генералом Гонсевским поклялись дворянин Иван Сильверстов и писарь Василий Мыконкин с русской стороны и два гусарских товарища, Понятовский и Гурский, со стороны генерала.

23 сентября была встреча с польскими комиссарами, которые весьма жаловались на то, что русские желали вступить в отдельные переговоры с генералом Гонсевским, что пришлось им весьма не по нраву.

27 сентября была четвертая встреча с польскими комиссарами, которые в конце концов, после долгих споров, согласились на отдельные переговоры русских с генералом Гонсевским на тех условиях, что прежде двое из их числа переговорают и уладят это с генералом. Обе стороны согласились с этим решением.

28 сентября генерал Гонсевский прибыл под Верки, в миле от Вильны, с отрядом в тысячу всадников. Генерал Долгоруков весьма возражал против этого, жалуясь русским комиссарам, что генералу Гонсевскому позволили расположиться там без ведома и желания его и его товарищей.

29 сентября в ночи поднялась тревога, будто бы генерал Сапега прибыл со своим войском и уже напал на Долгорукова²⁴⁶.

1 октября боярин князь Федор Федорович Волконский и посольский думный дьяк Алмаз Иванович со стороны русских комиссаров встретились с генералом Гонсевским в шатре на той стороне Вилии у каменного моста²⁴⁷. Их спрашивали, какие привилегии и свободы ждут Великое княжество Литовское, если оно, совершенно порвав с Польской короной, отдастся под покровительство Его Царского Величества? Русская же сторона отвечала на это лишь, что Великое княжество Литовское уже полностью завоевано Его Царским Величеством и русским народом мужественным и счастливым образом и должно вечно оставаться в русском государстве в соответствии с его правами и свободами, генералу же надлежит уговорить на это свою армию и перейти с ней под высокую руку Его Царского Величества, за что их ждет великая награда от его щедрот. После этого переговоры завершились ничем. Ни одна из сторон не желала более встречаться подобным образом, расставшись без дальнейших договоренностей.

---

²⁴⁶ Имеется в виду нападение войск гетмана Сапеги на драгунский полк Семена Брынка.

²⁴⁷ Возможно, это уникальное свидетельство о состоявшейся встрече русских послов с гетманом Гонсевским. Б.Н. Флоря в книге «Русское государство...» (с. 418) указывает, что послы отказались встречаться с Гонсевским, сославшись на то, что в нарушение соглашений он пришел с войском. Русский статейный список за 1 и 2 октября содержит упоминания об обмене письмами и переговорах об очередной встрече, которая не состоялась из-за разногласий и непогоды. См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 95. Л. 540 об. – 544.

4 октября состоялась встреча с польскими комиссарами, которая после многих споров, жалоб и возражений также окончилась ничем.

6 октября вновь условились о встрече, но поляки не явились, так что русские комиссары прождали в шатре до вечера и уже собирались отбыть в город, когда от поляков прибыл дворянин по имени Протасевич. Он сообщил от их имени, что они не решаются более явиться для съезда на это место из-за некоторых причин, а именно из-за того, что русские войска стоят слишком близко и генерал Долгоруков ежедневно угрожает польским послам. Поэтому они намеревались перенести шатры на иное, безопасное для них место, попрощаться через своих дворян и затем явиться для дальнейших переговоров, так что русским пришлось вновь отправиться в город, не добившись своего.

8 октября по желанию польских комиссаров шатры были перенесены на другое место, а именно на проселочную дорогу в сторону Лиды, в полумиле от города, в местности, которую занял со своими войсками генерал Сапега, о чем русские комиссары не знали. Комиссары с обеих сторон встретились там в самом ожесточенном настроении, так что все войско Сапеги тотчас же предстало в полном боевом порядке на ровном поле, где прежде стояли шатры. Комиссары мало говорили о мире, но лишь об открытой войне и мести и разошлись в несогласии.

9 октября устроили седьмую встречу, чтобы изыскать, осталось ли еще довольно средств, чтобы добиться чего-либо путного и удержать в этот раз войска друг против друга без пролития крови. Поскольку, однако, после кратких переговоров казалось, что надежды нет, и русские войска и армия Сапеги выступили в поле и построились по обе стороны от шатра в боевом порядке. На этом съезд был распущен, не принеся плодов. Шатры свернули в величайшей спешке, и комиссары расстались в великом страхе, не попрощавшись друг с другом. Войска же после отъезда комиссаров несколько часов показывали себя в поле друг против друга, но никто не хотел начинать битву первым. В конце концов они вынуждены были в этот раз отступить в лагерь, не дав волю своей вражде.

В тот же вечер генерал Гонсевский отправил к русским комиссарам посланника Лоховского, чтобы узнать, не решились ли они еще раз явиться для съезда с ним. Генералу Гонсевскому не только отказали в этом, но и недвусмысленно передали, что данное ему обещание безопасности более не имеет силы, поскольку польская сторона во всем действовала наперекор, так что ему следует убираться отсюда чем скорее, тем лучше, ибо генерал Долгоруков ни в коем случае не потерпит дольше его присутствия. С этим Лоховский ускакал к генералу Гонсевскому, наши же перепугались настолько, что намеревались требовать охрану у генерала Сапеги и вымаливать у поляков свободный выезд в соответствии с клятвами о безопасности. Однако воевода Долгоруков не дал им знать о своих намерениях.

В ночь с 10 на 11 октября генерал Долгоруков двинулся на лагерь генерала Гонсевского и, хотя поляки мужественно защищались, преуспел после короткой стычки, к полудню взяв в плен генерала Гонсевского, заняв его лагерь и разгромив все сопровождавшие его войска численностью в полторы тысячи всадников. Около шестисот человек остались мертвыми на поле боя, около семидесяти знатных офицеров и товарищей²⁴⁸ были взяты в плен вместе с генералом.

19 октября, после того как генерал Сапега со своим войском также отступил от Виленских полей и укрылся в укрепленных местах, русские комиссары, а с ними и генерал Долгоруков со своей соединенной армией отошли от Вильны, опасаясь нападения сапежинцев, и, пока те медлили у Ошмян, направились через Сморгонь, Радошковичи и Логойск к Борису. Во время похода, пока не прибыли в Борисов, постоянно были в непрерывной тревоге,

---

²⁴⁸ Товарищ (*Towarzys, Collega*) – шляхтич, возглавлявший небольшой отряд в составе гусарской хоругви.

поскольку войска Сапеги теснили наших со всех сторон и многие столь устали, что отставали, а также погибали от рук неприятеля в разъездах за пропитанием.

30 октября генерал Долгоруков подошел к Борисову, ведя с собой пленного генерала Гонсевского и всех людей, захваченных вместе с ним. За ним уже после захода солнца последовал младший генерал²⁴⁹ Осип Сукин с арьергардом, состоявших из двух полков конницы, одного полка драгун и одного полка пехоты.

8 ноября русские комиссары прибыли в Оршу, где встретили гонца Богуслава Сварацкого с письмами от польских комиссаров, которые весьма оплакивали несправедливость, допущенную по отношению к генералу Гонсевскому. Они требовали его освобождения, поскольку он, доверившись клятве, находился под Вильной в качестве комиссара без войск лишь со своим отрядом и желал в соответствии с клятвой, обеспечивавшей его безопасность, предотвратить дальнейшее кровопролитие. Этот гонец, однако, принужден был сопровождать русских до Смоленска и был отпущен оттуда с отрицательным ответом.

20 декабря комиссар и великий и полномочный посол, боярин и наместник тверской Иван Семенович Прозоровский, думный дворянин и наместник шацкий Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, стольник и наместник елатомский Иван Афанасьевич Прончищев и дьяки Герасим Дохтуров и Ефим Юрьев с русской стороны, барон Фресветтен, советник и надворный судья Его Королевского Величества и его шведского государства, а также Бенгт Хорн, барон Оминне, господин Экебюхольма, Мустилы и Виха, генерал-майор пехоты Его Королевского Величества и губернатор Ревеля и Эстонии; господин Иоганн Зильберштерн, барон Ледгенен и Нигален, надворный советник Его Королевского Величества; господин фон Крузенштерн, барон Виммен²⁵⁰, надворный советник Его Королевского Величества и бургграф Нарвы со шведской стороны заключили в Валиесаре трехлетнее перемирие между Москвой и Швецией.

27 декабря в Москву доставили пленного литовского генерала Гонсевского вместе с другими пленниками из его войска при большом стечении простого люда и всеобщем ликовании, не выказывая ему никакого почтения в сравнении с остальными. Его содержали и относились к нему наравне со всеми прочими, и сам он не требовал для себя ничего особенного.

---

²⁴⁹ Вероятно, термином «младший генерал» (*Untergeneral*) передано русское выражение «сходный воевода».

²⁵⁰ Среди титулов фон Крузенштерна упоминание о подобном владении не найдено.

Дополнение к 1658 году

Его Величество, король Шведский Карл Густав, покинув Польшу и прибыв в Голштинию, восстановил свои силы в Дании, перешел через замерзший Бельт и после весьма короткого сопротивления завоевал Фюн и Сконе. В конце концов он вступил в Зеландию с армией, весьма усилившейся за счет насильно набранных в нее датских войск, и принудил Датскую корону к миру, который был устроен по прошествии нескольких часов во Фридрихе, тотчас заверен Его Величеством королем Дании и вступил в силу без ведома и согласия союзников²⁵¹.

Литовские дворяне и многие из запорожских казаков, понуждаемые жестокостью и бесчеловечным обращением со стороны губернаторов и воевод к неверности русским, не могли более терпеть невыносимое иго и бежали толпами к своим прежним властям, умоляя о прощении и милостивом забвении совершенных ошибок, каковое им весьма охотно давали по княжескому милосердию и доброте. Татары также начали искать поводы к вражде с русскими, поскольку и их уже раздражала гордость тех и нечеловеческое коварство. Они требовали запретить донским казакам набеги вниз по реке Дон на собственные и турецкие границы. В противном случае они собирались ответить силой на силу и встретить своих друзей так, чтобы те узнали, что они ни в чем не уступают своим предкам, жившим за сотню лет до того.

Польская корона в этом году несколько собралась с силами и вскоре начала снова расправлять утомленные и совершенно уже расслабленные члены против своего врага и отовоевывать потерянные города. Литовский генерал Павел Сапега отбил у русских Новогрудок и Гродно²⁵². Дворяне и простой люд Минской области свергли русского воеводу и уничтожили гарнизон, предав минский замок литовским войскам. Жемайтийцы провели всю зиму²⁵³ под замком Ковно, но принуждены были отступить в беспорядке, оставив крепость в руках русских.

Шведский фельдмаршал граф Дуглас действовал со своей армией в Курляндии, предпринимая многие вылазки в Жемайтию. Поляки, однако, не желая уступать, вначале разорили Курляндию и в конце концов переправились через Двину в Ливонию и завоевали Вольмар. Генерал Дуглас же, не имея возможности победить поляков, обратил свои ухищрения против невинного герцога Курляндии и, пообещав ему нейтралитет, потребовал добровольную дань с его герцогства, подкрепляя это многими ложными свидетельствами и письмами. Он хитростью овладел замком в Митаве, сделал своими пленниками Его Княжескую Милость с супругой, принцами и принцессами, разграбив всю их казну и имущество, и отослал их со всеми их дворянами, которых он захватил, в плен в Ригу. Там они пребывали под стражей вплоть до заключения в Оливе мира между поляками и шведами²⁵⁴. Наконец, он завоевал Голдинген в Курляндии. Бауск и другие маленькие замки вынуждены были сдаться ему, частью по принуждению, частью из-за измены. Там он приобрел большие сокровища, поскольку в это военное время дворяне свозили все свое имущество в замки, которые были достаточно безопасны из-за нейтралитета, обещанного многими государями. Наибольшие богатства, принадлежавшие Его Княжеской Милости и дворянам, они нашли в Митаве.

Генерал-цейхмейстер Комаровский принял командование над армией генерала Гонсевского, когда тот попал в плен к русским, и нанес генералу Дугласу большой ущерб во многих крепостях на вылазках и в открытом сражении, совершенно измотав шведов в Курляндии

---

²⁵¹ Имеется в виду договор, подписанный в Роскилле между Данией и Швецией 26 февраля 1658 г. Под «Фридрихом», или «Фридрихсштадтом», очевидно, подразумевается королевский замок Фредериксбург в 30 километрах от Роскилле, где проходили переговоры.

²⁵² Русский гарнизон Гродно капитулировал лишь 10 марта 1659 г. См.: *Курбатов О.А.* Русско-польская война... С. 121.

²⁵³ Имеется в виду зима 1658/59 гг.

²⁵⁴ Речь идет о договоре в Оливе от 23 апреля (3 мая) 1660 г., завершившем польско-шведскую войну 1655–1660 гг.

и принудив их отступить. Поляки же, достаточно оправившись, разорили и разграбили всю страну много хуже врага, вычистив все до крошки.

1659 год

3 января в Москву из Ливонии прибыли комиссары, заключившие перемирие со шведами. Его Царское Величество принял их в предместье за Тверскими воротами.

12 января у руки Его Царского Величества был боярин и воевода казанский князь Алексей Никитич Трубецкой со своими товарищами. Их отправили с мощным войском на Украину, чтобы успокоить растущие несогласия между запорожскими казаками и призвать генерала Выговского к исполнению его обязанностей.

31 января у руки Его Царского Величества был поручик Михайло Майоров. Ему надлежало отправиться в Швецию с грамотой Его Царского Величества к Его Королевскому Величеству и объявить, что великие послы с обеих сторон должны явиться в назначенный срок для подтверждения договора о перемирии, заключенного в Валиесаре.

2 февраля боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков получил за победу под Вильной великую награду из казны Его Царского Величества, а именно шесть тысяч рейхсталеров наличными, много ценных соболиных шуб и серебряной посуды еще на тысячу дукатов, а также двести крепостных в вечное владение себе и своим наследникам.

6 февраля Его Царское Величество велел выехать в Швецию великими послами для утверждения договора о перемирии думному дворянину и наместнику шацкому Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину, дворянину и наместнику кадомскому Богдану Ивановичу Нащокину, дьяку Герасиму Семенову сыну Дохтурову и Ефиму Юрьеву.

9 февраля прибыл в Москву стрелецкий голова Абрам Лопухин, посланный к запорожскому генералу Выговскому, и доложил о его недовольстве и дурных намерениях. Тот передал, что губернаторы и воеводы ни в чем не соблюдают условия, обещанные ему Его Царским Величеством в отношении казацкой вольности, а, напротив, всячески нарушают и отступают от них.

25 марта на приеме у Его Царского Величества были вновь прибывшие посланники, а именно датский посланник господин Ольделанд и бранденбургский посланник²⁵⁵.

26 марта для переговоров пригласили датского посланника. Ему пришлось совсем не по нраву, что Москва заключила перемирие со Шведской короной в противоречие с устроенным с Данией союзом. Поскольку, однако, король Дании год назад поступил таким же образом, с этим пришлось смириться. Вечером его тайно принял Его Царское Величество, объявив свои дружеские чувства по отношению к Его Величеству королю Дании как к своему другу и соседу²⁵⁶.

9 мая мирно и кротко упокоилась в Бозе царица Анна Алексеевна, бывшая на четвертом году своей жизни. Ее предали земле в тот же день, поскольку в этой стране не сохраняют тела на протяжении долгого времени, в Вознесенском монастыре²⁵⁷, где погребают всех девиц царского рода, совершенно скромно и без какой-либо роскоши по местному обычаю.

16 мая попрощались с датским посланником Ольделандом.

13 июня на дворе Шеина в Китай-городе возник пожар, уничтоживший более тысячи дворов богатых бояр.

---

²⁵⁵ Во время этого приема Боуш ошибся, назвав датского короля Фридрихом Вильгельмом вместо Фридриха. См.: *Роде А. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 г. // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII вв. глазами дипломатов) / отв. ред. и авт. вступ. ст. Н.М. Рогожин. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 285–319 (здесь – с. 290–292).* (Россия в мемуарах дипломатов).

²⁵⁶ В этот день датский секретарь А. Роде вновь упомянул Боуша в качестве толмача и посланного на посольский двор. См.: Там же. С. 292–293.

²⁵⁷ Имеется в виду Вознесенский монастырь Московского Кремля.

22 июня на приеме у Его Царского Величества был шведский секретарь Адам Мюллер²⁵⁸. Он сообщил, что шведские великие послы готовы прибыть в Москву с подтверждением Его Королевского Величества относительно перемирия в Валиесаре и что Его Царскому Величеству остается лишь отправить таким же образом своих великих и полномочных послов.

8 августа русские великие послы прибыли в город, называемый русскими Царевичев-Дмитриев²⁵⁹, встретив там думного дворянина и губернатора пограничных ливонских городов Нащокина.

4 сентября в Кокенгаузен из Риги прибыл поручик Адам Кивиц с письмами от шведских комиссаров. Он сообщил, что шведы готовы встретиться на границе, в соответствии с мирным договором в Валиесаре²⁶⁰, предоставить и увидеть воочию утвержденные грамоты и продолжить свой путь в Москву к Его Царскому Величеству. Для этого в Риге уже приготовили корабль для переправы русских комиссаров, но те, страшась моря, не имели охоты отправиться с утвержденной грамотой от Его Царского Величества к Его Величеству королю Швеции.

16 сентября русские комиссары отправили дворянина Степана Зиновьева в посольство к шведским послам в Ригу, желая договориться с ними о встрече на каком-нибудь условленном месте между Ригой и Кокенгаузенем, поскольку граница еще не была проведена, для устных переговоров и чтобы обсудить дальнейший ход дела.

20 сентября дворянин, посланный к шведскими комиссарам, вернулся из Риги в Кокенгаузен, сообщив, что шведы согласились встретиться с русскими между Ригой и Кокенгаузенем у Тонсдорфа на Двине.

22 сентября в Кокенгаузен доставили пленного польского полковника Херинга. Его отправили в Москву, а из Москвы – в Сибирь.

23 сентября великие послы отправились из Кокенгаузена в Тонсдорф на условленное место переговоров и провели ночь в Ашерадене.

24 сентября они прибыли в Тонсдорф.

25 сентября в Тонсдорф прибыли шведы, а именно господин Бенгт Хорн, барон Оминне, господин Экебюхольма, Мустилы и Виха, советник Его Королевского Величества и его Шведского государства, генерал-майор пехоты и губернатор Ревеля и Эстонии; господин Густав Карлссон Банер, барон Гамлы и Кареби, господин Орби, Крокерума и Верпена, надворный и военный советник Его Королевского Величества; Андреас Валвик, господин Кордней и государственный секретарь Эстонии.

26 сентября состоялась первая встреча обоих великих послов в шатрах под Тонсдорфом. Шведы представили свою утвержденную грамоту и порешили действовать в соответствии с Валиесарским соглашением, отправившись с этой утвержденной грамотой в Москву к Его Царскому Величеству. Русские же воспротивились этому, полагая необходимым в соответствии с Валиесарским соглашением, прежде чем великие послы с обеих сторон продолжат свой путь, заключить договор об истинной границе, ведь ясно сказано, что великие послы с обеих сторон должны встретиться на размежеванной границе и представить грамоты, утвержденные своими государями. В этот раз вынуждены были проститься друг с другом, не придя к соглашению.

27 сентября думный дворянин Нащокин и господин Бенгт Хорн имели тайные переговоры с глазу на глаз²⁶¹ о том, чтобы великие и полномочные послы с обеих сторон отложили

---

²⁵⁸ В действительности – Адриан Мюллер (Меллер). См.: *Селин А.А.* Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки. СПб.: РБИЦ «БЛИЦ», 2016. С. 330–335; *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба... С. 235–237.

²⁵⁹ Название Кокенгаузена под русской властью в 1656–1661 гг.

²⁶⁰ В действительности в Валиесаре было заключено перемирие.

²⁶¹ Ср.: РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 48. Л. 73 об.: «Того ж дни [27 сентября] по обыске с швейскими послы съезжался в государевом съезде шатре думной дворянин Афонасей Лаврентьевич с швейским послом з Бенит Горном на один». О содержа-

в нынешних обстоятельствах задуманное путешествие к обоим государям с утвержденными грамотами и собрались бы вместо этого в надежном месте ради переговоров о вечном мире в соответствии с условиями перемирия, заключенного в Валиесаре, и приближения такового мира наилучшим образом.

28 сентября великие послы с обеих сторон встретились вновь на прежнем месте и условились в соответствии со вчерашней договоренностью обоих предводителей отложить задуманное путешествие и, сойдясь по прошествии трех недель между Дерптом и Ревелем, возобновить в соответствии с условиями Валиесарского перемирия утверждение вечного мира и восстановить прежнее доверие между обоими государями. Обе стороны удостоверили это письменно, обменялись грамотами и расстались в этот раз в добром доверии.

15 октября русские великие послы выехали из Дерпта к месту переговоров в Пегкюлле.

22 октября русские комиссары отправили посланника к шведам в Маникулу, сообщая, что русские полагают Пегкюль удобным для переговоров, так что и шведам приготовили там хорошие квартиры, и спрашивая, намерены ли они явиться или сначала пошлют своих людей осмотреть место. Те согласились со всем и в тот же день отпустили посланного.

26 октября шведские комиссары со всеми сопровождающими прибыли в Пегкюль.

27 октября комиссары с обеих сторон в первый раз встретились в Пегкюлле. Шведы все еще возражали, желая во всем следовать Валиесарским договоренностям и не отказываясь от условия об их утверждении, но по желанию и настоянию русских не отказывались все же вести переговоры о вечном мире, а были готовы и к одному, и к другому.

29 октября на вторых переговорах комиссары с обеих сторон обменялись грамотами о полномочиях и условились о следующей встрече 30-го числа.

30 октября состоялась третья встреча²⁶². Шведы требовали все города, отвоеванные у Шведской короны, а также полное возмещение и удовлетворение ущерба разного рода. Русские же добивались от шведов в придачу к городам, уже завоеванным силой русского оружия, Корелы, Копорья и Орешка.

1 ноября думный дворянин Нащокин был наедине с Бенгтом Хорном. Они вели переговоры о некоторых вещах, причем господин Бенгт Хорн ни с чем не желал соглашаться.

3 ноября состоялась четвертая встреча. Русские настаивали на своем прежнем предложении, выраженном все же в несколько иных словах. Они желали, во-первых, получить все завоеванные города, поскольку те расположены весьма близко к владениям Его Царского Величества и русского государства в Белоруссии, обещая взамен доброй воли, которую проявил бы тем самым Его Королевское Величество, войска, деньги и все необходимое для нынешней тяжелой войны, которую ведут шведы. Наконец, они вновь желали, наряду с завоеванными городами, также Кексгольм, Копорье и Нотебург. Шведы же, будучи настроены весьма решительно, объявили, что не откажутся от чего-либо, кроме возмещения понесенного ущерба, да и от того лишь из желания надежного мира. Однако Его Королевское Величество и Шведская корона никогда не отдадут и не позволят забрать у себя даже самого малого из всех захваченных городов. Они полностью заверили русских в том, что впредь никогда не сделают тем столь хорошее предложение в случае, если те не примут этого, а обратятся к другим средствам, чувствуя столь великую несправедливость со стороны русских.

5 ноября думный дворянин Нащокин был на дворе Брунова, отстоящем от русского жилья на пять миль, у фельдмаршала Дугласа для переговоров²⁶³ о том, что он почитал важным

нии переговоров в статейном списке не говорится. В свою очередь, «Дневник» умалчивает о том, что Боуш вместе с подъячим Григорием Котошихиным в тот же день ранее ездили на место съезда и обменялись со шведами верительными грамотами.

²⁶² В русском статейном списке третья встреча послов датирована 31 октября. См.: РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 48. Л. 128 об.

²⁶³ Шведские источники, в том числе письма Роберта Дугласа, датируют его встречу с Ординым-Нащокиным 8 ноября 1659 г. См.: Nordwall J.E. Svensk-gyska underhandlingar före freden i Kardis (1658–1661). Upsala: Almqvist & Wiksell, 1890. S. 62. В русском статейном списке и в следующей за ним отечественной историографии этот эпизод не упомянут, возможно,

делом. Первым делом господин фельдмаршал весьма сожалел о том, что Нащокин не отправил ему, согласно достигнутой договоренности, своего сына Воина с тысячей человек в Курляндию на помощь против поляков²⁶⁴. Нащокин не испытывал недостатка в извинениях и отговорах, но в конце концов предложил в качестве средства для возмещения этой нарушенной договоренности нечто, что не только он, фельдмаршал, но и Его Королевское Величество и вся Шведская корона примут от Его Царского Величества в знак великой дружбы и добрых намерений к миру. Фельдмаршал, с нетерпением ожидавший услышать и узнать о столь верном обещании, со вниманием спросил о подробностях, однако Нащокин столь долго пространялся о достоинствах этого доброго намерения, что фельдмаршал был принужден доискиваться о его истинном содержании. Нащокин ответил, что Его Царское Величество, его милостивый царь и великий государь, ради доброго доверия, которое он намеревается соблюдать в будущем с Его Королевским Величеством и Шведской короной, склонился ныне к следующему знаку дружбы. Поскольку Шведская корона ныне окружена многими великими и могущественными врагами и не способна оказать настоящее сопротивление литовским войскам в Курляндии, Его Царское Величество желает на некоторое время занять все ливонские крепости – Ригу, Ревель, Нарву и т. д. – русскими солдатами в таком количестве, в каком это будет необходимо, с тем чтобы господин фельдмаршал, усилив между тем свою армию всеми шведскими войсками из гарнизонов, собрал ее и мог бы двинуться в Курляндию против литовцев. Сам же Нащокин намеревался, дабы предупредить вражеское вторжение в Ливонию со стороны польских войск, держать добрую армию в боевой готовности на Двине и оберегать ливонскую границу, с тем чтобы фельдмаршал без опасения мог атаковать литовцев и завершить свои дела в Курляндии. Сколь самонадеянно было высказано это предложение, столь же учтиво фельдмаршал отвечал, с язвительной улыбкой, благодаря за проявленную добрую волю, что у Его Королевского Величества и Шведской короны достаточно сил, чтобы противостоять своим врагам, сколь бы могущественными они ни казались. Нащокин же не должен воображать, что он со своей армией не справился с литовцами. То, что он ныне вернулся в Ливонию для некоторого отдыха, следует приписать не храбрости и силе поляков и еще менее удаче, обратившейся против шведов, но только и единственно обстоятельствам времени, которое требует продолжить войну в будущем с большей осмотрительностью. Красный от волнения, он заговорил наконец об этом дружеском предложении и о том, насколько позорным, по его размышлению и разумению, было бы для Его Королевского Величества как столь храброго государя, который не ищет ничего, кроме бессмертной славы, и для Шведской короны, издавна никем не побежденной, если бы чужие гарнизоны заняли ее крепости безо всякой нужды и в благоприятных обстоятельствах. После этих слов Нащокин одарил фельдмаршала сорока превосходными соболями стоимостью в четыреста рейхсталеров, чтобы тем смягчить его. Фельдмаршал принял их с великой благодарностью, но отказался говорить далее об этом деле и, отворив дверь комнаты, призвал к себе своих офицеров. Получив от них полный отчет, он обратился к Нащокину и изволил пить заздравные тосты под звуки литавр, труб и барабанов, так что думный дворянин Нащокин прервал свои речи из-за великого шума и грохота и, поскольку сам он не желал пить, встал и распрощался со многими любезностями. Обе стороны обменивались ими весьма долго, хотя из-за непрерывного звука труб немного можно было услышать и разобрать.

вследствие желания Ордина-Нащокина скрыть эти переговоры от царя или своих недоброжелателей в Москве. Вместе с тем в «Дневнике» опущено упоминание о посылке Боуша 4 ноября с письмом к шведским комиссарам. См.: РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 48. Л. 164.

²⁶⁴ Речь идет о планировавшихся в августе 1659 г. совместных действиях войск Дугласа и русского контингента под командованием Воина Ордина-Нащокина против поляков. См.: *Флоря Б.Н.* Русское государство... С. 488; *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба... С. 245–248.

12 ноября состоялась шестая встреча²⁶⁵. Русские выразили явное намерение сохранить старые Тявзинские условия²⁶⁶. Шведские уполномоченные, однако, не желали знать ничего иного, кроме Столбовского соглашения²⁶⁷, которое сами они никогда не нарушали, а еще и донныне почитали твердым и нерушимым. Поскольку же его нарушила русская сторона, то ей надлежало возместить все расходы, понесенные из-за этого Шведской короной. Шведы желали простить русским это на сей раз ради доброго и верного мира, изменив Тявзинские условия на Столбовские, поскольку Столбовский мир полностью отменил Тявзинский.

16 ноября состоялась седьмая встреча. Договорились полностью соблюдать Валиесарское перемирие и продолжить размежевание границы в соответствии с ним.

18 ноября состоялась восьмая встреча. Шведы объявили о намерении соблюдать перемирие, заключенное в Валиесаре, и отправиться с утвержденными грамотами в Москву. Они желали также, чтобы русские заявили о готовности ехать к Его Королевскому Величеству с утвержденными грамотами Его Царского Величества. После долгих споров, однако, это на сей раз не утвердили.

21 ноября состоялись девятые переговоры²⁶⁸. После долгих разногласий решили, что перемирие, заключенное в Валиесаре, остается действительным и в полной силе, а размежевание границы предпримут будущим летом. Обе стороны обязались немедленно приступить к тому, чтобы, чем скорее, тем лучше, послать комиссаров на границу для поисков вечного мира и завершения этого христианского начинания.

23 ноября состоялись десятые и последние переговоры. Все, о чем договорились за два дня до того на девятых переговорах, подтвердили письменно и обменялись на том подписями и печатями комиссаров с обеих сторон. Исполнив это, расстались друг с другом весьма дружески.

19 декабря дьяк Григорий Богданов выехал в Стокгольм с письмом Его Царского Величества к Его Величеству королю Шведскому, уведомляя о согласии Его Царского Величества на то, чтобы комиссары с обеих сторон вновь собрались для устройства вечного мира, и о том, что русские немедленно выезжают из Москвы в Дерпт в Ливонии, чтобы присоединиться к переговорам.

---

²⁶⁵ По неясной причине отсутствует запись о пятой встрече послов, состоявшейся, согласно русскому статейному списку, 10 ноября. См.: РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 48. Л. 172.

²⁶⁶ То есть условия Тявзинского мира 1595 г., по которым к России отходила часть побережья Финского залива, а также крепости Корела, Орешек, Ям и некоторые другие.

²⁶⁷ То есть условия Столбовского мира 1617 г., по которым Россия теряла свои владения в Прибалтике и устанавливалась русско-шведская граница, действительная до начала военных действий в 1656 г.

²⁶⁸ Русский статейный список датирует девятую встречу послов 20 ноября. См.: РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 48. Л. 214 об.

Дополнение к 1659 году

Сын русского думного дворянина и губернатора занятых в Ливонии городов Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина стольник Воин Нащокин, которому отец на время своего отъезда к Его Царскому Величеству в Москву ради важных государственных дел доверил управление и губернаторство в Ливонии, переправился с тысячей всадников и пехотинцев через Двину в Литву, в Упитскую область, и захватил Чадосы, где его осадил генерал Комаровский. В конце концов ему на подмогу пришел и освободил его отец, прибывший из Москвы в Кокенгаузен. Этот думный дворянин Нащокин велел затем из чистой зависти почти что до смерти сечь и бить кнутом этого своего сына, который был изящным, образованным и достойным человеком и его единственным сыном. Он ставил ему в вину, что сын перешел Двину с отрядом без приказа Его Царского Величества и его отцовского дозволения и распоряжения и потерял при этом много людей, которых у них в других обстоятельствах не считают, поскольку воеводы умеют к своей выгоде весьма хорошо скрывать их число от своего царя и государя. От этой невыносимой боли добрый юный герой принужден был провести четыре месяца в постели и лечить кожу, которая под кнутом совершенно отстала от костей²⁶⁹.

По смерти генерала Комаровского генерал-вагенмейстерство в Великом княжестве Литовском и начальство над жемайтскими войсками перешло к Михаилу Пацу. Литовцы под началом смотренного генерала графа Полубинского²⁷⁰ и жемайтцы, предводительствуемые генерал-вагенмейстером Пацем, принудили в конце концов фельдмаршала Дугласа со своей армией совершенно отступить, очистив Курляндию, а затем отвоевали у шведов Митаву, Голдинг, Бауск и другие курляндские замки, заняв их польскими войсками. Генерал Дуглас просил у русского губернатора Нащокина о помощи против поляков, но тот, ведя с ним любезные переговоры, медлил день ото дня, пока Дуглас не принужден был оставить Курляндию и отступить за Двину²⁷¹.

Русский генерал, боярин князь Иван Андреевич Хованский направился с новгородскими и псковскими войсками на Полоцк, вторгся оттуда в Литву, захватил крепость Брест в Литве и занял ее русским гарнизоном²⁷². Новогрудок и Гродно, захваченные незадолго перед тем поляками, вновь сдались русским.

Литовская армия под началом великого генерала и палатина виленского Павла Сапеги стояла меж тем на прусской границе под Юргенбургом и Филипповым, ожидая исхода переговоров со шведами в Оливе под Данцигом.

Северные королевства Швеция и Дания возобновили враждебные действия несмотря на мир, заключенный под Фридрихсштадтом. Поэтому палатин русский Стефан Чарнецкий с польской армией в шесть тысяч человек, выполняя условия заключенного с Датской короной союза, а также Его Светлость курфюрст Бранденбургский оказывали посильную помощь Его Величеству королю Дании против Шведской короны. Тем же занимались и войска Римского императора под началом генерала Хатцфельдера²⁷³, занявшие Дам и прошедшие Поме-

---

²⁶⁹ По всей видимости, сообщение «Дневника» представляет собой наиболее развернутое изложение слухов, ходивших вокруг наказания Воина Ордина-Нащокина, которое, возможно, побудило Воина на рубеже 1659–1660 гг. бежать из России. См.: Кошелева О.Е. Побег Воина // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М.: ИВИ РАН; РГГУ, 1997. С. 55–86 (здесь – с. 66–67); см. также: Роде А. Описание второго посольства... С. 317.

²⁷⁰ Возможно, термин «смотренный генерал» (*General-Musterherr*) указывает на роль Полубинского в комиссии сейма 1659 г., занимавшейся оплатой и комплектованием войска.

²⁷¹ Согласно иным источникам, в том числе письмам Роберта Дугласа к Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину и донесениям последнего к царю, инициатива совместных действий против поляков весной и осенью 1659 г. исходила от русской стороны и была отвергнута шведами. См.: Флоря Б.Н. Русское государство... С. 472, 488.

²⁷² Речь идет о событиях января 1660 г.

²⁷³ Вероятно, автор «Дневника» ошибается, имея в виду графа Мельхиора фон Хатцфельда, который командовал импе-

ранию до Штетина. Невзирая на это, Его Величество король Шведский осадил резиденцию датского короля Копенгаген и продолжал непрерывную осаду несколько месяцев, предприняв также решительный приступ, при котором погибли несколько тысяч лучших шведских солдат. Английские и голландские адмиралы продолжали свои действия на море, ожидая, не возымеет ли эта игра действие. Шведская корона же, подчинив себе крепость Кроненбург на Зунде, с большим удовольствием признала английский флот своими друзьями и союзниками, но не объявила ни о вражде, ни о дружбе с голландцами, которые также оказывали ей услуги.

Русская армия под началом боярина и наместника казанского князя Алексея Никитича Трубецкого с подчиненными ему воеводами подошла к Конотопу в Украине и осадил там отложившегося казацкого полковника Григория Лесницкого. Татарский хан Гирей объявил Москве войну и пожелал, чтобы все русские гарнизоны покинули украинские крепости и города и целиком и полностью очистили их, передав запорожскому генералу Ивану Выговскому. Русская сторона, однако, не удовлетворила его в этом, а на предложенное в прошлом году условие, касающееся донских казаков, ответила совершенно невнятно, а именно, что последних, как вольных людей, ни к чему невозможно принудить. Поэтому крымский хан соединился с запорожским генералом Выговским и пришел на помощь Лесницкому в Конотопе. Когда же русское войско в пятнадцать тысяч человек²⁷⁴ под началом двух генералов, окольного князя Семена Романовича Пожарского и окольного князя Семена Петровича Львова (Ярославского)²⁷⁵, выступило против конницы татар и казаков, те полностью разбили его, захватив в плен более тысячи человек из числа самых знатных, прочих же оставили мертвыми на поле брани²⁷⁶. Генерал Выговской же побудил татарского хана не довольствоваться этими пленниками, а наступать, чем скорее, тем лучше, на главное войско русских под Конотопом, где можно будет захватить лучшую добычу и пленников, так что татары по ханскому приказу жестоко изрубили саблями обоих этих генералов и всех пленников²⁷⁷. Генерал Трубецкой, видя это, пришел в совершенный ужас и, полностью сняв осаду Конотопа, поскольку был уже довольно измотан приступами и вылазками, начал отступать в полном порядке. Его армия тогда включала сильную пехоту, а также артиллерию, состоявшую из дорогостоящих пушек, мортир и огненных хитростей и пополненную добрыми немецкими офицерами, инженерами, пушкарями и канонирами. Татары и казаки же непрестанно наседали, прилагая к этому все усилия несмотря на большие потери в своих рядах. Русская армия оборонялась мужественно и в конце концов прибыла, хотя и потеряв довольно многие пожитки и около тысячи человек, в крепость Путивль, где нашла доброе и надежное убежище против этого сильного врага. Окольный и воевода князь Петр Алексеевич Долгоруков (Оболенский)²⁷⁸ направился со своим войском из Смоленска в Литву к Минску, вновь взял его и вырезал всех, бывших в нем. Оттуда он отправился по необычному пути на Украину на подмогу генералу Трубецкому, но прибыл слишком поздно, когда враг уже очистил поле и повернул домой. Этот сильный набег страшного и быстрого врага весьма ужаснул все русское государство. Во всех крепостях и даже в столичном городе Москве закрывали крепостные ворота и усиливали стены и раскаты, поскольку всю страну охватила тревога. Люди толпами бежали

раторскими войсками в Речи Посполитой, но скончался еще в декабре 1657 г.

²⁷⁴ В действительности русские войска насчитывали около 24 000 человек. См.: *Бабулин И.Б.* Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М.: Фонд «Русские витязи», 2015. С. 11.

²⁷⁵ Род Львовых происходил от удельных ярославских князей.

²⁷⁶ Согласно русским источникам, потери царской армии под Конотопом составили около 4800 человек, в том числе около 250 человек из числа московских чинов. См.: *Бабулин И.Б.* Битва под Конотопом... С. 36.

²⁷⁷ Русские, украинские и османские источники не сообщают о роли Выговского в казни русских пленных и приписывают это решение хану и его приближенным. Из двух воевод был казнен только Семен Романович Пожарский, в то время как Семен Петрович Львов скончался от ран. Казнена была большая часть пленных, но многим из рядовых пленников удалось уцелеть, а некоторым даже вернуться впоследствии в Россию. См.: Там же. С. 31–32.

²⁷⁸ Долгоруковы – одна из ветвей рода Оболенских.

к укрепленным местам, бросив все в деревнях. Это продолжалось до получения известия о том, что главная армия спаслась и отступила в Путивль, а враг повернул назад.

Запорожский генерал Выговской после завершения этого похода, который ему не столь удался, как он на то рассчитывал, заметил, что его казаки, весьма жаждавшие русских соборей, желают изменить ему. Между тем татары уже отступили домой, а на помощь Польской короны не было никакой надежды. Отчаявшись, он добровольно передал всю власть Юрасю, сыну умершего генерала Богдана Хмельницкого, а сам перешел к полякам, которые отдали ему воеводство в Киеве и усадили с собой в сенат²⁷⁹. Юный Хмельницкий, получив власть и удостоверившись в верности казаков, вновь отдался со всеми запорожскими казаками Его Величеству Московскому царю, принеся торжественную клятву в верности в присутствии боярина и наместника казанского Алексея Никитича Трубецкого, а также боярина и наместника белозерского Василия Борисовича Шереметева, окольничего и воеводы князя Григория Григорьевича Ромодановского и князя Петра Алексеевича Долгорукого-Оболенского под открытым небом в Переяславе, куда собрались все русские генералы со своими войсками и весь казацкий люд. Генерал Трубецкой вручил казакам новые дипломы и привилегии Его Царского Величества, касающиеся их вольностей. Гетману Хмельницкому от имени Его Царского Величества передали драгоценную булаву, удостоверив это открытой грамотой с печатью Его Царского Величества и русского государства. Исполнив это, генерал Трубецкой и воевода князь Долгоруков вернулись со своими войсками в Москву. Боярин же Василий Борисович Шереметев, которому была доверена власть над всей Украиной, остался со всем войском в Киеве. Окольничий и воевода князь Григорий Григорьевич Ромодановский, которому было приказано надзирать над границей с татарским полем, пребывал со всей своей армией в Белгороде.

Окольничий и воевода князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский, начальствовавший над русскими войсками в Белоруссии, осадил крепость Мстиславль, изменившую русским после того, как казацкий полковник по имени Рытор при поддержке многих казаков и дворян изрубил саблями русского губернатора вместе с его гарнизоном и укрепился там. Лобанов-Ростовский изматывал казаков и наводил ужас непрестанной и непрерывной осадой, пока, наконец, голод не принудил их сдаться на охотно обещанную им царскую милость, что стоило многим жизни, чести, достоинства и всего состояния. Прежде всех прощение получил полковник Рытор, который, выказывая неким образом верность русским, улучил в конце концов возможность спастись бегством, сменив свое опасное положение на безопасное. Предав Мстиславль огню, разделив поляков и подчинив их жестокому и неизбывному ярму рабства, воевода Лобанов вознамерился развить свою победу, двинулся со своей армией под крепость Старый Быхов на Днепре и подверг ее жестокой осаде. Однако комендант, казацкий полковник Иван Нечай, а с ним и весь гарнизон ни в коем случае не желали прийти к соглашению, какие бы заманчивые и щедрые посулы он им не делал, и неустанно наносили врагу большой ущерб храбрыми вылазками. Он же продолжал постоянную осаду в течение шести месяцев, подводя окопы и рвы и беспрестанно применяя огненные ядра, смолу, всевозможные враждебные уловки и многие вредящие крепости выдумки. В конце концов, благодаря предательству нескольких вероломных дворян, а именно двух Илиничей, двух Рончковских и Шульца, он ночью порою ворвался в крепость, до того не побежденную врагом, вырезав там всех оставшихся в живых. Коменданта Ивана Нечая и многих дворян, частью бежавших и отказавшихся от русского подданства, частью же вернувшихся в это время из Литвы в свои разоренные имения и, когда они были потревожены этим войском, укрывшихся там, Лобанов приказал безжалостным образом заковать в цепи и держать в суровом заточении до приказа Его Царского Величества, весь город же – разграбить, разорить и предать огню. Казаки также захва-

---

²⁷⁹ Сенат (*Senat*) – верхняя палата сейма Речи Посполитой, состоявшая из высших церковных иерархов и чинов местного самоуправления.

тили Кричев и привезли польского коменданта Трембиньского пленником в Москву. Равным образом поступили с Рославлем и другими городами в Северной земле²⁸⁰

---

²⁸⁰ Здесь в «Дневнике» возникает некоторая хронологическая путаница. В действительности Кричев был взят верными царю войсками в апреле, Рославль – в июне, а Старый Быхов – в декабре 1659 г. См.: *Курбатов О.А.* Русско-польская война... С. 120, 139.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.